Ч.14 3/87
6.1.

Проф. А. М. Солнцевъ.

Дезэктологическій очеркъ Сибири.

Выпускъ I.

Изданіе Государственнаго
Иркутскаго Университета.

Иркутскъ. 1921.

Vienna

г 14 3/87 С 14 3 8 г

Проф. А. М. Селищевъ.

ДІАЛЕКТОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СИБИРИ.

Выпускъ 1.

Изданіе Государственнаго
Иркутскаго Университета.

Иркутскъ. 1921.

Библиотека Русского Института 8319 Пражского университета

Гос. [illegible] Б-ка
[illegible]
Инв. № [illegible]
[illegible] 19[illegible] г.

Иркутскъ. 2 Государственная типографія. 1200. 21. Р. В. Ц.

ПАМЯТИ

академика

Алексѣя Александровича

ШАХМАТОВА.

ΔΙΔΧΜΑΤΙΟΡΑ

ΔΑΦΚΟΡΑ ΔΑΓΚΟΣΗΔΟΒΝΗΔ

SKEADOWKS

MTRMAD

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе . . . . . 1—8.

I. Звуковой составъ . . . . . 8—79.

Гласный о (8—12) Гласные е,‘а (12—20). ѣ (20—22). *ъ, *ь передъ j или несловымъ i (22 - 23). и (23—25). *jь, iь (25—26). Voc.+i+voc. (26—28). ы (28—͡30). Начало слова (͡30). г (30—33). х (33—35). ф (35—36). к⇒х (36). к‘, г‘ (36—38). гы, кы (38). v, w, неслоговое у (38—42). Плавные (42—48). ч, ц (48—56). ш, ж, с, з (56—67). дз (67). Согласные передъ гласными передняго ряда. Мягкіе согласные (67—73). Группы согласныхъ (73—79).

II. Формы . . . . . 79—139.

Существительныя (79—91). Прилагательныя (91—95). Родъ (95—96). Мѣстоименія (96—104). Членныя формы (104—106). Глаголъ (107—120). Нарѣчія, предлоги, союзы, частицы (120—128). Изъ синтаксиса (128—133). Удареніе (133—139).

III. Великорусское наслѣдство и судьба его въ Сибири . . . . . 139—271.

Введеніе (139—147). Гласный о (147—149). е,‘а (149—152). ѣ (152—153). *ъ, *ь передъ j или несловымъ i (153—154). и—е (154—156). *jь, *iь (156—157). Voc.+i+voc. (157). ы (157—158). sl‘u⇒sli (158—159). je-: jedin, jedno (159). Начало слова (160). г (160—162). х (162—166). *chw, t

(166—169). к—х (169—171). к, г, х' (171). v, w, неслоговое у (171—177). Плавные (177—187). ч, ц (187—190). ш, ж, с, з (190—215). Согласные передъ гласными передняго ряда (215—223). Группы согласныхъ (223—228). Формы. Существительныя (228—236). Прилагательныя (236—241). Родъ (241—242). Мѣстоименія (242—247). Членныя рмы (247—248). Глаголъ (248—259). Наічія, предл., оги, союзы частицы (260—262). нтаксисъ Удареніе. Лексика (262—271).

IV. Русскія діалектическія группы въ Сибири . . . . . 271.

Дополненія . . . . . 272—294

I (272—282). II Камчатка (283—286). Дополненія къ III-ей главѣ (286—294).

Настоящее изданіе печаталось съ февраля 1920 г. по мартъ 1921 г. Вторая половина «Очерка» набиралась въ отсутствіе автора и корректура имъ не держалась. Вкралось много опечатокъ. Усердная просьба исправить ихъ по двумъ спискамъ, приложеннымъ въ концѣ книги.

«Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна»,—писалъ 27 лѣтъ тому назадъ акад. А. И. Соболевскій въ своемъ «Очеркѣ русской діалектологіи» [1]. Въ характеристикѣ говоровъ Сибири указаны имъ немногія черты восточносибирскихъ говоровъ на основаніи статей П. А. Ровинскаго и записей, находящихся въ «Верхоянскомъ Сборникѣ» (1890 г.) и «Сибирскомъ Сборникѣ» Ядринцева (1887 г.). Относительно западной Сибири «у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній» [2]). Отмѣчены на основаніи случайныхъ указаній по 3 черты говоровъ Тобольской области и населенія Алтая. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ появился длинный рядъ описаній русскихъ говоровъ въ Европѣ и было опубликовано много записей, относящихся къ этимъ говорамъ. Среди этихъ записей и описаній были и научныя описанія той или иной діалектической области и простые перечни-отвѣты на діалектологическія программы, изданныя Отдѣленіемъ русскаго языка и слов. Ак. Наукъ, редакціей «Живой Старины» и Московской Діалектологической Комиссіей. Накопившійся матеріалъ, хотя и не равноцѣнный и далекій отъ желательной полноты, позволилъ Московской Діалектологической Комиссіи составить, въ качествѣ опыта, діалектологическую карту русскаго языка въ Европѣ и снабдить ее приложеніемъ очерка рус

---

[1]) Живая Старина. Г. II, вып. II, 24.

[2]) Тамъ же 26.

пѣсенъ Сибири сдѣланы безъ передачи чертъ ихъ языка.

Съ открытіемъ историко-филологическихъ факультетовъ въ Томскѣ, Иркутскѣ и Владивостокѣ и Института изслѣдованія Сибири дѣло изученія Сибири, при этомъ и языка русскаго населенія ея, не замедлитъ дать желательные результаты. Правда, слѣдуетъ оговориться, что на долю русской діалектологіи вообще и сибирской въ частности въ новыхъ очагахъ культуры на Востокѣ великой Россіи удѣлено мало вниманія или вовсе забыто о ней. На историко-филологическомъ факультетѣ во Владивостокѣ не читается ни одного курса по русскому языку и другимъ славянскимъ языкамъ. Болѣе вниманія удѣлено діалектологіи Сибири со стороны томскаго историко-филологическаго факультета. Недавно (въ 1919 г.) профессоромъ А. Д. Григорьевымъ издана «Программа для собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для составленія діалектологической карты русскаго языка въ Сибири [1]). Она представляетъ собою перепечатку программы, составленной Моск. Діалект. Комиссіей (вып. 2); но «въ ней мною сдѣланы только необходимыя для Сибири измѣненія и дополненія»,—заявляетъ проф. Григорьевъ. Къ сожалѣнію, эти «измѣненія и дополненія» совсѣмъ незначительны, а дѣйствительно важные пункты въ отношеніи говоровъ Сибири не указаны въ программѣ. Такъ напр., нѣтъ пункта о судьбѣ сочетаній—согласный+j (неслог. i) гласный—(платье, божья, веселье и т. под.); нѣтъ вопроса о «среднемъ» ł вм. твердаго *л*, о j вм плав-

[1]) Оттискъ изъ «Извѣстій Томскаго Университета». 1919.

ныхъ, о мѣнѣ *ш* и *с*, *ж* и *з* (шам, раш, посол, зар кой...); отсутствуетъ указаніе на возможность ch вм. v или неслогового *у* передъ согласнымъ, не обращено вниманія на губно-губной w, близкій къ b (б); нѣтъ запроса о формахъ дат.—мѣстнаго ед. именъ съ прежней основой на —ь (i) (печь, путь, лошадь .); упущена справка объ инфинитивныхъ формахъ на — *сти* (стасти, боясти...) и многое другое въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ.

Что касается Института изслѣдованія Сибири, какъ обнаружено было въ программныхъ докладахъ, читавшихся на съѣздѣ по организаціи его (въ январѣ 1919 г.), тамъ, повидимому, господствуетъ тенденція узко-практическаго, техническаго изученія Сибири. Между тѣмъ, изученіе говоровъ Сибири представляетъ глубокій интересъ. Не говоря объ общемъ научномъ значеніи этого изученія, отмѣтимъ слѣдующія стороны діалектологіи Сибири.

1) Русскіе говоры Сибири, оторвавшись отъ ближайшихъ говоровъ европейской Россіи, начали свою жизнь съ тѣмъ запасомъ звуковъ, формъ и лексики, какой былъ свойствененъ говорамъ ихъ метрополіи въ 16-мъ, 17-мъ вв. Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи прольетъ свѣтъ на состояніе тѣхъ или иныхъ русскихъ діалектовъ въ 16-мъ и въ 17-мъ столѣтіяхъ. Съ другой стороны, такое изученіе укажетъ, какіе языковые процессы были пережиты русскими поселенцами въ Сибири въ теченіе послѣднихъ 300—200 лѣтъ.

2) Сравнительное изученіе говоровъ Сибири и европейской Россіи опредѣлитъ путь сибирской колонизаціи.

3) Русскіе выходцы изъ разныхъ мѣстностей Россіи, поселившись въ Сибири, оказывали вліяніе одни на другихъ. Ассимиляція происходила и въ отношеніи языка. Вліяніе шло преимущественно со стороны носителей сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Отъ средневеликоруссовъ или отъ языка «общерусскаго» усвоено въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ аканье и иканье.

4) Русскіе поселенцы въ Сибири и сибирскіе инородцы приходили въ различныя взаимоотношенія. Слѣды этихъ взаимоотношеній отражаются также въ языкѣ и русскаго населенія и инородческаго.

Пожелаемъ же, чтобы скорѣе настало время, благопріятное для дѣла *всесторонняго* изученія Сибири. И въ этомъ изученіи пусть займетъ надлежащее мѣсто наука о томъ, благодаря чему, по словамъ Гумбольдта, человѣкъ сталъ человѣкомъ,—о языкѣ его. А нижеслѣдующія замѣтки, основанныя на опубликованныхъ матеріалахъ, разбросанныхъ въ различныхъ изданіяхъ, и отчасти на собственныхъ наблюденіяхъ, пусть напомнятъ еще разъ, какъ скудны наши свѣдѣнія о языкѣ русскаго населенія Сибири.

Въ основу сибирскихъ говоровъ легли говоры сѣверной полосы европейской Россіи,—говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерній. Оттуда шли основныя старыя колонизаціонныя волны въ Сибирь. Всѣми главными явленіями звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими сибирскіе говоры находятся въ ближайшей родственной связи съ этой сѣверно-великорусской діалектической областью (подробнѣе въ III ей главѣ). Въ числѣ раннихъ поселенцевъ

въ Сибири были носители, повидимому, не въ большомъ количествѣ, другихъ русскихъ говоровъ, но ихъ потомки ассимилировались съ основной массой стараго русскаго населенія. Во второй половинѣ XVIII вѣка въ Сибирь было выслано много семействъ старообрядцевъ изъ западной Россіи. Одни изъ нихъ поселились на Алтаѣ въ Змѣиногорскомъ и Бійскомъ округахъ, гдѣ извѣстны подъ именемъ «поляковъ»; другіе добрались до Забайкалья, и осѣли въ Верхнеудинскомъ округѣ, гдѣ извѣстны подъ именемъ «семейскихъ». По чертамъ своего языка семейскіе относятся къ южно великорусской группѣ. Описанію ихъ говора посвящена III глава моей работы: «Забайкальскіе старообрядцы. Семейскіе». (Ирк. 1920, стр. 44—69). Данныя, изложенныя тамъ, относятся къ говору семейскихъ въ сс. Тарбагатай, Десятниково, Кунапей, Мухоршибиръ, Новый Заганъ, Хонхолой, Никольское, Харауз, Шеролдай, Бичура. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ о говорѣ ихъ сородичей на Алтаѣ, указываютъ, что онъ принадлежитъ той же діалектической группѣ. Позднѣе въ Сибирь катились волны изъ центральныхъ губерній Россіи. Выходцы изъ этихъ мѣстностей до сихъ поръ сохраняютъ черты говоровъ средне-великорусскихъ и южно великорусскихъ. Были переселенцы и поселенцы и изъ западной и южной Россіи. Малорусскія поселенія находятся и въ западной и въ восточной Сибири. Компактныя малорусскія группы еще сохраняютъ черты своего нарѣчія. Единичныя же семьи, заброшенныя въ среду «сибирскаго» великорусскаго населенія, или совсѣмъ утратили свой малорусскій говоръ или близки къ этой утратѣ. О судьбѣ языка бѣлорусскихъ переселенцевъ

никакими свѣдѣніями не располагаю. Вѣроятно, она такова же, какая постигла говоръ малоруссовъ. Замѣчательно сильное воздѣйствіе оказываютъ говоры «сибиряковъ»—сѣверно-великоруссовъ на другіе. Какъ на примѣръ, укажу на судьбу говора забайкальскихъ старообрядцевъ, семейскихъ: вопреки своему стремленію жить обособленно отъ «сибиряковъ», какъ называютъ семейскіе русское нестарообрядческое населеніе, они не могли устоять, чтобы не поддаться вліянію «сибирскихъ» говоровъ. Попали въ Сибирь и носители польскаго языка. Среди «литвы» и «черкасъ», появлявшихся въ XVII—XVIII вв. въ Сибири. были и поляки [1]).

I. Звуковой составъ.

Гласный о.

Ударенные гласные переданы посредствомъ жирнаго шрифта. Неслоговое *у* передано посредствомъ w. Для передачи мягкаго согласнаго служитъ знакъ согласнаго съ‘.

«О к а н ь е». Говоры «старожилаго» русскаго населенія Сибири относятся къ типу «окающихъ» великорусскихъ говоровъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ вм. неударенаго (предударнаго) *о* представлено *у*: уп‘ат‘ (уп‘вт‘), дукол‘, уткол‘ (напр. въ области Алтая). По говорамъ находится **у** или **ъо** подъ удареніемъ вм. **о**: вусем‘, нуги, дулѣ, супка (напр., въ Тобольской губ., въ восточной Сибири). Срав. въ якутскомъ языкѣ передачу русскихъ заимствованій: гуорад, буорах

---

1) П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири. Харьковъ, 1889. Стр 198—199. Н. Оглоблинъ. Заговоръ томской «литвы» въ 1634 г Оттискъ изъ VIII ой кн «Чт. въ Историч. Общ. Нестора лѣтоп.», 3

(оброкъ), холуода (колода), усуор (узоръ). Вѣроятно, **уо** въ этихъ случаяхъ отражаетъ **уо** или ᵘ**о** вм. ударенпаго **о** тамошняго русскаго говора.

Гласный *о* (*о* и *о* вм. *е* передъ твердымъ согл.) подъ удареніемъ произносится съ значительной лабіализаціей и с е м е й с к и м и: въ первой части образованія гласнаго ясно выступаетъ образованіе для *у*, затѣмъ переходящее къ *о*: ᵘо.—паскᵘотина, дарᵘога, харᵘош, харашᵘо,тᶦᵘотка, гуwнᵘо, синакᵘос, мужукᵘоw, заwᵘоду, мнᵘога (наблюдалъ въ сс. Хонхолоѣ, Николь, Хараузѣ). Семейщиной представлены лабіализованные гласные и въ н е у д а р е н н о м ъ слогѣ. Лабіализація въ этомъ положеніи вызвана воздѣйствіемъ сосѣдняго губного неслогового звука. Но лабіализація въ этомъ положеніи проведена не послѣдовательно: произносятся гласные и безъ слѣдовъ лабіализаціи. Въ предударномъ положеніи: Бугародица, абмувајутᶦ, пулноч, бугулᶦник (и—багулᶦник). Въ заударномъ положеніи: три wупуда (3 уповода); въ формѣ род. мн—оw или оᵘw, ᶦоw или ᶦöw (ᶦö—близко къ переднему ряду), или—*у*w или даже съ утратой конечнаго w послѣ *у*.—памешшыкоᵘw, радитилᶦоw, 5 конᶦоw, конᶦуw, конᶦу (послѣднее отмѣчено въ Тарбаг.). Но въ тѣхъ же селахъ говорятъ и—5 телаw, братᶦтᶦaw, свидетелеw. Кромѣ того,—малᶦчишкаᵒм, алᶦбаᵒ.

Въ Сибири имѣются также говоры, представляющіе результатъ измѣненія неударенныхъ *а*, *о*, *е*,—«а к а н ь е». Говоры эти не однородны. Одни изъ нихъ —говоры позднѣйшихъ переселенцевъ изъ областей южновеликорусскихъ и средневеликорусскихъ. Возможно, что среди носителей говоровъ, представляющихъ черты средневеликорусскихъ говоровъ, есть

потомки средневеликорусскихъ, давнихъ поселенцевъ Сибири. Затѣмъ, акающіе говоры принадлежатъ старообрядцамъ — южновеликоруссамъ — семейскимъ, въ Забайкальѣ и «полякамъ» на Алтаѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверно-великорусскіе говоры развили аканье только здѣсь, въ Сибири, подъ вліяніемъ сосѣднихъ акающихъ говоровъ. Акающіе не-южновеликор. говоры: въ Забайкальѣ (въ Верхнеудинскомъ у. сс. Мухоршибиръ, Саянтуй, Баръ, Харашибиръ и далѣе къ востоку), въ Иркутскомъ у., въ Нижнеудинскомъ у, Балаганскомъ у. (по Ангарѣ), въ Енисейскомъ у (с. Казачинское, къ югу по Енисею), въ южной части Томскаго у. (въ волостяхъ: Ояшинской, Кайминской и въ частяхъ волостей Уртамской и Тутальской), въ восточной части Кузнецкаго у., въ сѣверной ч. Каинскаго у. (Бараба), въ Змѣиногорскѣ, въ какихъ-то другихъ мѣстностяхъ Томской губ. (каивадни, лани; съ *ы* [ъ ?]: пышеница, дылина. «Рус. Фил. Вѣст.» 1914, № 1), въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ восточной части Тобольской губ., въ Акмолинской обл., (ст. Арык.-Балыкская Кокчетав. у.) и въ другихъ мѣстностяхъ. Нѣсколько примѣровъ. ***Тулунская*** вол. Нижнеуд. у. (Тулунъ, Алюй, Аметиха, заимка Курганъ): Микола зимнай. эта лѣта, ставал'на пара, авторник... Гласный *и* или *и*ᵉ замѣняетъ собою неударенные *с*, *ъ*. Въ прочихъ своихъ чертахъ говоръ Тулунской вол. относится къ сѣверновеликорусскимъ: *г*—взрывной, ае⟶аа⟶а, ее⟶е (начинаш, завѣчат, чернѣт); *ꝺ* вм. конечнаго *х* въ формѣ мѣстн. мн. (в юртаф); формы твор. и дат. мн. на *-м* (кошка с катятам); ф. сравнит. степени на *-е* (стала холоднѣ) и др. черты. ***Бараба***: рабенак, малако, клад-

бишша, озера, питерскай. Неударенное *а* «нѣсколько закрытое, глухое *а*». Вмѣсто неударенныхъ *е* (ѣ), *и* находится гласный е или e^i, $и^s$. По другимъ чертамъ барабинскій говоръ относится къ сѣверновеликорусскому типу: *г*—взрывной, ае→аа→а; форма наст. вр. 3 ед. и множ. на *т*; дат. мн. мѣстоименій: нама, вама; дат.-твор. мн.—им'а; форма сравн. степ. на-ѣ, 'а, 'аjа (краснѣ, мил'аjа,—'аj, скор'а); окончаніе ѣ въ формѣ мѣстн. ед. въ такихъ основахъ, какъ печ, волост' .. (на печѣ, степѣ, Омѣ, волостѣ) и др. Для указанныхъ выше волостей южной части Томскаго у. имѣется сообщеніе, будто бы аканье у молодежи слабѣе, чѣмъ у стариковъ. «Старики и старухи гораздо болѣе акаютъ, чѣмъ молодежь». Указаніе на процессъ, противоположный тому, какой переживается нѣкоторыми сѣверновеликорусскими говорами, въ которыхъ аканье еще не охватило всѣхъ представителей этихъ группъ или не всѣми проведено послѣдовательно. Въ тѣхъ же южно-томскихъ говорахъ отмѣчено *и* вм. неударенаго *о*, въ особенности послѣ отрицанія *не*: не итпѣваютъ, не итнимаютъ, иднадомны (можетъ быть восходитъ къ «еднадомны»), итабрат', иставаться, изерки. То же явление въ говорѣ ст. Арык Балыкской Кокчет. у., но въ говорѣ, повидимому, позднѣйшаго, южновеликорус. населенія, а не давнихъ тамошнихъ поселенцевъ-казаковъ: не итстаетъ (ср. оконч. мягкое *тj*), итдата.

Сочетанія съ *а* вм. *о* въ отдѣльныхъ случаяхъ (формахъ), встрѣчающіяся въ тѣхъ или иныхъ говорахъ, могутъ не находиться въ связи съ фонетическимъ аканьемъ, представляя явленіе морфическое. Напр, «тапер'», встрѣчающееся и въ несомнѣнно

окающихъ говорахъ: въ Красноярскомъ у., въ Рус скомъ Устьѣ на р. Индигиркѣ (въ 80 верст. отъ Лед. океана). Здѣсь *та* въ связи съ *та-* въ нарѣчіи «вта поры», извѣстномъ говорамъ Сибири. Не представляетъ фонетическаго явленія (въ области окающихъ говоровъ) и окончаніе *а* (*ва*) въ формѣ родит. муж. и сред. ед: слѣпова, доброва, у которова.

Гласные е, ‘а

Въ отношеніи неударенныхъ *е а* говоры, представляющіе аканье, являются икающими, съ *и* или съ *е*, близкимъ къ *и*. Но категорія формъ средн. р. ед. этимъ процессомъ не охвачена: въ этомъ случаѣ неударенное конечное *е*⟿‘*а*. Напр. Бараба: изда, билѣт‘, зимл‘а, пирихр‘остак, свитой и сви°той, тинут‘, ичмен‘, жына, цылават‘ но и цалават‘, зае°ц, мор‘а, пол‘а; гор‘а гор‘каја. То же явленіе отмѣчалось мною въ говорѣ «сибиряковъ» Верхнеудинскаго у. (Саянтуй, Баръ, Мухоршибирь, Харашибиръ). Но въ замѣнѣ *че* представлено ‘о: чо: ц‘ово (Саянтуй). Въ с. Баръ -*т‘а* вм. *те* въ формѣ 2 л. наст. мн. (носит‘а)... *а* вм неудар. *о*, а также *и* вм. неудар. *е* отражается и въ документахъ, писанныхъ въ Сибири въ XVII—XVIII вв. Такъ, въ духовномъ завѣщаніи селенгинскаго казака Вавилы Григорьева (1684 г.) встрѣчается: «безъ асьми копеекъ», «іво». «іво» (нѣсколько разъ) и въ челобитной служилыхъ людей изъ Селенгинскаго окр. (1700 г.) и въ другихъ документахъ. Вм. неударенаго ‘*а* встрѣчается *е*: десетчен, десетчан и десятчанъ—въ челобитной тѣхъ же служилыхъ людей Селенгинскаго окр.—двои серги лапчетые—въ челобитной нерчинской вдовы Вѣрицы (1688 г.). «по прежней памети»—пишутъ въ Якутской

области (1682 г.). Впрочемъ, въ послѣднихъ примѣрахъ *е* вм. *а* могло находиться въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ мягкости предшествующаго согласнаго.

Имѣются въ Сибири и я к а ю щ і е говоры. Таковъ говоръ дер. Выдриной Енис., на лѣвомъ берегу р. Чуны: ня знам, бярёга, на шостой вярстѣ, бярёт, бярут, дяфчёнка, фсё интерясуюгца. Но яканье проведено здѣсь непослѣдовательно: оно не вытѣснило собою во всѣхъ случаяхъ ёканья и еканья: ср.—чёжа, чёто, проёжжал, Афонасей. Неизвѣстно этому говору и *а* вм. неударенаго *о*: тобѣ, дѣдушко, темной, от старшой жоны, можот, топер',-ря. Къ аканью въ данномъ случаѣ не относится оконч. *ва* въ формѣ род. ед (от етова дѣла). Кромѣ оканья, выдринскій говоръ представляетъ и другія сѣверновеликорусскія черты: ае⇛аа⇛а, бм⇛мм. *ϕ* вм. w (фсё, дѣфки), форма твор. и дат. мн. на *м*; черты въ формахъ мѣстоименій, глаголовъ, въ лексикѣ.

Въ Пріангарьѣ имѣются говоры со с м ѣ ш а н н ы м ъ результатомъ замѣны предударнаго *е*: посредствомъ *и* и *'а* въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Таковъ говоръ Верх. Суворова, описанный П. Я. Черныхъ: л'агла, б'арут, л'ахко, в'алела, винец, слизами, мисаит, прахадити.

По судьбѣ неударенаго *е* выдѣляется говоръ с. Маркова на далекой сѣверо-восточной окраинѣ Сибири, на Анадарѣ. Въ этомъ говорѣ неударенное *е* замѣнилось гласнымъ *и*. Такой результатъ представленъ въ измѣненіи *е* разнаго происхожденія: вм *е*, *ъ*, *'а*. Черты говора сѣверновеликорусскія.—тикот (течетъ), зилѣзной, дириванный, долитѣл, мацихи (ма-

чехи), мина (меня), тиба, тибѣ, сики (сѣки), вѣк по вику, свиця, ицьмень; но подъ удареніемъ *е* вм. *а*: дикоплѣс; впрочемъ то же и внѣ ударенія: тресалка, преговой (упряжный). Измѣненія неударенаго *о* не было пережито. Не измѣнилось и *о* изъ *е*, а также возникшее по аналогіи: перецёс (чесотка), косьёвой боли, удусъё (удушье), удусъём, дикованьё, усканьё ухо (ушканье ухо), гаснёт, дрыссот, дикуёт, станём, имо (вм. болѣе ранняго имё←име вм. имя), цёловѣк. Какъ видно, *е*→*и* только передъ мягкимъ согласнымъ (который позднѣе отвердѣвалъ въ этомъ говорѣ).

и вм. *е* передъ мягкимъ согласнымъ представляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и другіе говоры Сибири. Это повсюду, кажется, въ формахъ род.-вин. личныхъ мѣстоименій: мин'а, тиб'а, а также по говорамъ и въ формѣ дат. мине, тибе, сибе. Повсюду въ Сибири и въ нарѣчіи «ищо» ишо, ишшо). На измѣненіе *е*→*и* въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не только слѣдовавшій мягкій согласный, но и начальный j (неслоговое **і**). Гласный *и* въ указанныхъ сочетаніяхъ для формъ мѣстоименій и для нарѣчія представляютъ и говоры сѣверовостока европейской Россіи.

Въ зависимости отъ слѣдующаго образованія для мягкаго согласнаго измѣнялось *е* въ *и* подъ у д а р е н і е м ъ. Это измѣненіе отражается по пріангарскимъ говорамъ (двир', щил'), на сѣв.-востокѣ, въ с. Марковѣ (цимо вм. болѣе ранняго цим'о вм. тем'а, пимиско-темячко, двоjоцимой) и вѣроятно въ другихъ говорахъ.

Иную по происхожденію діалектическую группу представляетъ говоръ семейскихъ,—старообрядцевъ въ Верхнеудинскомъ у. Они—представители южно-

великорусской группы. По гласному, замѣнившему собою прежніе гласные *е* (вм. *е* и *ѣ*) и *'а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударенному слогу, говоръ семейскихъ относится къ южновеликорусскимъ говорамъ съ диссимилятивнымъ яканьемъ: передъ слогомъ съ удар. *а* въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ, находится *и* вм. *е* и *'а*; передъ слогомъ съ прочими ударенными гласными произносится *'а*. Отклоненіе наблюдается передъ удар. *е* (вм. *е*) и *о*: произносятъ въ неуд. слогѣ не только *'а*, но и *и*. Послѣдовательно *и* въ формахъ мѣстоим. мине, тибе, сибе. Типъ диссимилятивнаго яканья послѣдовательно проведенъ по многимъ селамъ, напр., въ Нов Загани, Никольскомъ, Хараузѣ. Въ другихъ селахъ наблюдается отклоненіе, хотя и непослѣдовательное, отъ этого типа,—въ Мухоршибири, Куналеѣ, Тарбагатаѣ, Десятниковѣ. Н. Заганъ: диваха, тир'аиш, диржат', упригат', зимл'а, з'амли, нат'арет', с'астры, б'арут', ра'туjут', з'ал'онъj, часнок, б'ар'ош. Въ говорѣ сс. Куналея, Тарбагатая, Десятникова представленъ типъ диссимилятивнаго яканья, смѣшанный съ ассимилятивнымъ. Куналей: тила и т'ала (въ говорѣ одного и того же лица), б'ада, пат'ар'ал, патер'ал, нил'з'а, с'ало, ч'ар'омухаj, д'атеj.

Вмѣсто гласнаго *'а* въ предударномъ слогѣ приходилось отмѣчать въ каждомъ селѣ и сочетанія съ гласнымъ ближе къ переднему ряду или совсѣмъ передняго ряда: *ä, е*: т'алега, т'älега, т'елега, б'ар'ош: б'är'ош, бер'ош и др.

По всей семейщинѣ при яканьѣ можно наблюдать сочетанія съ иканьемъ. Только въ немногихъ случаяхъ вм. предударнаго *е* представленъ гласный *и*

послѣдовательно. 1) Въ формахъ род ед. личныхъ мѣстоим.: мине, тибе, сибе; съ тѣмъ же гласнымъ употребляются и формы дат. и мѣстн. 2) Передъ ударенным *е* и *о* въ такихъ словахъ какъ — чит-вер'х, васкрисен'н'а, Ниф'от; вознисен н'а, типерича (рѣдко, обычно—тапер'); сабиресси (рѣдко), ишо, ије, ијо, јајо. Во всѣхъ этихъ случаяхъ *и* вм. *е* представляетъ давнюю черту южновеликорусскаго говора семейскихъ. Въ прочихъ случаяхъ сочетанія съ *и* вм. *е*—явленіе наносное въ семейщинѣ, за исключеніемъ сочетаній съ *и* передъ удар. *е*: среди послѣднихъ могутъ быть и остатки давняго типа измѣненія неударенаго *е* въ *и*, затѣмъ вытѣсненныя неударенным *а*. Манера иканья проникала къ семейскимъ отъ лицъ, побывавшихъ за границею семейщины,—служившихъ въ солдатахъ, жившихъ въ городѣ, на пріискахъ, на станціяхъ. Распространеніе иканья поддерживалось и вліяніемъ сосѣдей «сибиряковъ», т. е. нестарообрядцевъ. Среди книжныхъ людей иканье находило себѣ распространеніе и въ XVIII в, какъ указываетъ сборникъ старца Давыда, написанный въ Забайкальѣ (хран. въ б-кѣ Иркут. Дух. Сем. XLV 1797; см. «Забайк. старообрядцы», стр 22—23). Иканье я наблюдалъ чаще въ Мухоршибири, чѣмъ въ другихъ семейскихъ селахъ.— диситина, тилега, дирewн'а, зил'онка, бирут', дицы, види... Къ иканью больше склонны лица молодого поколѣнія.

Во 2-мъ **предударномъ** слогѣ вм. *е*, *'а* произносятъ обычно *и*. Рѣже отмѣчалъ закрытое *е*^{i}: чи-тэрох (но чатэри), чир'аз речку, биз-руки (но-б'аз-рук), тиwната, дир'авен'ка, се^{i}ме^{i}на, ти^{e}мнаверцы. Въ Гарбагатаѣ и Десятниковѣ: б'аз бат'ка, на б'арагу.

Въ **заударномъ** открытомъ и закрытомъ слогѣ, кромѣ конечнаго, результатъ измѣненія *е,'а* представленъ гласнымъ *и* или *е*^{i}. Отражается иногда неполнота образованія этихъ гласныхъ.—леде^{i}ник, wосе^{i}н'у, жэриба (но—жэр'ӓп), вымирина, з нашыва сила, зимнија дарога. Въ закрытомъ конечномъ слогѣ гласный неодинаковъ во всѣхъ образованіяхъ: въ однихъ случаяхъ представленъ узкій гласный *и* или *е*^{i}. въ другихъ широкій, ӓ. Неполнота образованія изрѣдка отражается и на этомъ слогѣ, съ гласнымъ ӓ. десит', wосим, wосе^{i}м, wоси^{o}м, пар'ӓн, с'астрин'ӓц, жэр'ӓп. Въ конечномъ открытомъ слогѣ замѣна неудар. *е* (*е*, *ъ*) представлена очень непослѣдовательно, вслѣдствіе значительнаго взаимодѣйствія различныхъ родственныхъ формъ и формальныхъ категорій. Внѣ этого воздѣйствія остались 2 ряда формъ: форма именит. сред. ед. на *е*→*'а* и формы наст. вр. и повелит. накл. на *-те*→*т'а*. адно пол'а, плат'т'а, заприт'а... Въ конечномъ открытомъ слогѣ другихъ формъ вм. *е* (изъ *ъ*) находится гласный *'а* ('ӓ), *е*^{i}, *и* (подробнѣе см. «Забайкальскіе старообрядцы»(с. 45—48).

Вмѣсто гласнаго *е*, находившагося передъ твердымъ согласнымъ и въ концѣ слова послѣ исконнаго (съ праславянской поры) мягкаго согласнаго, въ говорахъ Сибири представленъ гласный *'о*. Въ длинномъ рядѣ случаевъ категорія употребленія *'о* вм. *е* стала шире, вслѣдствіе фактора психологическаго,—подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *о* передъ твердымъ согл. Тобольская губ. (зап. ч.): ч'ово, поч'ому, вер'отно, м'одаль, вес'оло. Енисейскій у. с. Кежма: жона,—ы,—у,

жонѣ, с'остра, плам о пышот, буд'ом, достан'ош, својому, серцо назван'н'о, здорованьјо, на мор'о, пол'о, звѣрьјо. 'о(м'о) и въ формѣ именит.-вин. средн. р. вм. 'а(м'а): врем'о, плам'о, им'о. о и вм. е изъ ѣ въ корнѣ бѣг— кон' уб'ог. С. Богучаны: чосал, жонѣ, че(о?)лобитьјо, С. Ужуръ: сонцо прощенницо. Д. Выдрина: ч'отыре, празнич'ок, двѣ жоны, својой жонѣ, пол'о. ненасьјо, бабьјо дѣло, плов от, подрѣжот, увид'ош. о также вм. е изъ ѣ въ образованіяхъ съ ѣзд—, ѣжж-: выјожжат. Красноярскійу: «Особенно замѣтно для непривычнаго уха пристрастіе къ буквѣ ё» четв'оро, ш'опчет. др'омится, мојой, зимовьјо, остожьјо, рукобитьјо, видѣньјо (глаза). Киренскій у. Подкаменская вол.: син'о-то морё, выл'отали, сол'отајот, плач'от. Русское Устье е на Индигиркѣ: јово, костьјо, на моро (—въ этомъ говорѣ р' отвердѣлъ), третьјо-то мѣсто, буд'от, вспомятујош, прин'оси, 'о вм. е изъ ѣ въ образованіяхъ појодем и т. п. Колыма. (Средне Колымскъ и Нижне Кол.): чоше(о)т, пйачот (й вм. л), мојой и др., серцо, конопл'о—конопйо С. Марково на Анадырѣ: ц'оловѣк, перец'ос, сэрцо, воус'о, удусъјо, удусъјом, дикованьјо (помѣшательство), порозованьјо (течка), вороньјо, усканьјо ухо; 'о (—м'о) и въ формѣ именит., вин. средн. вм. а (м'а): имо, цимо (темя), косьјовой боли, двојоцимой; собака дикујот, гасн'от, дрыссот, стан'ом, иц'отца вм. ичется (икаетъ), мојотца.

По говорамъ находится иной результатъ измѣненія е: вм. че, же въ неударенномъ слогѣ произносится ча, жа: прошшай жа, опет' жа, што жа (с. Кежма Енис. у.), чаво, часала? (Р. Устье на Индигиркѣ), залѣзо (въ д. Выдрина Енис. у.; встрѣчается и въ другихъ говорахъ Сибири).

Объ *е* ⟿ *і* въ зависимости отъ сосѣднихъ артикуляцій для мягкихъ согласныхъ говорилось выше.

'а. Гласный *'а* при опредѣленныхъ условіяхъ замѣненъ гласнымъ *е*. Эта замѣна проведена послѣдовательно между мягкими согласными въ неударенномъ и ударенномъ слогѣ. Въ неударенномъ слогѣ *а* ⟿ *е* и передъ твердымъ согласнымъ.—опет' (опять'. Такъ повсюду по Сибири, отъ западныхъ областей ея до далекаго сѣверо-востока, до Охотскаго моря и Камчатки. Съ *е* это нарѣчіе перешло и къ семейскимъ (держится у нихъ еще и свое южновеликорус. ап'ат'). Другіе примѣры. Тобольская г.: чейка, ейсы, ериса (ярица), ерушник (хлѣбъ изъ ячменной муки), но—яшна мука (подъ ударен. ја передъ отвердѣвшимъ согл) заес, едрёной, езык, мекина, пет', петок, вдруговред'. С. Бердское Барнаульск. у.: просіелас' (просѣялась), навеливала (навяливала). Енисейскій у. во грезѣ, горечим слезам смочила; гледят, у утки ейцо окровенилос', петно (с. Кежма), еечки, еечик (с. Пановское); еечки, в заимску чесовню (д. Кежемская Заимка). Красноярскій у.: на светой Русѣ, едрёной (но—дуропляс, ятно). Киренскій у.: ес'он-то сокол. Иркутскій у.: ком грези, опет'—апет'. Такъ и въ говорѣ жителей г. Иркутска. Верхнеудинскій у.: въ грезѣ, јејцо, јечмен', оп'ет' ап'ет', (въ с. Троицкомъ и въ другихъ селахъ), Р. Устье: вежет, тридцет'. Якутскъ: ярможане или ерможане. Колыма: хозейка, грэзить, за чужа чуженина. С. Марково: прёговой, тресалка ич'мен'; подъ удар. передъ твердымъ согл.: ятко (громко), но и съ *с*: дикоплѣс. М. б., сюда относятся сообщенные выше примѣры изъ документовъ съ *е* вм. *а*: серги лапчетые, десетчен, десе-

чанъ. Въ этой же челобитной (служилыхъ людей Селенг. окр): «почела быть цена бойлшая». А также въ якутскомъ документѣ 1682 г.: «по прежней паметѣ». Въ якутскихъ же документахъ часто встрѣчается написаніе «ялань» и «елань»: «что пониже елань Пленка-рѣчка, что кашивалъ Петька Закорской, все подѣлить, опричь пахотныхъ яланей. А что Сергушко роспахалъ землю на той елани вверху по Типтѣ, на которую елань подалъ и челобитную Анисимко» (1682); «по той же рѣчкѣ Кохарѣ посторонныя мѣста на яланяхъ покосы жъ съ рыбными ловлы... елань званіемъ Сорганнахъ-Аласъ, сѣна ставитца два стога, да ялань же званіемъ Кенъ-Бетте» (1714 г.) и др. Въ настоящее время повсюду въ Сибири это слово передается съ гласнымъ е: јелан.

Ѣ.

Имѣющійся діалектологическій матеріалъ не представляетъ исчерпывающихъ данныхъ для сужденія о замѣнѣ общерусскаго *ѣ* въ тѣхъ говорахъ Сибири, къ которымъ относится этотъ матеріалъ. Во многихъ великорусскихъ говорахъ Сибири обычнымъ замѣнителемъ *ѣ* является гласный *е* . Таковы говоры Барабы (Канск. у.), о которыхъ имѣется опредѣленное указаніе, что тамъ *е* вм. *ѣ*. Записи, относящіяся ко многимъ другимъ мѣстностямъ Сибири, также указываютъ на *е*. Несомнѣнно *е* произносится во многихъ говорахъ Енисейской г., въ Иркутской г., на Колымѣ, на Анадырѣ. О *е* вм. *ѣ* знаю по своимъ наблюденіямъ въ Забайкальѣ (въ сс. Верхнеуд. у. и далѣе къ востоку). Въ нѣкоторыхъ говорахъ съ *е* вм. *ѣ* отмѣчено ‘о въ словахъ: выёжжат, проёж-

кат... (д. Выдрина Енисейск. у.), ёдаво (—съѣстное, Краснояр. у.), пётух, дёдушка (въ говорахъ по Ангарѣ); совсѣм (гдѣ-то въ Томской губ.). Ср. передачу въ якутскомъ языкѣ русскаго заимствованія «бётук» (пѣтухъ)—передачу, которая вѣроятно указываетъ на *о* въ этомъ случаѣ и въ русскомъ говорѣ. Въ какихъ-то мѣстностяхъ Тюменьскаго, Курганскаго и Сургутскаго округовъ указано *о* послѣ *и*: цоловки (поцѣлуи), солуй. сошуй—и въ Петропавловскѣ. Но въ Сибири не мало и такихъ великорусскихъ говоровъ, которые имѣютъ *и* вм. *ъ*. Къ сожалѣнію, не для всѣхъ говоровъ можно опредѣлить условія употребленія этой замѣны: во всѣхъ ли случаяхъ произносится *и* или только въ опредѣленныхъ условіяхъ По отношенію ко многимъ говорамъ Тобольской губ. можно утверждать, что тамъ обычнымъ замѣнителемъ *ъ* является *и*. Такъ, о говорахъ западной части этой губерніи описыватель замѣчаетъ: «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наблюдается переходъ буквы ѣ въ и»: дило, дильный, ись, писня дити, распиват, не повирю, віять, витер (а въ окончаніи?). Имѣются данныя о гласномъ *и*, какъ замѣнителѣ *ъ*, по отдѣльнымъ уѣздамъ Тобольской губ. Въ Курганскомъ у.: я темя слезам не вирила, писни грянули, винок, ричка, на свитѣ,—Итакъ, въ окончаніи *е* (*ъ*)? Въ Усть-Ницѣ Тюмен. у.: писенку. Общія указанія имѣются для говоровъ Тюменьскаго и Сургутскаго уу. *и* вм. *ъ* Даль указывалъ для Ирбити. «сіят'», «віят'» и въ Петропавловскѣ. Въ с. Самаровѣ (въ сѣверномъ углу Тобольск. у., на Иртышѣ въ 20 вер. отъ впаденія его въ Обь): свича, сини, *и* также въ Кулундинскомъ говорѣ (Каинскаго у.): ричка, дити, мисяц,

дилат; «ѣ всегда замѣняется и». Въ говорѣ с. Бердскаго Барнаульскаго у. отмѣчено *и* въ «сијат'»: посіяли, просіялас' мушная дорожка. *и* въ томъ же образованіи (передъ j или неслог. і) извѣстно и другимъ говорамъ. *и* вм. *ъ* по говорамъ Иркутской г.: между средней Ангарой, Илимомъ и верхней Леной, хлиб, крипко, переихали. Въ передачѣ «ѣсти» всѣ великорусскіе говоры Сибири, съ запада до далекихъ окраинъ на сѣверо-востокѣ, имѣютъ *и*: јисти (исти) или јис' (ис'). Передача «вѣдь» посредствомъ «вит'» или «ит'» также извѣстна повидимому многимъ говорамъ. Напр: вит' въ дер. Выдриной Енис. у., въ с Марковѣ на Анадырѣ, ит' въ Тулунской вол. Нижнеудинск. у. Въ Рус. Устьѣ на Индиг. *и* находится и въ «ниту»: он ниту (его нѣтъ).

* mѣr—. Сохранена фонетическая замѣна *ѫ* въ словахъ: усмерѣли (с. Бердское, Барнаульск. у', померимся но и—помиримся (Бараба). «смернъй» отмѣчено и у семейскихъ, въ с. Никольскомъ; но обычно, «смирнъй».

*ъ, *ь передъ j или неслоговымъ і.

Говоры Сибири, какъ великорусскіе, имѣютъ вм. праславянскихъ ъ и ь передъ неслог. і (j) въ сильномъ положеніи *о* и *е*: худен'кой, помершой, т'омной (слѣпой; кажется, повсюду въ Сибири употребляется это слово. «Подайте т'омному» —просятъ и сами слѣпые), хрешшоной, середней, задней (напр., въ с. Кежма Ени. у.); проклятой, кажной год, зимной... (повсюду), первой-от, третей от или третей-ет (послѣднее отмѣчено въ с. Самаровѣ Тоб. у.); радимай тятин'ка, радимай брателка, кручинай час—въ акающемъ гово-

рѣ села Казачинскаго Енис.; бол'шинкой, родимен'кой, раненой, середней, пришол, третьей, оленьей—въ Рус. Устьѣ; свэрнутой пуп, цюкця бул зывотистой; по аналогіи *-ой* вм. *ей*: бѣлой оленьјой мох, передн'ой проход; ей и въ—Аханасэй— на Анадырѣ (с. Марково). Въ двухъ случаяхъ встрѣтилось *и* и) въ матеріалахъ для этого говора: солноцны зар, русницёк: голугинки.

мою, моеш (моёш)—повсюду въ Сибири.—вымоёш (с. Кежма Енис.), моётца (на Анадырѣ).

Въ одномъ пріангарскомъ селѣ, Верхне-Суворово (Нижне-Удин. у.), П. Я. Черныхъ отмѣтилъ «мысси» (моешься).

По аналогіи съ глагольными формами, имѣющими ej вм. ьj гласный *е* перешелъ и въ инфинитивную основу, вытѣснивъ тамъ *и*.—забретой молодец (Тобольск. г.).—слевать пиво налевай, хлѣб в налевѣ, розлев воды. Образованія съ *лe-в* имѣютъ иное значеніе: они восходятъ къ основѣ наст. вр. съ *ъ* (**лъ*). Происходило и въ другомъ направленіи дѣйствіе аналогіи: отъ формъ съ инфинитивной основой: залиет— въ Киренскомъ у., если *и* не представляетъ собою фонетической замѣны *ъ*.

и.

Въ передачѣ церковно-славянскаго заимствованія «истинный» находится *е* во второмъ слогѣ: «Батюшко истеной Христос» (Тоб. г.) «блези» (вблизи; Киренск. у.). Въ Якутскѣ и на Колымѣ говорятъ «ленной» (линялый), лень (линянье).

У семейскихъ гласный *и* при сильной эмфазѣ или при пѣніи имѣетъ широкое образованіе, подходя къ

гласному *е*, а въ пѣніи почти совпадаетъ съ нимъ:— иди[е]! Господе помелуj, ал'л'еллуија.

×ѣъ[ь]кt,×ѣъ[ь]ѣlt.

Изъ области замѣнъ сочетаній редуцированныхъ съ слѣдовавшими за ними плавными между согласными отмѣтимъ слѣдующее. Вѣроятно, въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ Сибири употребляется *ор*въ формахъ глагола—доржат', доржи! (доржи или доржи), доржит, доржал; поддарживат'. Такъ по говорамъ Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губ., Забайкалья. Сочетанія съ дорж- перешли и къ семейскимъ и употребляются у нихъ на-ряду съ традиціонными южновеликорусскими—держ—. Сочетанія съ дорж—я наблюдалъ въ говорѣ нестарыхъ мужиковъ; при этомъ въ говорѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ были и другія наносныя «сибирскія» черты, несвойственныя говору старшаго поколѣнія (напр. *а* вм. *ае* въ глагольныхъ формахъ, твердое *т* въ формѣ 3 л. наст. вр. ед. и мн.: доржыт; ср. здѣсь и твердое *т* какъ и въ—знат—). Рѣже въ матеріалахъ по изученію говоровъ Сибири встрѣчался иной звуковой варіантъ: *дор*: д'оржит и т. п. Такія сочетанія отмѣчены для говора Барабы (при—даржы!—), д'оржат—на Колымѣ, д'орзат—и на Анадырѣ (—д'орзама трубка—курительная трубка).

Мягкость *р* въ замѣнѣ *ър* отмѣчена передъ *х*: вер'х, до вер'ху—въ разныхъ говорахъ Сибири (и въ Н. Колымскѣ). «на верьхъ блаженства вознеслась»—на одной надгробной надписи 1816 на кладбищѣ въ Иркутскѣ. Отмѣтимъ—четверг, четвергу—род. ед. (четвергъ. Тулунская вол. Нижнеуд. у., въ Иркутскѣ

и окресности его); четверожна|я| сол'—въ Тупунской вол.

По разнымъ областямъ Сибири (на западѣ и на востокѣ) держатся образованія *голк, голкнут', голчит*. Въ говорѣ амурскихъ казаковъ «голк» имѣетъ вторичный гласный *о*, по аналогіи съ образованіями, имѣющими суффиксъ *-ок-*: голок: «иш голок-то раздался,—это, паря, должно Иван стрѣлил».

*trьt, *trъt, *rъt —, *lьt—:

Изъ замѣнъ сочетаній *trьt— гласный полн. образованія отмѣтимъ сочетаніе съ утраченнымъ редуцированнымъ: кстит'; стины (крестины,—въ Краснояр. у., въ Тюмен., Курган., Сургут. у.: «послѣ крещенія младенца въ домѣ родителей его устраиваются стины»).

Изъ замѣнъ начальнаго *rъ—: оржаной – въ Подкаменской вол. Кирен. у.; аржаной въ с. Бердскомъ Барнаульск. у , на Колымѣ; из аржаной муки —въ Тулунской вол. Нижнеуд. у.; суслончики оржаные—въ Киренск. у. иржы—въ Томской губ. У семейскихъ: ирват', ирваный, ирв'ом, аржаной, иржы (одинъ парень въ Н. Заганѣ произнесъ было «рожы», но замялся и поправился: «иржы»), ржана жнив'а. Изъ замѣнъ начальнаго *lь : ильстецъ—въ рукописи иркутянина (Ив. Попова) 1864 г.—лестить, леститься—на Колымѣ. У семейскихъ: ил'ну ил'л'ут' (льютъ), ил'дом (льдомъ).

*jь, *jь.

Вмѣсто праславянскаго сочетанія *jь*-(съ і неслог. передъ *ъ*) въ глаголѣ jьш-a-ti въ говорахъ Сибири находится гласный *и* подъ удареніемъ или передъ ударе-

ніемъ; въ заударномъ слогѣ j (неслог. *i*). имат' коня (Тоб. г.), имала, имяла эту стин'—поймат' ее не может (с. Бердское); от неча дѣлат' стал блох имат'; имай в руки! (Краснояр.у.); коней поймали, на узди цѣ споимали (д. ДворецъЕнис. у.); рада бы я имат'— рук нѣт (пріангарскіе говоры); во поиманню, поимал ево (коня за чимбур (с. Кежма Енис. у.); они за ружья поймают (берутся; Рус. Устье на Инд.), имальци (жмурки), заимка (хуторъ; повсюду, и на Камчаткѣ), неим, неимка (собака, которая ловить себя не даетъ хозяину. Камчатка). Въ срединѣ слова вм. jъ- находится по говорамъ *е* и *и*: еечки, еечик (с Пановское Енис. у); еица продала, яиц (Курганскійу. Тоб. г.), воен, яец (Акмолинск обл., Кокчетав. у., стан. Арык-Балыкская)

Voc. + i + voc.

По утратѣ неслгового *i* между гласными представленъ всѣми великорусскими говорами «старожилаго» населенія Сибири результатъ стяженія гласныхъ. Изъ многочисленныхъ примѣровъ, относящихся сюда, ограничимся немногими.—знаш, бывat, гул'ам, оболакатца (3 ед), дѣлаш, дѣлам, умѣш, доспѣт—обычные примѣры для отдѣльныхъ говоровъ.

Глагольныя формы наст. вр съ *а* вм. *ае*, съ *е* вм. *ее* употребляются и нѣкоторыми лицами среди семейскихъ. Это приходилось наблюдать въ сс. Тарбагатаѣ и Мухоршибири. Въ говорѣ этихъ селъ, смѣшанныхъ по составу населенія (семейскіе—старообрядцы и «сибиряки»—нестарообрядцы), отражаются значительнѣе, чѣмъ въ говорѣ другихъ старобрядческихъ селъ, наносныя сѣверно-великорусскія черты. Среди этихъ

чертъ является и передача формъ наст. вр. со стяженными гласными. Но въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ употребляющихъ въ такомъ видѣ глагольныя формы, представлены свои формы, съ *ае* (*аје*), съ *ее* (*еје*). Что формы съ *а* вм *ае*, съ *е* вм *ее* заносныя, на это указываетъ и то обстоятельство, что въ формѣ 3 ед. *т* является въ этомъ случаѣ обязательно твердымъ: думат, знат, умет. Между тѣмъ, семейщинѣ свойственны формы 3 ед и мн. на *т*': думаит', знаит', умеит'..

Также обычными для говоровъ Сибири являются формы прилагательныхъ и мѣстоименій со стяженіемъ гласныхъ. Но среди формъ съ такими окончаніями могутъ находиться формы не только съ результатомъ утраты междугласнаго неслог. *і* и стяженіемъ гласныхъ, ни и съ окончаніями именныхъ формъ./Томск. г. (безъ указанія мѣстностей, «Рус. Фил. Вѣст.» 1914 г. № 1): в перву ноч, ихни рѣчи, каки, каку-нибуд', рож зимова, яровы хлѣба, яровы плохи, позны хлѣба С. Кежма: выпил остал'но, налевай другу мѣру. Д. Кежем. Заимка: свои деревенски и пріѣжжи гости; в заимску чесовню. Д. Выдрина: зимны вечерки, славны воспода были. Преображенская вол. Кирен. у. борода бол'ша, сѣдина густа. Тулун. вол. Нижнеуд у. како имя, послѣдня тынина, холшову тряпку, богородску траву. Н. Колымскъ: ину дору придет низова погода, земля куржавѣт, одежонка кака,—кукашка кака-нибуд', коротен'ка. Анадырь (с. Марково): друга кака бол', политическа бол' (сифилисъ), сэрцова бол', свата вода, ракову кров, тѣсны мѣста, подпъятны зылы.

Особое замѣчаніе вызываетъ говоръ Барабы. Имена прилаг. представляютъ обычно «усѣченное»

окончаніе. Но встрѣчается и «полное», при этомъ въ составѣ сказуемаго: «будь она проклятая!».

Въ южной части Томскаго окр.: крута балта, круты лога, пол'ска дорога но—жена родная. О другихъ неотмѣчен. точно говорахъ томск. окр. см. выше. Семейщинѣ свойственны нестяженныя сочетанія: краснаја пагода, плахоја лета. Но въ Тарбагатаѣ часто, въ Куналеѣ и Мухоршибири рѣже употребляются и формы со стяженными окончаніями, несомнѣнно переняты отъ «сибиряковъ». Только—в'ошна, в'ошну.. в'ошну пахали...—не только въ Мухорш., но и въ Н. Заганѣ; въ Хараузѣ и Никольскомъ—в'ошнују пахат'.

хозява—нз ст. Арык-Балыкской Акмолин. обл. и въ другихъ мѣстахъ.

ы

По говорамъ въ отдѣльныхъ случаяхъ произошло вытѣсненіе гласнаго *ы* посредствомъ *и*, — вытѣсненіе путемъ какой-нибудь аналогіи. Такъ, въ с. Кежмѣ Енис. у. говорятъ: крилечко, сприскнул, сприскнули. (о *ры* вм. *ри* см. ниже, въ отдѣлѣ о плавныхъ). Въ Рус. Устьѣ на Индиг.: бистер (теченіе) вм. быстер, быстрет' другихъ говоровъ Сибири. Въ Р. Устьѣ и пижа (пыжъ). Въ какихъ-то говорахъ Тюмен, Курганскаго и Сургут. окр. пымы и пимы. Въ записяхъ, относящихся къ говору с. Маркова на Анадырѣ, встрѣчается смѣшанное употребленіе *и* и *ы*, свидѣтельствующее повидимому о фонетическомъ совпаденіи гласныхъ *и* и *ы* въ одномъ гласномъ *и* средняго ряда, передъ которымъ согласный твердъ (—согласные отвердѣли и передъ *г*): ви, сыдите, мисья коза

(мышиная кожа), спы, ми, спасыбо и др. Ср. и въ колымской записи: рыбыца.

Въ Забайкальѣ отмѣчено *кы*—въ образованіи съ корнемъ *кык*—, *кыч*—(въ пѣсняхъ): «гуси лебеди жалко кычут» (с. Баръ). «не бѣла то лебедь... воскыкала—возрыдала (с Куналей . Лебеди кичут—на Колымѣ.

Гласный *ы* послѣ губного неслогового звука сталъ лабіализованнымъ и совпалъ съ гласнымъ *у* въ говорахъ Колымы и с. Маркова: - кабу (кабы), кабула, муло, бут', добут' мут, промусол, забули, була, копутко ..

Лабіализація въ отношеніи гласнаго *ы* пережита и другою діалектической группой,—южновеликорусскимъ говоромъ семейскихъ,—но пережита по своему: она охватила только начальное неударенное сочетаніе *wы*, (съ w или *у* неслоговымъ); и окончательный результатъ былъ различенъ: у семейскихъ представленъ одинъ гласный *у*. Въ Н. Заганѣ мною отмѣчена стадія съ лабіализованнымъ *ы*: wыуделъват'. Но обычно представленъ результатъ пережитой полной—*у*-вой лабіализаціи: wы—послѣ такой лабіализаціи замѣнилось однимъ образованіемъ—у. Такъ и въ Н Заганѣ, такъ и въ другихъ старообрядческихъ селахъ.—удајут' (выдаютъ), ухадит' (выходить), уган'ал, упригат' (выпрягать), упивајут' (выпиваютъ). Послѣ гласнаго—неслогов. *у* или w: ни-wдајут' (не выдаютъ)

sl'u→sli—: слина, слиноватой.

је—. По говорамъ представлено је передъ слогомъ съ утраченнымъ ъ, а также и съ гласнымъ і: едный—(одинъ) въ южной части Томской г. Въ другихъ говорахъ той же губерніи—един—: единаго не отпушшу. топер и не едного--въ говорахъ между Ангарой и верхней Леной, «заединщик» въ Тоб. г.

ро сочетаній «роб'ата(ы)», «роб онок» не измѣнено въ *ре* въ говорахъ Сибири.

Неясно появленіе *а* въ «лязнула» (лизнула, с. Кежма Енис). Вторичное *а* въ «авторник» (Тулун вол. Нижнеуд.).

Начало слова.

Въ рядѣ случаевъ передъ начальнымъ гласнымъ задняго ряда представленъ вторичный неслоговой звукъ.—подлѣ вобраза; еще завтре-то по вутру, не вобманывай, Волёшу (Р. Устье; воспа, волово, вольха, вулиса (Тоб. г.); на вулицу, навука (Бараба); съ *в* произносится и книжное слово «юноша»: вьюнош (с Кежма Енис. у, с. Бердское Барнаульск. у); въ пришломъ словѣ «вобратно» (Томск. г.) или «вобратно» (Верхнеуд. у.). h передъ начальнымъ *а* въ словахъ: hангелы, hармія въ произношеніи разсказчика изъ с. Бердскаго.

Передъ начальнымъ удареннымъ лабіализованнымъ гласнымъ находится неслоговой лабіализованный звукъ и въ южновеликорусскомъ говорѣ семейскихъ: неслоговое *у* или w: wулица, wум, wос'ка, wокны. По аналогіи съ формами, имѣющими wу wо могутъ произноситься съ неслоговымъ *у* (w) и родственныя формы съ неударенными *у*, *о*: wузда, wана, wаны (рѣдко отмѣчалъ въ Н. Заганѣ, въ Тарбагатаѣ); обычно же—ана, аны. ане, какъ и—атец, ав'ос, аснатцыт'. Въ этомъ положеніи даже старое w вм. v отсутствуетъ: Арлам (Варлаамъ).

г.

Говоры «старожилаго» великорусскаго населенія Сибири имѣютъ в з р ы в н о й согласный г. Въ кон

цѣ слова является соотвѣтствующій глухой *к*. Напр.: до порогу, порок, крук,ево, денек. Имѣются и такіе говоры, которые представляютъ не въ концѣ слова взрывной согласный *г*, а въ концѣ глухой длительный *х*. Такое явленіе я наблюдалъ въ с. Баръ (въ 87 в. къ югу отъ Верхнеудинска), т. е. то же явленіе, какъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ Европы, напр. въ Перм. г. с. Мехонское (Шадрин. у.), Сыпучинская в. (Чердын. у.).

Въ нарѣчіяхъ «когда», «тогда» «всегда, «оногда» находившійся въ этихъ словахъ фрикативный *г* вм. взрывного *г* замѣнился инымъ образованіемъ: ɣ (или w), велярнымъ *л*: ковда или ковды или kowды (о послѣднемъ сочетаніи знаю по говору въ с. Барѣ), товда или товды (и towды); колда, -ы, онолдыс'. Такъ по отдѣльнымъ говорамъ Сибири. Въ записяхъ встрѣчается и передача указанныхъ нарѣчій съ—*гд*-: когды, тогды, оногды, оногдыс' (напр. для с. Кежмы Енис. и другихъ), колда, ы, когды, аногды,-с' для какихъ-то говоровъ Томской губ («Р. Фил. Вѣст» 1914, № 1); когды, всагды (для с. Маркова), «ковды и когды» въ колымскомъ словарѣ Богораза; «когды», «никогды» для Н. Колымска въ матеріалахъ «Сиб. Сборника» (г. *XII №1—II*), оногдысь, всегды—у Богораза. оногдыс'—въ Якутскѣ. тогды—сегды (когда-либо), нагдысь въ южномъ Забайкальѣ. По говорамъ встрѣчается образованіе для этихъ нарѣчій и безъ согласнаго передъ нарѣчною частицей da или ее замѣняющей: тады—седы (кое-когда) на Колымѣ, анадысь у амурскихъ казаковъ.

Окончаніе формы родит. ед. муж. и ср. въ мѣстоименномъ склоненіи представлено *во*. всѣми великорус-

скими говорами Сибири. ево ево, ково, гово, этова (съ *а* по именному склоненію) у которова, другово (или-ва), маёва милова, коевадни или коеводни. Для Енис. г. отмѣчено при «коеводни» также «коегодни» (не орѳографія ли?). Сево-году на Колымѣ; тамъ же—кова, това, всева.

Форма родит. мѣстоименія «что» передается повсюду въ видѣ «чо», «чё», «ничо», «ничё, «нечо» или «неча» (съ—*а* по именному склоненію) «отчо» и т. п. Напр.: ч'о-то зашито было; чё с им было и чё случилос' (Краснояр у. с им нич'о не говорят с. Бердское Барнаульск.), не знал чо пил он (Курганскій у. Тоб.). нечо дѣлат' (Тоб. г.), от неча дѣлат' стал блох имат (Краснояр. у.). чо-то или чо-то ся (что-то) въ разныхъ говорахъ. Въ записяхъ съ низовья Ангары («Зап Краснояр. Подъотд».) это мѣстоименіе передается посредствомъ *чѳ* (чё—то тя жело!). Но нѣсколько разъ и *че*: ниче, иди! завернуть не въ че.— Трудно сказать, отражается ли въ такой передачѣ фактъ живого говора или обычная орѳографія. По говорамъ отмѣчено это мѣстоименіе и съ —*во*: чаво—на Индигиркѣ (р. Устье), чево, чево да (чего же)—на Колымѣ, чево въ с. Кежмѣ, чово—въ Иркутскѣ и его окрестности. Встрѣчается оно, вѣроятно, и въ другихъ мѣстностяхъ. *в* въ словахъ «воспо-динъ», «воспода», «восудар'», «восударыня» или «восудариня». Такъ произносятся эти слова въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири —блавостят—(въ Змѣиногорскѣ).

Говоры забайкальскихъ старообрядцевъ семейскихъ и «поляковъ» на Алтаѣ имѣютъ *г* длительный, а не взрывной. Въ Никольскомъ я наблюдалъ длительный *г*, близкій къ h, а ho, близкое къ wo:

дарahoj (woj). Въ Хараузѣ также слышалъ г, близкое къ h. Въ концѣ слова *х*.—рох, сапох, денех. Въ Тарбагатаѣ Десятниковѣ, Мухоршибири дѣло обстоитъ иначе Въ концѣ слова и здѣсь говорятъ *х*. Въ прочихъ же положеніяхъ извѣстенъ и г взрывной. Но такого образованія задненебный согл. имѣютъ не всѣ представители этихъ селъ. Приходилось наблюдать, что въ говорѣ тѣхъ старообрядцевъ въ указанныхъ селахъ, которые произносили г взрывнымъ, отражались, хотя и непослѣдовательно, и другія черты сѣв.-великорусскія. Вотъ напр., молодая баба въ Мухоршибири: она *доржит*, шепелявитъ (с‘ж‘, з‘ж‘), зна*т*, бега*т*, у ней мягкое ч‘щ‘,—въ ея говорѣ г—взрывной. Рядомъ съ ней двѣ бабы молодая и старая: каждая изъ нихъ знаит‘, б‘агит‘; у нихъ г—длительный. Вотъ и мужикъ 43 лѣтъ: онъ икаетъ, шепелявитъ въ произношеніи *с‘*, *з‘*, *доржит* и будит‘ *даржат‘*, *т* твердое въ окончаніи формы 3 ед и мн. наст. (непослѣдовательно); въ его говорѣ г—взрывной.

Съ длительнымъ г слышалъ въ Н Заганѣ -гарабеj—,но и —warабишки—.Въ различномъ видѣ представлена въ говорѣ семейскихъ замѣна г въ нарѣчіяхъ «когда». «тогда». Передъ *д* въ одномъ и томъ же селѣ произносятъ г (отмѣченъ и взрывной *ɣ*, w (неслог. *у*), неслог і; кагды, тагды,—а, каjда, таjда. Ср и нарѣчіе—нагды.—Можетъ быть, своимъ, а не перенятымъ со стороны сочетаніемъ для этихъ нарѣчій является «тада», «када» (отъ старухи въ Н. Заганѣ).

к.

Въ отдѣльныхъ словахъ находится *к* вм. *х*: клѣв (Тулун. вол. и др.).—по аналогіи съ «клѣт‘»,

Иное значеніе имѣла мѣна въ передачѣ «хошлакъ»: «2 хошлака», «з 2 хъ кошлаковъ» въ документѣ 1642 г., изъ ленскаго таможеннаго острога. «кан» (—царь ; Тоб. Сургут. у.). Восходитъ къ татарскому «хан», но не непосредственно, а черезъ остяцко-сургутское «кан» (въ другихъ остяцкихъ діалектахъ «хан», «хон» . На сѣверо востокѣ Сибири, въ областяхъ Лены, Индигирки, Колымы, Анадыри, *х* находится вм. *в* или вм неслог. *у* передъ согласнымъ и въ концѣ слова. Если бы употребленіе *х* такого происхожденія ограничивалось только падежными формами (родит. мн.), то можно было бы думать о вліяніи формъ мѣстоименныхъ; а *х* въ окончаніи фамилій объяснять аналогіей съ многочисленными фамиліями на,—*ых*,—*их*. Но *х* вм *в* (неслог. *у*) представлено и внѣ опредѣленныхъ формальныхъ категорій,—вообще передъ согласнымъ и въ концѣ слова.—С. Марково: голохка, голохкой, дзѣхка, ряхнёт. Колыма: лахка, хторой, рахкать, захтре, красних, Третьякох, шест' песцох, старинох йапочкох. Р. Устье: лисицёх от песцох, медвѣдёх. Между Леной—Ангарой: Буат Ван'ча не привозил ли прутьох, из 20 мѣшкох; Васех (Васевъ). Согласный *х* развился въ этихъ сочетаніяхъ не вмѣсто губно зубного согласнаго *ф*, а вм. билабіального *ф* (ф), смѣнившаго собою билабіальное *w* или неслоговое *у*. На то, что этимъ говорамъ неслог. *у* въ извѣстныхъ звуковыхъ группахъ было извѣстно, указываютъ нѣкоторыя явленія изъ современнаго состоянія этихъ говоровъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и современные сѣверно великорусскіе говоры: см ниже въ гл. III-ей.

Въ отдѣльныхъ говорахъ *х*→*ф*: фто и хто

(Арык-Балык., Кокчетав. у.), в юртаф (Тулун. в. Нижнеуд у.) Для с. Богучаны Енис у. отмѣчено «скамаров»: заиграл онъ скамаров, платьjо скамаровское. Но, какъ слово не изъ обыденной рѣчи, а изъ пѣсни, оно со своимъ *в* не показательно. (Въ Ливенскомъ у Орловск. г. въ пѣснѣ записано мною «скамарок маладой», а въ обыденномъ разговорѣ «скамарох»). *ф* вм. *х* въ отдѣльныхъ пріангарскихъ говорахъ: на лицаф, на рукаф (В Суворово).

Ф

Въ сѣверо восточной области Сибири вм. *ф* въ заимствованныхъ словахъ находится *х*: трахлятся (3 ед. Колыма). хляга, кахтаны Хедька, хунт, хрант (Колыма) Аханасэй (с. Марково).

Въ другихъ говорахъ *ф*, *х*: трафлялос' (Тулун. в.), волхижицы (тамъ же, грамохон (Томск. г.), картовка, картов', иногда «яблоки» (Томск. г.; не указано точно мѣстности); въ Сибири обычно употребляется яблок», или «яблоко»,—съ запада, до сѣверовостока (Якутскъ). Въ Краснояр. у. *ф* замѣнило собою *хв*: фастать фалитца, фальбишка. Такъ и въ Иркутскомъ окружіи.

Данныя по вопросу о *х*, *ф* въ другихъ говорахъ Сибири, совсѣмъ недостаточны. Замѣтимъ, что повсемѣстное въ Сибири слово «фарт» передается въ записяхъ съ *ф* (фарт, фартит', фартовой). Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія для какой-то мѣстности въ Сибири по всей видимости западной, гдѣ имѣется татарское населеніе, было отмѣчено слово «фузея» (ружье).

Въ говорѣ семейскихъ наблюдалъ слѣдующее. Въ передачѣ прежнихъ сочетаній съ *хв*, а также *фв* въ заимствованныхъ словахъ семейщина представляетъ *хфв*—съ *фв*, близкимъ къ безголосому неслоговому *у* или къ билабіальному глухому *ᵂ*, и *х*; хфос, хфароба сарахфан, хфарт, хфурманка и хурман, грахфина, гармхфончик, хунт, хорма, хама хлот, хронт и хфронт. Семейскіе говорятъ—трапит'—, т. е. какъ на западѣ и юго-западѣ русской языковой области въ Европѣ; но въ Н. Заганѣ отмѣтилъ и съ ф: трафилос'.

к, г → х.

По говорамъ Сибири въ предлогѣ «къ» находится *х* передъ звонкимъ согласнымъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ является *г*. *х* вм. *к* появился фонетически передъ *т*, *к* въ связи съ общимъ измѣненіемъ *к* въ этихъ звуковыхъ группахъ (хто, кохти, м'ахко...), х тому; а затѣмъ *х* въ качествѣ предлога обобщился и для другихъ случаевъ. х тѣмя судьям (въ Тулун. вол. Нижнеуд. у.), х царю, х попу, г дереву (стан. Арык-Балыкская, Кокчетав. у., Акмол. обл.).

То же явленіе представляетъ и говоръ семейскихъ: х тому, х Мирону, х нам, х в'асне.

к', г'.

Вмѣсто задненебныхъ *к* (*г*) послѣ j (неслог. i) и «мягкихъ» согласныхъ въ отдѣльныхъ говорахъ Сибири представлены *к'*. *г'*. Такіе говоры находятся въ сѣверной части Тобольской губ.: чайкю (а также по ассоціаціи по смежности и «сахаркю»), Ван'кя и др. Также въ Енисейскомъ у. Въ говорѣ с. Кежмы, дер.

Кежемской Заимки, дер. Каменки *к'*, *г'* употребляются не только послѣ j, и мягкихъ *н, с, з, л, р*, но и послѣ *ш, ж, ч*: круг пен'кя, дороженкя, постел'кю, Олёшин'кю, дорожкя, кокушечкя, сыночкя. Эти говоры представляютъ и такую стадію измѣненія *н'к'*: отвердѣніе *н'*: *н'к'* → *нк'*: дороженкя, Сенкя, пашенкя.—Говоры съ *к'* существуютъ и въ другихъ областяхъ Сибири, хотя нѣтъ возможности пока опредѣлить районы этихъ говоровъ.

Южно-великорусскій говоръ семейскихъ передвижки въ образованіи задненебныхъ согласныхъ послѣ j (i) и «мягкихъ» согласныхъ не пережилъ: хаз'ajка, Ван'ка насул'ка, суч'ка на в'ар'ху. Только отъ одной дѣвочки въ Мухоршибири слышалъ:—на реч'к'у. У «сибиряковъ» (нестарообрядцевъ) этого села также отмѣчалъ—*ка*—: Вас'ка, дай-ка...

Въ отдѣльныхъ говорахъ Сибири образованіе *к'* (*г'*) близко къ мѣсту образованія *т'* (*д'*),—сестр'онт'и (Краснояр. у.); руковичт'и, на рѣчт'ѣ, гранушт'и (множ.; ед.—гранушка—), т'инулся, т'итайка, Т'ахта (въ вост. Сибири).

Съ другой стороны, образованіе *т'* близко къ *к'*: кѣсто (въ Тулун. вол. Нижнеуд. у. и по ту сторону Ангары).

То же явленіе представлено и говоромъ семейскихъ. По всей семейщинѣ *к'* произносится, какъ заднепалатальный *т'* (*т'к'*), или имѣетъ образованіе ближе къ переднепалатальному *т'*: рук'т'и и рут'и, к'ичка, с паст'ä, т'к'ирпичн... Въ окончаніи множ. съ суф. —*ск*—:—*ст'и*: заганс'т'ии, шибирс'т'ии...; въ ед.—ск'ьj (ь—редуциров. i). Та же подвижка пережита и *г*: *г'и* представляетъ собою сочетаніе средненебнаго

длительнаго *г‘+и*, или же вм. длит. *г‘* находится близкое къ нему образованіе j: маг‘илы, сапаг‘и, majилк‘и. Въ говорѣ тѣхъ лицъ, которые говорятъ *г* взрывнымъ, *г‘* представляетъ звонкую параллель къ *к* (к‘г‘). ден‘г‘д‘и, сапаг‘д‘и, Маг‘д‘ил ow (Мухорш., Тарб.). Отмѣчено въ Никольскомъ *х* съ легкимъ длительнымъ шипящимъ элементомъ: сх ш‘итит‘.

Мягкое *т‘* и въ говорѣ семейскихъ по мѣсту образованія близко къ *к‘* или совпадаетъ съ нимъ: к‘ина, к ес [т‘]. Рѣже отмѣчалъ *г‘* вм. *д‘*: г‘ен‘, г‘евит въ Хараузѣ.

гы кы.

На сѣверо востокѣ, на Индигиркѣ и на Анадырѣ, встрѣтилось *гы* : не могым Р Устье) могыл‘на кост‘ (с. Марково) —кычут—въ с. Баръ —кичут—на Колымѣ.

v, w, неслоговое у.

Въ великорусскихъ говорахъ сибирскихъ «старожиловъ» находится губно-зубной v (f). Напр.: фся, фсё, фсѣ, зафся, дѣфки. Такъ по говорамъ Енис. у. Иркутскаго Балаганскаго, Нижнеуд у у.. такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Но имѣются и діалектическія группы, которымъ извѣстенъ или былъ извѣстенъ билабіальный w или неслоговое *у* передъ согласнымъ и въ концѣ слова. Такъ, неслоговое *у* употребляется, хотя и непослѣдовательно, въ пріангарскихъ говорахъ Чаще встрѣчаются говоры съ неслоговымъ *у* передъ *с, з*. Такъ, въ южномъ Забайкальѣ отмѣчалъ въ говорѣ с.с. Баръ и Мухоршибиръ (у «сибиряковъ»): wc‘o, вowc‘o, wз‘ac‘ (съ неслог *у* или билаб w . Въ Барѣ и между гласными передъ гласнымъ

с: брawo. Въ прочихъ сочетаніяхъ говоры этихъ селъ имѣютъ v (f): дефки, лафка, пудоф, в грезе. Неслоговое *у* передъ *с* представляетъ и говоръ анадырскаго села Маркова: воусё (у—неслог. *у*) О бывшемъ w или неслоговомъ *у* передъ согласнымъ и въ концѣ слова въ говорахъ сѣверо востока указываетъ образованіе *х* въ этомъ положеніи, о чемъ ниже, въ гл. III. На нѣкогда бывшее неслог *у* въ начальномъ слогѣ передъ согласнымъ въ особенности передъ *с, з* указываетъ утрата неслогового *у* въ этомъ положеніи, пережитая на сѣверо востокѣ. Колыма: сегды стрэча, страхнут', здрогнут' жабол', жабой. Марково: забул' (въ другихъ говорахъ Сибири взабол'), здрогнул. Ср. въ указанныхъ выше селахъ южнаго Забайкалья нахожденіе неслог. *у* или билаб. w передъ *с з* при v (f) въ прочихъ условіяхъ. Но говоры сѣверовостока утратили начальное неслог. *у* и передъ другими согласными: ласно («какъ будто» на Р. Устьѣ); можетъ быть, фонетическое явленіе представляетъ отсутствіе предлога «въ» въ говорахъ Колымы и Индигирскаго Р. Устья: загонил угол, положил карман, поѣхал Стрэднo, бул Нижном (Колыма); уѣхал свой домой (Р. Устье). Но возможно, что отсутствіе предложенныхъ сочетаній съ *с*, – это явленіе формально синтаксическое. Сравните съ этимъ употребленіе сочетаній дательн безъ предлога *к*. Но въ рядѣ случаевъ все же отсутствуетъ *в* (w) по условіямъ фонетическимъ, напр. передъ *с*: *свой* вм. (w) *свой* и др. Отсутствуютъ w передъ *з* (*с*) также въ Киренскомъ у.; со здыханьица, на зголовье, по здухам бить (Преображ в.). Утрачено w и въ русскихъ говорахъ на низовьѣ Енисея: «Das w (въ) wurde ausgelassen, z. B. mes'tje,—писалъ Th. Middendorff о

говорѣ населенія въ Нижне-Имбатскомъ и Баклановскомъ (Riese IV, 1398).

Передъ *с з* въ начальномъ слогѣ утрачено неслоговое *у* не только на сѣверо востокѣ, но и въ рядѣ другихъ говоровъ: въ Курганскомъ, Сургут., Тобольск., Тюмен. у у. въ Томской г.—злет, здымат', сток, здохнут'; скричал (-чел), стрѣчал, настрѣчу, здумал, стаёт, зыскивать, знику не давать—въ разныхъ областяхъ. Встрѣчается по говорамъ утрата неслогового *у* и въ другихъ условіяхъ: между гласными передъ гласнымъ *у*: короушка, на трау, дѣушка, слау-Богу, бокоушка, заут зауткой (Бараба). Утрачено неслог. *у* и въ слабоударяемомъ сочетаніи вит' вѣдь): ит'—(напр. въ Тулунской в.) Но употребляется и—вит'—(напр. въ д. Выдриной Енис.). Отсутствуетъ *в* въ сочетаніи «ищ»: иш, на соснѣ каки шишецки (въ Пріангарьѣ); «иш» на Амурѣ и въ другихъ областяхъ.

По говорамъ утрачено междугласное неслог. *й* и передъ другими гласными: дайче (-давеча, въ Тоб. г). Въ разныхъ мѣстахъ Сибири отмѣчено образованіе—обуй—(обувь). Не ясно происхожденіе неслогового і въ этомъ сочетаніи: 1) возможно, что оно развилось вм. неслог *ў* по утратѣ лабіализаціи, т. е. такъ же, какъ въ—долой, домой—, 2) но возможно, что неслог. і здѣсь вм. болѣе ранняго і (изъ јь): ср. и категорію рода: обуй,—я; обуй худой.

Въ говорѣ станицы Арыкъ-Балыкской Кокчетав. у. отмѣчено неслог. *у* послѣ согласнаго и передъ гласнымъ: кwашня (въ записи—куасъ, куашня). Но въ сообщеніи не указано, относится ли это къ говору тамошнихъ казаковъ—великорусовъ или къ живущимъ тамъ малоруссамъ.

Въ концѣ слова вм. w одни говоры имѣютъ v' (f'), другіе v (f: кроф' (напр. въ Селенгинскомъ с Троицкомъ верстъ 100 отъ устья Селенги; здѣсь и -голуп'); кровъ, черфь въ запискахъ иркутянина 1864 г.

Повсюду въ Сибири съ *л* произносятъ «трелога», «треложит'» (тревога, тревожить).

u (y ⟶ v Вмѣсто гласнаго u (y) въ заударномъ слогѣ послѣ гласнаго находится v (f). Ср. нарѣчіе—утре, утрес' но—завтре (зафтре) Также отмѣчено—мявкают—(мяукаютъ; с. Шилы Краснояр у). Но—паужна или паужен'а, паужин (ранній легкій ужинъ). Отмѣчено въ Забайкальѣ, въ Иркутской г., на Колымѣ; извѣстно, по всей вѣроятности и другимъ говорамъ. Заударное *у* не перешло въ w—*в* по тѣсной связи съ у въ—ужна—. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говорятъ—павжа—какъ, напримѣръ въ Архангельской губ. (паужа и павжа)

О вторичныхъ w⟶*в* передъ начальными *о*, *у* говорилось выше.

w—b (б). Въ матеріалахъ относящихся къ говору анадырскаго села Маркова, встрѣчается употребленіе *б* вм. *в*: церби, цербоцьки. По всей видимости въ этомъ говорѣ существуетъ передъ гласнымъ неслоговой звукъ, средній между w и b (б), т. е. *б*, произносящійся со слабымъ смыканьемъ губъ Слабосмычное *б* вм. *в* отмѣчено мною въ русскомъ говореньѣ «ясачныхъ» с. Баяндай, Верхоленск. у: дб^{в}а, деб^{в}ет'. Появленіе такого образованія вм. w (v) обязано вліянію иноязычному. Объ этомъ подробнѣе говорится въ главѣ III-ей.

Въ семействѣ въ широкомъ употребленіи неслоговое *у* или билабіальное w. Условія нахожденія

неслогового *y* или w таковы. 1) Въ предлогѣ, гдѣ онъ чередуется съ гласнымъ *y* или съ yw: y c'але или w c'але, y тым л'асу, ywa сне, yw агароди. 2) Въ тѣхъ формахъ мѣстоименія wьs'ь и глаг. *wъzęti, въ которыхъ по утратѣ ъ,з въ первомъ слогѣ w оказалось передъ s.z: ws'o или ус'о, y-wсем хараузи; увес' (весь), ywowc'a, wз'ат'-уз'ат'. 3) Въ началѣ слова. а) передъ согласнымъ: улес, wлес (влѣзъ), унук, wрем'а, b) передъ гласнымъ задняго ряда: wада, wот, wарабишки. 4) Въ срединѣ слова: а) передъ гласнымъ задняго ряда дwа, трawа, зawоду, карowа, ко'wал', добръwа: въ заударномъ положеніи неслоговое *y* передъ *a* иногда имѣетъ неполное образованіе и близко къ утратѣ; передъ *y* послѣ гласнаго неслог. *y* утрачено: добръуа деушки, коробушка; но послѣ согл.: у цэркwу. b) передъ согл.: дewка, диwна, лестawка, таргowл'а... 5) Въ конечномъ закрытомъ слогѣ; въ этомъ положеніи отмѣчено и б е з г о л о с о е w: дамow, аз'ораw, дуракow. 6) Вмѣсто начальнаго *y* въ первомъ неударномъ слогѣ: wже w нас, w мине, wдарит', wкрал, wб'јут'. Но въ сочетаніи yw гл. *y* не перешелъ въ неслог. *y*: ywал, ywашол (ушелъ). Объ измѣненіи неударенаго wы — въ начальномъ слогѣ говорилось выше.

Плавные.

Говоры востока и сѣверо-востока Сибири имѣютъ твердый плавный *p* вм. *p'*. Таковы говоры на Анадырѣ (с. Марково), на Колымѣ, на Индигиркѣ (Р. Устье). цар, зора, горацка, дрыссот товарысса парат (Марково), моро, до мора, мору, сар, сара, сару, саровой матери, ц[с]арыц[с]а, запрачу, запрата-

ла, тапер, настрапано, сухара, говорат. (Р. Устье). подрад, рэзко, врэш, говору, говорат, издрэжет, врэма нѣту, горачей, брэдит, не до дружка—до своего брушка (Колыма). По великорускимъ говорамъ Верхнеудинскаго у. я наблюдалъ употребленіе твердоваго *р* (средней твердости), рѣже обычно-твердое *р* вм. *р'*. То же отмѣтилъ въ говорѣ лица изъ г. Акши на р. Ононѣ . Въ говорѣ ст. Маккавѣевской (ок Читы) П. Я. Черныхъ слышалъ—запрагат', ром'ошком Употребленіе *р* средней или обычной твердости слышу и отъ жителей г. Иркутска и его окрестностей: бе'рош напе'рот гавару, сло'вар, тры трох, врэм'а, парытца, прама да берэ'га, не смотра.. Если же произносится *р*, оно хотя и близко къ обычному великорусскому мягкому *р*, но все же нетожественно съ нимъ будучи болѣе раскатисто, а раскаты его болѣе энергичны, чѣмъ въ произношеніи обычнаго великорусскаго *р'*. Такое же *р'* я наблюдалъ въ говорѣ одного лица изъ Пріангарья — прэш, праш' (прясть),—отмѣчены П. Я. Черных для В. Суворовскаго говора. Указать дальше области къ сѣверу и западу отъ Ангары съ такимъ *р* и отвердѣніемъ его, пока нѣтъ возможности за отсутствіемъ матеріала.

Итакъ, процессъ особаго произношенія *р'* (съ энергичными раскатами и его отвердѣніе охватилъ огромную область, отъ Ангары къ Индигиркѣ, Колымѣ, Охотскому морю и южное Забайкалье; сильнѣе онъ дѣйствовалъ на сѣверо-востокѣ, слабѣе къ югу.

Въ связи съ образованіемъ *р'* укажемъ на то, что образованіе и т в е р д а г о *р* также отличается отъ обычнаго великорусскаго *р* болѣе энергичными раскатами. О такомъ образованіи знаю по говорамъ въ Иркутскомъ окружіи и въ южномъ Забайкальѣ.

Этотъ процессъ отражается и на говорахъ семейскихъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ вм. мягкаго *р* семейскіе произносятъ *р*, близкое къ твердому или совсѣмъ совпадающее съ твердымъ *р*. Примѣры такого произношенія я наблюдалъ во всѣхъ посѣщенныхъ мною селахъ (см. «Забайкальскіе старообрядцы», 56). Отмѣтимъ, что и здѣсь твердое *р* также болѣе раскатисто и болѣе задне, чѣмъ обычное великор. *р*, гавару, сматру, тры, трох, грэх, брэшыт', па румки, у перот, прама, сибираки и др. (съ *р* средней или обычной твердости).

Можно полагать, что говоры въ южномъ Забайкальѣ и въ области между Ангарой и верхней Леной придутъ къ тому же состоянію въ отношеніи *р'* → *р*, какое представляютъ говоры сѣверо-востока: полное совпаденіе *р'* и *р* въ *р* твердомъ. О раскатистомъ г въ другихъ языкахъ Азіи ср. въ главѣ III й.

Къ этому процессу не относятся сочетанія съ *-ры-* вм. *-ри-*, которыя могутъ встрѣтиться и далеко на западѣ отъ очерченныхъ выше областей. Такъ,—скрыпочка-(въ ст. Арык Балыкской Кокчетав. у.); можетъ встрѣтиться —крык—, крычат'—(—крычет'—) и нѣк. др. *-ры-* въ этихъ словахъ говорили и предки сибиряковъ великоруссовъ въ XVII—XVIII в.в. Говорили такъ и раньше, до отхода въ Сибирь. Въ актахъ Иркутской и Якутской воеводскихъ канцелярій въ этихъ случаяхъ передавалось—*ры*—: крычали (докум. 1697 г. въ допросѣ о бирюльскомъ бунтѣ), товарыщи (въ документахъ Ирк. и Якут. XVII—XVIII в.в.). Въ завѣщаніи селенгинскаго казака Вавилы Григорьева (1684 г.): монастырь, но—монастыру. О—*ры*—въ великорусскихъ говорахъ Европы см. ниже въ гл. III-ей.

Говоръ Нижней Колымы, преимущественно Походской Колымы, представляетъ j вм. л, р. Это—«сладкоязычіе». гојова, јубјуа (йюбйю), ходија пејепјка (перепелка), дѣјаја, кјај (клалъ), јевѣт', смејт', јѣзат', бјат, хојосо (хорошо)... Но оно не проведено послѣдовательно. Указывая это явленіе, В. Г. Богоразъ замѣчаетъ: «въ данномъ случаѣ нельзя провести никакой опредѣленной границы». Слѣдуетъ указать, что сладкоязычіе болѣе свойственно говору женщинъ (старухъ) и дѣтей. Мужчины уклоняются отъ j-канья и говорятъ иногда р, л вм. исконнаго j (неслог. i): воловат' (воевать), лѣнчар (лѣнтяй), отчаланной (отчаянный). Въ тѣхъ случаяхъ, когда произносится плавный р а не j вм. него, то р въ говореньѣ и женщинъ и мужчинъ является твердымъ. Колебаніе въ употребленіи р, л или j вм. нихъ указываетъ, что говоръ и. колымчанъ восходитъ къ такому, въ которомъ было проведено сладкоязычіе болѣе послѣдовательно, чѣмъ это отражается въ наше время. Манера употребленія р, л развивается подъ вліяніемъ другихъ русскихъ говоровъ (Сред.-Колымска).

Сладкоязычіе существуетъ и въ говорахъ по Охотскимъ берегамъ. Указано было (въ 50-хъ г.г. прошлаго столѣтія) сладкоязычіе и въ говорахъ Минусинскаго и Канскаго округовъ Енис. г.: «Женщины хотя говорятъ неправильнѣе мужчинъ, но пріятнѣе и болѣе на-распѣвъ. Большая часть изъ нихъ не выговариваютъ буквъ р и л, что придаетъ рѣчи свою особенность, напр.: юбъ ю, къясный, боитъ, коёвушка—коровушка».

Въ говорахъ на низовьѣ Енисея Миддендорфъ наблюдалъ частое отсутствіе р: «das r oft gar nicht

ausgesprochen» (напр. въ Н-Имбатскомъ и Баклановскомъ. Какая же артикуляція смѣнила собою артикуляцію плавнаго *р*, Миддендорфъ не отмѣтилъ. Вм. l въ тѣхъ же мѣстахъ, по его сообщенію, произносится *ы*. Для говора «русскихъ Туруханскихъ уроженцевъ» Ядринцевъ указывалъ, что они «вмѣсто звуковъ *ж*, *ч*, *ш*, *р* выговариваютъ: *з*, *с*, *л*, *рл* и и. п.»: «мѣрлой альсинъ».

При какихъ обстоятельствахъ развилось j (неслог. i) вм. *р*, *л*? Надо полагать, что появленію j предшествовала стадія съ мягкими палатальными *р л* (ср. употребленіе *р*, *л* при твердости ихъ). Появленіе же j вм *р'*, *л'* а за ними и вообще вм. плавныхъ мягкихъ и твердыхъ находилось въ связи съ иноязычнымъ элементомъ. Иноязычному же вліянію обязанъ и особый плавный рл. Объ этомъ ниже въ гл. III-ей.

По говорамъ встрѣчается названіе горностая «горностай» и «горностал'». Но въ такой передачѣ сладкоязычіе не замѣшано —*л'* появилось здѣсь по аналогіи съ именами на – глас.+*ль* напр. соболь» и др.). «горносталь» и «горностай» находятся и въ сибирскихъ документахъ XVII XVIII в.в: 654 горностая—въ указѣ иркутскаго стольника Кислянскаго (1684 г.), шестъ сотъ горносталевъ, 13 горносталей (въ завѣщаніи селенг. казака Вавилы Григорьева, 1684 г.). Такъ и въ документахъ, писанныхъ въ европейской Россіи.

По говорамъ находится неслог. *у* вм. велярнаго *л* передъ согласнымъ и въ концѣ слова. Такіе говоры имѣются по Турѣ въ Тоб. г. сидѣw, ходиw, сдѣлаw; передано въ зап. «сидѣвъ» и т. д.). То же явленіе

представлено въ нѣкоторыхъ говорахъ по Ангарѣ; то же и по говорамъ Забайкалья (напр. въ д. Елань Селенгин. у.). Неслог. *у* отмѣчено мною и въ русскомъ говореньѣ «ясачныхъ» с. Баяндай Верхол. у.: пошow, вowк.

По говорамъ восточной Сибири (между Ангарой и Илимомъ) и въ другихъ мѣстностяхъ употребляется w вм. *л* и передъ гласнымъ (задняго ряда): wошка, wотка, быwа, кywак (въ зап. вм. неслог. *у* употреблено в). П. А. Ровинскій указывалъ еще на h вм. *л*: «Иногда этотъ [твердый] *л* замѣняется мягкимъ придыхательнымъ *г*: иду за кагачами (калачами)». «Колыма» въ документахъ XVII—XVIII в. передается посредствомъ «Ковыма». Напр. «сентября по 1-е число 163-го году .. дѣтем боярским і пятидесятником и рядовым служилым людем, которые посланы... на Ковыму и на Индигирку... дано 5 пуд. пороху».

Можетъ быть, близко къ неслог. *у* то *ы*, на которое указывалъ Миддендорфъ, какъ на замѣну *л* въ русскихъ говорахъ низовья Енисея.

Въ восточной Сибири (до Байкала и за Байкаломъ) я наблюдалъ образованіе «средняго» «европейскаго» l вм. *л* передъ гласными задняго ряда и передъ *ы*. Такое же l слышалъ и отъ жителей г. Верхнеудинска. Такъ, въ говореньѣ одной женщины послѣдовательно было проведено передъ гласнымъ задняго ряда и *ы* «среднее» l: носіla, lовили, пlыли, гlыбоко, (*ы*, какъ украинское *и*). Соотвѣтствующее явленіе въ говорахъ великорусскихъ европейской Россіи съ одной стороны и иноязычныхъ группъ Сибири съ другой будетъ указано въ гл. III-ей.

Повидимому, въ большинствѣ (если не во всѣхъ) великорусскихъ говорахъ «старожилаго» населенія Сибири находится *л'* въ словахъ мол'чет'» (мол'чат'»), «мол'чи» и т. п, «жал'ко отмѣчено въ Том г., Енисейской г., Иркут. г. на Индигиркѣ, на Колымѣ). Извѣстны, по всей вѣроятности, и нѣкоторыя другія сочетанія съ л'. На станицѣ Арыкъ-Балыкской Кокчетавскаго у. «нѣкоторыя казачки говорятъ напальняла». Но неизвѣстно, только ли въ этомъ сочетаніи «ль» или и въ другихъ.

Съ другой стороны, употребляется тѣми же говорами *л* вм. *л'* также въ отдѣльныхъ случаяхъ болшой, болшушша, можетъ быть и «колоколна, болно и нѣк. др (ср. въ III-ей гл.).

л' и *л* въ этихъ сочетаніяхъ представляютъ наслѣдство, вынесенное съ сѣвера европейской Россіи, о чемъ въ III-ей главѣ.

л вм. *р* въ заимствованномъ словѣ «пельчатки», «въ пельчаткахъ»,—въ рукописи иркутянина 1864 г.

Формальное, конечно, явленіе представляетъ *л*, *л'*, вм. *н*, *н'*, въ образованіяхъ, встрѣчающихся повсюду въ Сибири: греб'олка (гребенка), пристал', на присталѣ (пристань, на пристанѣ). Такъ и на сѣверо-востокѣ европейской Россіи.

ч, ц.

Физіологическую сторону аффрикатъ *ч*, *ц* въ отдѣльныхъ говорахъ Сибири на основаніи имѣющагося матеріала опредѣлить или затруднительно или невозможно. Для *ч* по отношенію къ нѣкоторымъ говорамъ можно замѣтить, что она принадлежитъ къ ряду «мягкихъ» согласныхъ. Такое образованіе *ч* мнѣ

извѣстно изъ разныхъ говоровъ «сибиряковъ» Верхнеудинскаго у. Длительный элементъ этой аффрикаты въ Верхнеуд. говорахъ—согласный между *ш* и *с'*. Такое же *ч* наблюдаю и въ говореньѣ иркутянъ и населенія изъ окрестностей Иркутска. Извѣстно *ч'* и въ говорахъ западной Сибири. Также въ говорѣ стан. Арыкъ-Балыкской Кокчетавск. у отмѣчено *ч'*. Въ западной части Тобольской г. произносится — чейка ,— т. е. съ *а»→е* послѣ мягкаго согласнаго Въ записяхъ, относящихся къ говору д Выдриной Енис у., нерѣдко встрѣчается передача сочетанія *чо* по средствомъ *чё*,— передача, которая можетъ указывать на мягкость *ч*: праздничёк, чётыре, зимны вечёрки. Для говора д Кежемской Заимки Енис у. также имѣются указанія на мягкость *ч*: ср написанія съ ӧ: старичӧк, по-учӧному. Въ томъ же говорѣ и въ говорѣ сосѣдней деревни Каменки *ж»→ж'* послѣ мягкихъ *н'*, *л* *с'*..., а также послѣ *ж* (*ш* *ч*: сыночкя кокушечкя Но замѣна *чьр передъ твердымъ зубнымъ согласнымъ передана посредствомъ *чэр* чэрный, чэрна и др. (Кеж. Заимка).

Въ Томской г (не указано, въ какой мѣстности: «Р. Ф В.» 1914. г. № 1 *ч* пережило такое измѣненіе произошла утрата образованія для взрыва: т͡ш»→т͡ш»→ш. шулки чулки, шудо, шеловѣк, ошен'. Послѣднее изъ Змѣиногор у Въ томъ же говорѣ и *ц* утратило взрывной элементъ: *ц»→с* (лисо..). *ш* вм. *ч* мнѣ извѣстно также въ русскомъ говореньѣ «ясачныхъ» с. Баяндай Верхол у: шашка (чашка), шетыре.

Аффриката *ц* во многихъ говорахъ является твердымъ согласнымъ царицыно брюхо—въ зап. изъ с. Кежмы и др.). Но имѣются и такіе говоры, кото-

рые имѣютъ «мягкое» *ц*. О такомъ *ц* мнѣ извѣстно въ говорѣ амурскихъ казаковъ, въ говорахъ между Ангарой и верхней Леной, въ Якутской области (по Витиму), на Анадырѣ въ Охотскѣ.

* Въ говорахъ Сибири въ большомъ распространеніи *с* вм. *ц*, бывшаго передъ окончательной утратой образованія для затвора твердымъ согласнымъ.— сар' сэрков' или сэрква, лисиса лисо, куниса, заес, птиса, отес, купсы .. Отмѣчено въ Кокчетавскомъ у., ст. Арыкъ Балыкская, въ Томской г. (въ Змѣиногорскомъ у. въ Каинскомъ у., въ южной части Томскаго у. и вѣроятно въ другихъ), въ Енисейской г., Иркутской г. (Тулунская в. Нижнеуд у; свѣт свѣтет), на Индигиркѣ сар, кол'со сѣпочки), въ Верхнеудинскомъ у. Саянтуй, Баръ Мухоршибиръ съ ослабленнымъ взрывнымъ элементомъ: ^{t}c. Утраченъ взрывной элементъ и въ образованіи *ц* вм. *ч*: цай или сай въ нѣкоторыхъ говорахъ между Ангарой и Илимомъ.

* Имѣются указанія на ослабленіе затвора и для мягкаго *ц* Такъ, въ южной части Томскаго у. отмѣчено «овсинникова»; съ $c' \leftarrow\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\!\!\!\!\sim\, ц \leftarrow\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\!\!\!\!\sim\, ч$. Здѣсь и твердое $ц \sim\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\rightarrow c$. Въ Змѣиногорскомъ у.; хосет, о сём (о чемъ) «Это «сюсюканье» сразу бросается въ глаза въ Змѣиногорскомъ у» (Рамзевичъ). Тутъ и твердое $ц \sim\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\rightarrow c$. По низовью Ангары (гдѣ то) говорятъ: «он на облисья взглянул», «облисья»—лицо Если «облисья» фонетически восходитъ къ «обличье», а не находится въ связи съ «лисо» $\leftarrow\!\!\!\!\!\!\sim\!\!\!\!\!\!\sim$ «лицо», то оно предполагаетъ посредствующую стадію съ *ц*, а это *ц*, утративъ затворный элементъ, перешло въ c'.

Мѣны *ч* и *ц* многіе говоры Сибири не представляютъ. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ (о чемъ ниже) отра-

жается *ц* вм. *ч*. Но въ Сибири имѣются и такіе говоры, въ которыхъ мѣна *ц* и *ч* или замѣна *ч* посредствомъ *ц* представлена не отдѣльными словами, а проведена послѣдовательно или съ нѣкоторыми отступленіями подъ вліяніемъ говоровъ, имѣющихъ *ч* и *ц*. Такіе говоры находятся при устьѣ Оби (въ Обдорскѣ), на низовьѣ Енисея, между средней Ангарой Илимомъ, верхней Леной и Байкаломъ, затѣмъ въ Якутской области имѣю недостаточно опредѣленное сообщеніе о нѣсколькихъ деревняхъ около с. Витима при впаленіи р. Витима въ Лену и на далекомъ сѣв.-востокѣ, на Колымѣ, на Анадырѣ въ Охотской области. Въ южномъ Забайкальѣ у казаковъ на Амурѣ, также представлено это явленіе Близко *ч'* къ *ц'* или совсѣмъ совпадаетъ съ нимъ въ говорахъ Верхнеудинскаго у Въ однихъ изъ этихъ говоровъ *ц*, замѣняющее собою *ч* является мягкимъ,—по Витиму, на Анадырѣ, на Амурѣ, въ Верхнеуд. у Въ другихъ говорахъ это *ц*—твердый согласный въ говорахъ пріангарскихъ селъ (при мягкости *ч*) Неизвѣстно образованіе *ц* въ прочихъ изъ указанныхъ областей. Примѣры: Для обдорскаго говора ср. сообщеніе В. Бартенева: Обдоряне .. слабы въ шипящихъ и свистящихъ звукахъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что Обдоряне, выговаривая вмѣсто *ж, ш, ч́—з, с ц* очень часто говорятъ и наоборотъ вмѣсто *з, с, ц,—ж, ш, ч*, напр. жолото жубы» Ж Ст » IV, в. I. 127 . Ангара—верх. Лена: цай или сай цево рецка, отч'а, тридчят', слячча вм. шлятца – 3 ед.). чвѣт Пріангарскія села д Денисова: шонче. Около д. Денисовой: ножицки «Разгоръ моихъ пяти ямщиковъ трудно понять; каждый изъ нихъ на свой ладъ замѣняетъ одинъ звукъ другимъ и безо всякой послѣдд

вательности. «Ешли жашѣдатель поѣдетъ, мы повстрѣчаемся съ нимъ... Я ницаво не жнаю. Ишь на соснѣ каки щишецки». Д. Малолѣтняя (на правомъ берегу рѣки Верхній Баянъ): «Въ говорѣ замѣна звука *ч* звукомъ *ц*, но безъ строгой послѣдовательности. «Заварэвай въ рѣцку, да прихвати бицевой». Около Суворова сѣютъ «овешъ, яцмень, пшеницу, мало-мало грецухи». Эти примѣры извлечены изъ дневника Витковскаго. Но въ д. Монастырской «въ говорѣ ямщиковъ не слышно цоканья и шавканья»,—отмѣчено тамъ же. Низовье Енисея: неопредѣленное указаніе Ядринцева: «русскіе Туруханскіе урожденцы... вмѣсто звуковъ: *ж, ч ш, р* выговариваютъ: *з с л, рл* и т. п». Итакъ, *с* вм. *ц←ш ч*? Верхоленскій уѣздъ: цузой (село Копылово). Витимскія села: «поц'ому ты присол»? Такое сообщеніе получено мною отъ одного лица, жившаго въ Киренскѣ. Говоръ этихъ селъ для киренцевъ и жителей сосѣднихъ нецокающихъ селъ является говоромъ страннымъ, искаженнымъ. Колыма (Сред. и Ниж.): «Нарѣчіе Среднеколымское имѣетъ склонность замѣнять шипящіе звуки свистящими и наоборотъ: вѣцно, конецно»; вм. мягкого *ш* (*t'*) здѣсь *ч*: кочол, вышичь, лячи. «Замѣна шипящихъ звуковъ свистящими и наоборотъ въ Нижнеколымскомъ нарѣчіи существуетъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ въ Среднеколымскомъ» (В. Г. Богоразъ). Анадырское с. Марково: цяй, русницёк, цербоцьки, нацяльство, цюкця, ицётца (=ничется—никаетъ), цернота, цёловѣк, мацыха, горацка, сэрцо, кислица (красная смородина), брусница. Длительный элементъ марковскаго *ń* повидимому незначителенъ: встрѣчается передача этого согласнаго посредствомъ *т* : параличь и паралить, паралитя,

приключитца и приклютился, поцьки и потьки, моць и моть (моча). Здѣсь *ц* и вмѣсто мягкаго *т'* (см.ниже).

На «цацканье» въ Охотскѣ имѣется указаніе въ «Этн. Обозр.» 1913 г., № 1—2, 209. По отношенію къ говору амурскихъ казаковъ: «Иногда говорятъ вм. *ч* букву *ц*, напр.: я хочу цаю» (Карповъ).

Въ селахъ Верхнеудинскаго у. (Баръ, Харашибиръ, Мухоршибиръ) наблюдалъ при твердомъ *ц* мягкое *ч*, длительный элементъ котораго средній между *с'* и *ш'*: ч$^{с'ш'}$. Въ с. Саянтуй длительный элементъ ряда *с'*: биц' (бичъ), ц'ово, рец'ка...

О семейщинѣ въ отношеніи *ц*, *ч* замѣтимъ слѣдующее. Прежній согласный *ц* семейскій произноситъ твердо. Обнаруживается тенденція къ ослабленію затворнаго элемента: *ц* → ц͡с. Согласный *ч* по всей семейщинѣ является мягкимъ согласнымъ. Но образованіе его неодинаково у всѣхъ говорящихъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ рядѣ другихъ, расколъ у семейскихъ: старики, дѣды-отцы съ одной стороны, молодежь съ другой. Нерѣдко и пожилые отцы раздѣляютъ манеру молодежи. При этомъ, манера молодого поколѣнія значительнѣе тамъ, гдѣ и въ другихъ отношеніяхъ произошло уклоненіе отъ говора дѣдовъ. Въ произношеніи лицъ стариаго поколѣнія (хотя и не всѣхъ) *ч* представляетъ аффрикату съ мягкимъ взрывнымъ *т* и мягкимъ длительнымъ *ш*: т$^{'ш'}$ или т͡ш'. Мягкость образованія нерѣдко очень значительна; но длительный элементъ относится къ ряду мягкихъ *ш*. Такое образованіе *ч'* я наблюдалъ въ Никольскомъ у стариковъ, старухъ, нестарыхъ мужиковъ и чаще въ Харауэѣ. Но и въ этихъ селахъ, какъ и въ прочихъ, многіе произносятъ иначе

ц‘ · въ ихъ произношеніи это—мягкій слитный согласный, длительный элементъ котораго подходитъ ближе къ ряду мягкихъ *с‘* (обозначаемъ условно ц͡‘ч‘) иногда совсѣмъ совпадаетъ съ *с‘* (обозначаемъ условно *ц‘*. Въ говорѣ лицъ, произносящихъ ц͡‘ч‘ непремѣнно представлены шепелявые *с‘ з‘* (ср. ниже). Такое ц͡‘ч‘ извѣстно по всѣмъ селамъ семейскихъ. Въ Мухоршибири въ Куналеѣ, Тарбагатаѣ при ц͡‘ч‘ произносятъ и *ц‘*. ноч‘ч‘у крич‘ит‘ д‘awц‘онка, ч‘орт, ц‘ч‘оо говориш? wот ц‘оо. Въ Тарбаг отмѣчалъ въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ *ц‘* и ц͡‘ч‘. Въ нижней части села *ц‘* (въ этой части села *а* вм. *ае* въ глаг. формахъ, *т* твердый въ окончаніи ф 3 ед. и мн. наст.). Женщина изъ Десятникова говоритъ *ц‘*: дац‘ка ц‘ао, луц‘ц и, поц‘та приб‘ажала... Полагаемъ, что ц͡‘ч‘ *ц‘* въ семейщинѣ развились вм *ч* здѣсь, въ Забайкаьѣ, въ связи съ тѣмъ же процессомъ, пережитымъ и переживаемымъ говорами сибиряковъ». Ср. объ этомъ въ «Забайк. старообрядцахъ», 55.

Въ отдѣльныхъ словахъ *ц* вм *ч* находится и въ такихъ говорахъ, фонетика которыхъ не представляетъ *ц*←*ч*. Такъ въ словѣ цело» передняя часть печки находится *ц* вм. *ч*. Такъ произносится это слово повсемѣстно въ Сибири, и на западѣ и на востокѣ. цело и на ст. Арык Балыкской Кокчет. у., и на Барабѣ и въ Тулунской в. Нижнеуд. у. «цело» въ этомъ значеніи распространено по всему сѣверу Россіи будучи извѣстно и такимъ говорамъ въ которыхъ нѣтъ замѣны *ч* посредствомъ *ц* (см. въ главѣ III ей) Въ матеріалахъ, относящихся къ говору о Выдриной, встрѣтилось «цело» и въ основномъ смыслѣ: «целом ёму не бьет» (въ пѣснѣ).

По недостатку матеріала не ясно, какъ обстоитъ дѣло въ тѣхъ говорахъ Томской г. (южная ч. Томскаго у.. Змѣиногорскій у.), гдѣ-то на низовьѣ Ангары, въ которыхъ отмѣчены выше сочетанія съ *с* вм. *ц*‘←*ч*: во всѣхъ ли случаяхъ *ч*‘ замѣнено посредствомъ *ц*, или эта замѣна съ дальнѣйшимъ *ц*‘→*с*‘ представлена, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, только въ отдѣльныхъ случаяхъ?

чн. Въ общерусскомъ сочетаніи *чн* (изъ *чьн*) *ч* утратило затворный элементъ: *чн*→*шн*. Эта звуковая группа до сихъ поръ и представлена отдѣльными говорами Сибири. мушник, ерушник (хлѣбъ изъ ячменной яровой крупы) —яшна каша (ячменная каша)—напр,, въ Тобольской г.; мошно (вм. мочьно = можно)—въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Такъ передавались эти сочетанія и въ сибирскихъ документахъ XVII-го в.: петли шапошные жемчужны (челобитная нерчинской вдовы Вѣрицы, 1688 г.) —велеть собрать по немъ Івашке порушная запись (изъ канцеляріи иркутскаго воеводы, 1689 г.).

Въ рядѣ словъ по говорамъ Сибири встрѣчается *сн* вм. *чн*. Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ предста влено *ш*→*с* (см. ниже), *сн* могло появиться въ связи съ общимъ процессомъ измѣненія *ш*, если до этого времени произносилось *шн*. Напр., въ с. Марковѣ: русник, русницёк, бруснисник. Но отдѣльныя слова съ *сн* находятся и въ говорахъ, незнающихъ *ш*→*с*. Такъ, повсюду говорятъ «молосной», «молосно» (скоромный, -ое; «молосной ден‘» и др), «молосник» (растеніе). По говорамъ употребляются еще нѣкоторыя слова съ *сн* при *шн* въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Краснояр. у., такъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, въ упот-

ребленіи «гачи» (штаны, «гача»—штанина). Но, чѣмъ держатся штаны, шнуръ по поясу, называется «гасник». «Мотри, гасник-от у те вши переѣли» (Краснояр. у.) «гасник» извѣстенъ и въ Забайкальѣ, «пшеничной» (с. Бердское, Барнаульск. у., въ Тобольской г.). Появленіе *сн* въ этихъ сочетаніяхъ восходитъ не къ *шн*, а къ ц‘ч‘н или *ч‘н*; а согласный ц‘ч‘ или ц‘, находясь передъ взрывнымъ согласнымъ *н*, утратилъ въ своемъ образованіи взрывной элементъ: ц‘ч‘ ⟿ с‘ш‘н или *ч‘н* ⟿ *с‘н* (сочетанія съ *с‘н* ср во многихъ сѣверновеликорусскихъ говорахъ Европы). Дальнѣйшее измѣненіе—отвердѣніе *с‘* происходило въ результатѣ воздѣйствія сосѣдней артикуляціи для твердаго *н*. Не во всѣхъ діалектическихъ группахъ былъ послѣдовательно проведенъ и пережитъ этотъ процессъ: сочетанія съ *с‘н* или съ *сн* одного говора переходили въ другой, вытѣсняя въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ сочетанія съ *шн* даннаго говора, восходящія къ *чн*, а не къ *чн* ⟿ *ц‘ч‘н* ⟿ *ц‘н*). Ср. распространеніе «цело». Въ частности широкому распространенію «молосной», съ *-сн-* благопріятствовала, можетъ быть, связь съ образованіемъ «смолост‘» (коровье вымя), если, конечно, эта связь воспринималась говорящими. Образованіе же это извѣстно во всѣхъ краяхъ Сибири, отъ западныхъ предѣловъ до Камчатки. То же распространеніе и на сѣверѣ европейской Россіи. Оттуда и вынесены были сочетанія съ *-сн-* въ отдѣльныхъ словахъ предками великоруссовъ-сибиряковъ Къ семейскимъ сочетанія съ *сн-* еще не зашли. Данныя сѣв.-великорусск. говоровъ ср. въ III-ей главѣ.

ш, ж, с, з.

По отношенію къ нѣкоторымъ говорамъ Сибири

можно утверждать, что *ш*, *ж* имѣютъ въ той или иной степени мягкость. Въ Липченской вол, внизъ по теченію Туры, «*шы* мягко, не *шы*, какъ въ Устьицѣ». Мягки *ш*, *ж* по говорамъ Красноярскаго у. «Послѣ шипящихъ буквъ никогда... не слышно *ы*, а всегда *и*. Жирной, а не жырной, широкой, ножыкъ. А также: «чюдо, щюнять, цявель . «Хрушыка картошыка» Можетъ быть, на мягкость *ш* въ говорѣ с. Кежмы Енис. у. указываетъ употребленіе въ написаніи *ш*, отразившееся въ такихъ случаяхъ: щурячок (шуринъ), щёлк (шелкъ), скатерти щёлковы. Мягки *ш ж* въ говорахъ между Ангарой и верх. Леной: «Шипящіе и свистящіе требуютъ послѣ себя тонкихъ гласныхъ: *я* вм. *а* ъ вм. ъ и очень тонко выговаривается *и*: бѣжятъ, крышя, вожь, аршинъ, лочка»,—писалъ наблюдатель, П. А. Ровинскій. Но по Ангарѣ имѣются говоры и съ отвердѣвшими *ш*, *ж*. Тверды въ этихъ говорахъ и *с*, *з*, замѣнившіе собою прежніе *ш*, *ж*. Мягки *ш*, *ж* и въ отдѣльныхъ говорахъ южнаго Забайкалья. Таковы *ш*, *ж* въ гов. с. Троицкаго Селенгин. у. Таково же образованіе *ш*, *ж*, вѣроятно, и во многихъ другихъ говорахъ Сибири. Имѣются и такіе говоры, въ которыхъ *ш*, *ж* тверды. Таковы они въ говорахъ Барабы, Каин. у.: «Согласные *ж*, *ш* и *ч* имѣютъ исключительно твердое произношеніе».—шэрсь, цэль, жына, женьшына. Говоры съ твердыми *ш ж* находятся и въ другихъ районахъ Сибири. Въ Иркутскѣ также *ш*, *ж* —тверды. Ср. и въ запискахъ одного иркутянина 1864 г: нашы, нашымъ, слышыте, жыта, жывъ и др. Но *ш'* и *ш$^{o'}$* (и вм. *щ*) отмѣчалъ въ произношеніи діакона одной изъ церквей (Благовѣщенской) г. Иркутска: услыш$^{o'}$и, еш$^{o'}$е молимся (въ ектеніи; но

не знаю мѣстопроисхожденія его; ч—ч[ш]). Тверды *ш*, *ж* и по говорамъ южнаго Забайкалья (напр. въ селахъ Саянтуй, Мухоршибиръ).

Тверды *ш*, *ж* и въ говорахъ семейскихъ.

Въ рядѣ великорусскихъ говоровъ Сибири представленъ результатъ измѣненія согласныхъ *ш* → *с*, *ж* → *з*, а *с* → *ш*, *з* → *ж*. Это говоры въ слѣдующихъ областяхъ: въ Туринской вол. Тобол., въ Обдорскѣ на низовьѣ Енисея, по Ангарѣ, на Ленѣ, на Киренгѣ, въ Баргузинскомъ округѣ (къ с.-в. отъ Байкала), отчасти на Индигиркѣ, на Колымѣ вѣроятно въ говорѣ деревень около Витима (гдѣ *ц'* вм. *ч*), на Анадырѣ, въ Охотскѣ, въ говорахъ станицъ на Ононѣ (имѣю сообщеніе о Дурулгуѣ), на Кондуѣ.

Примѣры: Въ какихъ то мѣстностяхъ Курган.(?). Тюмен.(?). Сургутскаго у. у. Тобольск. г. «пришепётываютъ», говорятъ «ссуба» (с[ш]уба? вм «шуба» и др Это «шубенный языкъ». («Жив. Ст.» IX.517). Говорятъ *ш* вм. *с* и въ Туринской вол.: «турнишка швайка»—ироническая кличка жителей этой волости за ихъ стремленіе произносить *ш* вм. *с* (тамъ же, 516). Обдорскъ: жолото жубы...; вм. *ж* *ш* употребляется *з* *с* (см. выше). Низовье Енисея: Nis'js'e, S'ibko, Us'li saprekatj, st'es'nij uromenez (здѣшній уроженецъ). Такъ, напр., въ Имбатскомъ и Баклановскомъ. Тенденція къ «шепелявенью» въ говорахъ тамошняго русскаго населенія является общераспространенной несмотря на разное происхожденіе носителей этихъ говоровъ и ихъ изолированность. Таково было наблюденіе Миддендорфа So ..gab es Ansiedlungen in welch-n nicht etwa nur bei allen Familiengliedern, sondern auch bei allen übrigen angewanderten Hausgenos-

sen verschiedenster Herkunft, ein durchgängiges Lispeln zur Herrschaft gekommen war[1]). У Ядринцева[2]) сообщены такіе примѣры для говоровъ Туруханскаго края: «поселъ осень большой дождь, въ избѣ сипко зарко, бѣдняски худо зивутъ, мѣрлой альсинъ». Но примѣровъ съ *ш* вм *с* съ *ж* вм *з* не указано[3]).

Въ Пріангарьѣ мѣна *ш—с*, *ж—з* отражается въ говорахъ селъ и деревень начинающихся немного ниже Балаганска (Усть Талькинъ и идущихъ къ Братскому Острогу. Изъ дневника Витковскаго. Въ Усть-Талькинѣ «первый разъ въ говорѣ замѣтилъ шавканье—замѣна звука *с* звукомъ *ш*». Д Мятлева «до штанка то? вершты три». Д Константиновская: «Въ говорѣ не слышно шамканья». Д. Денисова: «шонче (солнце), вного же дождя шеня было». Д. Кузьмина: «Въ говорѣ замѣтна уже замѣна звука *с* звукомъ *ш* и наоборотъ, но постоянства нѣтъ; кажется, говорящій не увѣренъ еще что произноситъ извѣстный звукъ правильно; колеблется, одно и то же слово произн сится различно, то скажу», то «шкажу» Около д. Денисовой: Разговоръ моихъ пяти ямщиковъ трудно понять; каждый изъ нихъ на свой ладъ замѣняетъ одинъ звукъ другимъ и безо всякой послѣдовательности. Если жашѣдатель поѣдетъ, мы повстрѣчаемся съ нимъ. Коли не жалямятся въ Громахъ, такъ вѣрно повстрѣцаемся. Я ницаво не знаю Ишь

---

[1]) Reise, IV. 1398.

[2]) Сибирскіе инородцы. 199.

[3]) Ничего опредѣленнаго нельзя сказать на основаніи единственнаго примѣра для Нарымскаго говора въ неудовлетворительныхъ записяхъ «Рус. Ф Вѣст.» 1914 г. № 1: «тъ ража (развѣ) не знаешь?».

на соснѣ каки шишецки». Около д. Малолѣтней: «не жнаемъ, жагонялъ». Д. Мока: лѣшу то у насъ много, мошки тожъ, жимой морожъ. Давай прямо на мышъ, куда дерэишъ!» Около Суворова: «овешъ, рожь, шѣ-новъ у насъ мало,—одинъ оштровокъ; люди шемей-ные тѣ расчистили себѣ мѣшта». Д. Наратай: «во-шемъ верштъ». Д. Монастырская: «Въ говорѣ ямщи-ковъ не слышно цоканья и шавканья». Наблюденія надъ говоромъ В. Суворова сдѣланы П. Я. Черныхъ: «шами, брашај, шат, сыла, матуска, жаулкам, жнам, бирʻожы, зыр, мозна-за. сʻjew, сʻнек, ваʒʻʻми. хазʻʻеин, кошʻат, шʻемја, жʻнмовја... О говорахъ между Ангарой и Леной имѣются также свѣдѣнія у П. А. Ровнискаго: пасня, лопасня, песіе казаки, сесть (шесть), наси, слячча (шлятца - 3 ед.), зивотные, зимолостка, зерьло (жерло), жаливатъ (3 ед.), жалогъ, нижавой вѣтеръ, жима, нешётъ, шиверко, шазыгли, шупка (сопка). Верхолен. у.: на цузой сторонѣ скус-но Вашильевна, Маржунской т. е. Манзурскій (устное сообщ о с Копыловѣ). То же явленіе въ говорѣ Косой Степи (отъ Якутскаго тракта въ сторону Байкала). Лена. «Пришлый элементъ съ Лены... отличается крайней шепелявостью, общей почти для всего сельскаго насе-ленія Лены. Звуки *с* и *ш* часто употребляются наобо-ротъ, одинъ вм. другого, напр., если надо сказать «сохатый шелъ» —говорятъ «шохатый солъ», «мышокъ» вм. «мысокъ» и т. д. [1]) О мѣнѣ *ш* (*ж*)—*с* (*з*) на Киренгѣ знаю по устному сообщенію о селѣ Карамъ («дальше къ востоку вовсе ничего не поймешь»). Баргузинъ: «посол шам по штанам [станамъ, станкамъ], а шобаку оштавил вош (возъ) караулить»,—такъ

[1]) Изв. В. С. О. Р. Г. О. XLШ, 71.

дразнитъ бартузницевъ сосѣднее населеніе, не знающее мѣны *ш* и *с* (устное сообщеніе). Колыма: посла дальсе, сило (шило), сто у гоjуба, сто у шизова. шобаjами опушиj (соболями опушилъ,) зяj (жаръ), зяjкоj, зивот, сыпсы изорли (изоjли) и ижорли (шесты), жубы, хоjосо (хорошо). Вм. *щ* произносится с'с': сьсипнуть, сьсьука, сьсёjкнуть (щелкнуть). Произносится и *шш*: спаjшшик, анюjшшик... Вообще, «нарѣчіе Среднеколымское имѣетъ склонность замѣнять шипящіе звуки свистящими и наоборотъ». «Замѣна шипящихъ звуковъ свистящими и наоборотъ въ Нижнеколымскомъ нарѣчіи существуетъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ въ Средне-Колымскомъ» (Богоразъ). Нѣкоторыя деревни по Витиму: посол (устное сообщеніе). О говорѣ Рус. Устья на Индигиркѣ Зензиновъ, прожившій тамъ долгое время, замѣчаетъ: «Колымскаго сюсюканья [*с* и *з* вм. *ш* и *ж*] и «цацканья» [*ц* вм *ч*] охотскаго жителя у индигирцевъ не услышишь» [2]. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ все же употребляется тамъ *з* (*с*) вм. *ж* (*ш*) и наоборотъ. Такъ, въ своемъ описаніи Рус. Устья Зензиновъ сообщаетъ между прочимъ слѣдующія индигирскія слова: щербитъ (вм. с[в]ербит) щербота высыпала (сыпь показалась) въ можгу шипота, роза (рожа). И изъ другого источника знаю о *ш* въ этомъ говорѣ: въ «Верхоян сборн».: штрасть, сдали, сдали (ждали, ждали). Для говора въ Охотскѣ указано *с* вм. *ж-ш* въ «Этн. Об.» 1913, № 1—2, 209. О «шепелявомъ выговорѣ» охотскихъ жителей говорится въ «Изв. Сиб. О. Р. Г. О.» Т. IV, 1. На то же указывалъ и Редовскій въ своихъ замѣткахъ (Ошип вм. Осипъ).

[2]) Этн. Обозр. 1913, № 1—2, 209.

Въ говорѣ с Маркова на Анадырѣ шипящіе неизвѣстны: *ш*⟶*с*, *ж*⟶*з* Обратный переходъ (*с*⟶*ш*, *з*⟶*ж*) не представленъ этимъ говоромъ — сыбко, сыски, мѣсок, рубаска, соркают, колёс (колешь) рубис (рубишь касэль (кашель) бауска бабушка), саман, воски вошки) сыть (шить), солудивыи, куку соцья трава, усканина (ушканина, заячья шкурка), задусылса, опоганился; *щ*⟶*сс* (*с*): с дусы спуссатца, дрыссот, сэпинка зар. подзылки, коза, дёрзат под дярзыват, уз, ворозыт золтѣт золцона, натузной, зыдкой пузатца (3 ед.), цюкця бул зывотистой; сыписнязны цвѣтки (цвѣтки шиповника). О мѣнѣ *с* (*з*) и *ш* (*ж*) въ говорахъ станицъ на Анонѣ и на Кондуѣ знаю по устнымъ сообщеніямъ. По всей вѣроятности, то же явленіе представлено и другими говорами въ Забайкальѣ. Не лишне замѣтить, что во всѣхъ этихъ говорахъ и *ч*⟶*ц*. Только на Р. Устьѣ нѣтъ «цацканья», да не знаю какъ обстоитъ дѣло съ *ч* въ Бэргузинѣ и въ вышеуказанныхъ станицахъ

Итакъ, съ сѣверо запада, отъ Оби на сѣверовостокъ, до береговъ Охотскаго моря и на юго-востокъ, въ южное Забайкалье простираются волны передвижки въ рядѣ согласныхъ *с* (*з*) *ш* (*ж*), а также *ч*—*ц*'. Еще большіе районы охвачены «шепелявымъ» произношеніемъ мягкихъ *с з*. «Шепелявые, повидимому палатальные, дорсально образованные какъ польскіе ś, ź, или вмѣсто нихъ совсѣмъ мягкіе *ш*, *ж* извѣстны и говорамъ, не знающимъ *ш* (*ж*) вм. твердаго *с* (*з*) и *с* (*з*) вм. *ш* (*ж*). Такіе *с*', *з*' извѣстны и въ окрестностяхъ Иркутска, и на сѣверѣ, въ Якутскѣ (вшё, вжял...) и во многихъ говорахъ южнаго Забайкалья въ Верхнеуд. у. (наблюдалъ въ сс. Барь, Мухоршибиръ, Харашибиръ).

спарщик и спаршик и др. На Анадырѣ (с Марково)— с и чаще *сс*: сэпинка, дрыссот, ссолоком, с дусы спуссатца, товарысса, правссык. Въ заимствованномъ словѣ «женщина» вм. *щ* произносятъ тамъ ст' (сц'): зенстина, зенсцина. Любопытно, что такимъ же образомъ передается въ данномъ случаѣ *щ* и въ Верхнеуд. у.: «жэнсцина» отмѣчена мною въ с. Саянтуй.

«шти», «штец» употребляющіеся при *шш* вм. stj, sk', къ категоріи замѣнъ указанныхъ выше праславянскихъ сочетаній не относятся. (Въ Якутскѣ шти»—это похлебка съ крупою. На Колымѣ «шти»—дикій лукъ; «шшейное масо»—мясо для хорошихъ щей).

дз.

Въ колымскихъ матеріалахъ встрѣтилось *дз* вм. *з*: *задзвон*—: ко обѣдни задзвонили. *дзвон* и нѣк др. сочетанія съ *дз* вм. з представлены по говорамъ и другихъ славянскихъ языковыхъ группъ (южно русской, южно-славянской, западно славянской). Но процессы, вслѣдствіе которыхъ явилось *дз* вм. *з* въ славянскихъ діалектахъ Европы съ одной стороны и на Колымѣ съ другой —различны: тамъ *дз* явленіе фонетическое а на Колымѣ—морфическое: по связи съ образованіями, имѣвшими префиксъ, оканчивавшійся затворнымъ согласнымъ, появилась тенденція оканчивать затворомъ и прочіе префиксы (*за* , *на* *по-*). Сравните образованія: *подзолочены*, какъ и—*потколочены*; такъ и—*задзвонили*.

Согласные передъ гласными передняго ряда. Мягкіе согласные

На востокѣ Сибири великорусскіе говоры, хотя и не сплошь, охвачены процессомъ измѣненія *т*

(*д*) передъ гласными передняго ряда: *т'* (*д'*) стали производиться съ палатальной или палатализованной фрикаціей: *т'* ⟶ *т͡с'* или *ц'* или *'т͡ш'* или *ч'*. Соотвѣтствующія голосовыя образованія развились вм. *д'*. Въ однихъ и тѣхъ же говорахъ встрѣчаются разныя стадіи въ судьбѣ *т'* (*д'*). Извѣстно тамъ образованіе *т'* (*д'*) и безъ фрикаціи. Говоры съ такимъ измѣненіемъ *т'* (*д'*) представляютъ мѣну *ш* (*ж*) и *с* (*з*), *ч* — *ц* (о чемъ говорилось выше). Въ говорахъ на Анадырѣ, на Колымѣ, въ Пріангарьѣ пережита или еще переживается такая судьба *т'* (*д'*). О прочихъ говорахъ съ мѣной *ш ж*) — *с*(*з*) свѣдѣній относительно *т'* (*д'*) не имѣется. С. Марково: мати и маци, вычагивать, сучерб (состояніе, при которомъ можно еще стерпѣть), будзёт, будзь, дзѣкха. Колыма: чѣјо (тѣло), чача (тятя), чима (темя), выпичь кочол.

Пріангарье: чисова[я] кровать (тесовая кровать), чесны[я] мѣста, терез (черезъ)—отмѣчено у Ровинскаго. О говорѣ с. В. Суворова свѣдѣнія сообщены П. Я. Черныхъ: диц'о, хац'ew, ажабоч'или, над'ж'аваj ад'ж'ин, ид'з'и и сочетанія съ т', д'.

О соотвѣтствующихъ звуковыхъ образованіяхъ въ другихъ языкахъ Сибири см. въ главѣ III ей.

Въ говорѣ иркутянъ «мягкое» (палатализ.) т'(д') нерѣдко, имѣетъ во второй своей части фрикацію $^{с'(з')}$: т'$^{с'}$ д'$^{з'}$. Такое образованіе т' (д') у иркутянъ и, можетъ быть, у другихъ «сибиряковъ» въ родственной связи съ процессомъ говоровъ на сѣв.-востокѣ Сибири —т'—ц'—ч'—, по всей вѣроятности, не находится, представляя такое образованіе т'—д', какое не чуждо и великорускимъ говорамъ въ европейской Россіи; см. въ главѣ III-ей.

Въ говорѣ иркутянъ наблюдается и такая стадія въ образованіи мягкихъ небно-зубн согласныхъ, преимущественно подъ удареніемъ: бо́льшая выдержка артикуляціи, затвора или фрикаціи, по сравненію съ обычнымъ образованіемъ т', с', н' ..—ттѣ, абраттили вниманнье (ь-редуц.і), гаддилсе Вассил' Никалаич наччинат', вит'т' и др Развитіе фрикаціи при мягкихъ т'-д' такого образованія—ближайшая стадія въ физіологическомъ отношеніи

Въ одномъ положеніи развитіе фрикаціи при *т'* извѣстно вѣроятно многимъ говорамъ: въ группѣ —*с'т'*— (не въ концѣ слова). Подъ вліяніемъ предшествующаго образованія с' стало сопровождаться фрикаціей для $^{c'}$ или *с'* и образованіе для *т'*: с'т' ⇒ с'т$^{c'}$ или с'т с' (ср. по славянскимъ діалектамъ шт' ⇒ штш).—страсьци, по зависьци, безъ чесьцимъ, или я неуплочовалъ казенныхъ повинносцей но— милость, чесьть—въ запискахъ иркутянина 1864 г.

Колымскіе и анадырскіе говоры не знаютъ мягкихъ губныхъ согласныхъ, представляя вмѣсто нихъ твердые. Кромѣ того, лабіализованный гласный ӧ (передняго ряда) или о (средняго ряда) послѣ прежняго мягкаго губного согласнаго утратилъ лабіальное образованіе: м'ӧ—или м'о—замѣнились сочетаніямъ *мэ*— (*э*—гласный передняго или средняго ряда). Утрата лабіальнаго образованія о находилась въ связи съ происшедшимъ отвердѣніемъ предшествующаго согласнаго —(ср. такой же процессъ, пережитый въ свое время сочетаніями: мягкій въ той или иной степени согласный-┼ӧ или о въ южнорусской группѣ). Этотъ гласный *э* послѣ отвердѣвшихъ согласныхъ губныхъ не подвергся новой лабіализаціи. Иная судьба была

давняго гласнаго *ы* послѣ губн. согл.: *мы*—(*пы*—...) ⟶ *му*... (ср. выше). *б*⟶*э* и послѣ другихъ отвердѣвшихъ согласныхъ. Колыма: мэра, вэра, орэй (орелъ), бэрда и бэйда, йубэж, вэсьйа, мэд, робэнок, увэз.—*о* въ глагольныхъ формахъ—явленіе нефонетическое: грэбош, грэбот, возьмош; *о* появилось подъ вліяніемъ тѣхъ глагольныхъ образованій, въ которыхъ *'о* не перешло въ *э* (въ основахъ на *j*е: плач'от..., въ новыхъ основахъ съ задненебнымъ согласнымъ передъ окончаніемъ: могош,—от...). губ. согл.—а: има врэма, масо, вазнуть, теба, себа.

С. Марково: напэрники (родъ козырька изъ перьевъ), робэнок топэре, свэрнутый пуп, имо (вм. им'о←им'а), маккой, дрэсваной, дириванный, ваэут, стават, тиба, розбыла, правыт давыт, спы, задусылса кровъю, кров идёт, кровы идут, сып.

На сочетаніи мягкаго губного согл. съ гласнымъ *а* въ говорѣ с. Маркова отражается и такая судьба, аналогичная со многими славянскими и не славянскими діалектами: выдѣлилась самостоятельная артикуляція палатальнаго неслогового звука,—j (неслогового і): подпьятны зылы.

Явленіе нефонетическое представляетъ *им* въ формѣ «мнятца» (с. Марково, Колыма). Появленіе здѣсь *н* вызвано не фонетическимъ измѣненіемъ мягкаго губного согл. передъ гласнымъ, а аналогіей съ формами съ *н* (вм ьн передъ гласнымъ) «мну, мнётца»...

Въ записи говора станицы Арыкъ-Балыкской Кокчетав. у. имѣются примѣры въ такой передачѣ: имя, има, имья, време, времья и время (родит. ед.). Къ сожалѣнію, неизвѣстно точно, чей говоръ пере-

данъ въ данномъ случаѣ: казаковъ ли, или живущихъ тамъ же «хохловъ».

Въ говорахъ колымско-анадырскихъ тверды и согласные *н р'* вм *р* (если не перешло въ j въ колымскихъ говорахъ), *с з* (если не замѣнились посредствомъ *ш, ж* въ колымскихъ говорахъ). люднэро (Колыма), сэрцо (Марково и Колыма), сэрцова боль, квасат, всо, но и—воусё, спасыбо, сыдите, удусъё, удусъём мина (с Марково). Отвердѣнія согласныхъ *н', с' (з')-л'*, передъ *у* въ имѣющемся матеріалѣ не обнаруживается.—носю, хвалю, а по аналогіи съ ними и—станю *н'* проведено и по другимъ формамъ: станёг, тянёт, станём; (ср и 3 мн.: идют, дадют).

Для какихъ-то говоровъ Минусинскаго и Канскаго окр указано «мона»—меня (Ж. Стар.» XIII, 303) Единственный примѣръ не даетъ возможности судить объ общемъ фонетическомъ явленіи, слѣдствіемъ котораго явилось это сочетаніе съ *мо* вм *ме* и твердымъ *н* Трудно сказать, какое значеніе имѣетъ *с* вм *с'* въ нарѣчіи «ланисъ» на Камчаткѣ. «лонысь» говора амурскихъ казаковъ возникло по аналогіи съ «когдыи» («ковды»), «тогдыи» («товдыи»).

tje.

Это сочетаніе, оказавшееся послѣ утраты редуцированнаго гласнаго, находившагося передъ j (или неслоговымъ i), пережило во многихъ говорахъ Сибири дальнѣйшее измѣненіе, такое же, какое проведено было говорами малорусско-бѣлорусскими, но независимо отъ нихъ: ассимиляція j съ предшествующимъ согласнымъ и развитіе одного мягкаго согласнаго съ болѣе длительной артикуляціей. Такая стадія отмѣче-

на въ слѣдующихъ говорахъ. Въ с. Кежмѣ Енис. у.: названнё. у застолля, с похмѣлля. Въ д. Кежем Заимкѣ: во пойманню Въ с. Ужур Енис. у.: селенницо прощенницо. Въ Тулун вол. Нижнеуд у: к божжему храму, божжа мать, божжава человѣка. Въ Пріангарьѣ, въ Иркутскѣ и уѣздѣ: трет'т а и по аналогіи трет'т ij, Усол л'е, Ил'л'а, л'л ут—льютъ плат'т'а, ноч'ч'у, Казач'ч'а улица .. «платьтями» —писалъ иркутянинъ въ 1864 г. То же въ южномъ Забайкальѣ и въ Верхнеудинскомъ у и бліже къ Читѣ (напр., въ с. Троицкомъ: свин'н'а, весел'л'е, ноч'ч у. Такъ и въ селахъ къ югу отъ Верхнеудинска и къ востоку къ Читѣ). Можетъ быть, такіе же *м, т* или дальнѣйшее измѣненіе: н'н' → н', т'т' → т' въ Н. Колым: разгуллянницe, терпѣня нѣту! третяк.

Тотъ же процессъ въ сульбѣ іje пережитъ иговоромъ семейскихъ. Въ настоящее время дѣло въ этомъ отношеніи обстоитъ тамъ такимъ образомъ. «Двойные» мягкіе согласные представлены вм. *н, т, д, с, з, л, н*, j передъ глас Мягкой «двойной» *н* замѣняется иногда обычнымъ мягкимъ *н* Эта замѣна непослѣдовательно проведена Она чаще обнаруживается въ небрежномъ говореньѣ,—свин'н'а и свин'а дран'н'о, купан н а, курин'н'а, баран'н'а баран в'и сукны, батвин'н'а, васкрисен а, вазнисен'н'а,-н'а, успен'н'а,-рачен'а,жард'д'о, жард а (им. множ.), палавод'д'а, пит'т'о трет'т ак, трет'т'а и по аналогіи—трет т'ij, брат'т а, прут'т'а, сват'т'а. Сочетаніе -*жс*-|-j-|-глас.—также замѣняется посредствомъ болѣе длительнаго мягкаго *жс* —обычно внѣ ударенія; подъ удареніемъ же представленъ и j (неслог.i), хотя и здѣсь *жс'* имѣетъ болѣе длительное образованіе, чѣмъ обычный *жс'*: руж'ж',э, руж'ж'а

Такіе же «шепеляевые», какъ польскіе мягкіе s, z; извѣстны всѣмъ говорамъ семейскихъ; они произносятся и стариками и молодежью Но къ этому необходимо добавить слѣдующее Въ каждомъ селѣ по произношенію шепелявыхъ *c'*, *z'* есть различіе между молодымъ поколѣніемъ и старшими. Молодежь будто съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ произноситъ шепеляевые *c'*, *z'*. Я не встрѣтилъ ни одного парня и молодого мужика, ни одной дѣвушки и молодухи, которые не шепелявили бы Иное представляетъ говоръ стариковъ и старухъ. Шепелявятъ и они, шипящій элементъ въ нхъ *c'*, *z'* слабѣе, чѣмъ въ произношеніи молодежи, иногда совсѣмъ слабый. «Почти не шепелявитъ»,—нерѣдко заносилъ я въ этихъ случаяхъ въ свои записки. Имѣя въ виду данныя говоровъ Сибири полагаемъ, что шепелявость въ произношеніи *c'*, *z'* семейскіе развили только здѣсь, въ Забайкальѣ, а не принесли съ собой изъ Европы,—развили постепенно, въ средѣ поколѣній 3-хъ.—с'ила, с'ем, с'алу, пис'мо с'л'апој, с'нех, да-с'видан'а, ус'пен'а, јес'[т'], жыс [т'], з'има, Куз'ма, сказ'н'у...

Волна шепелявенья отражается кое-гдѣ по семейщинѣ и на твердыхъ *c*, *z*. Въ Н. Заганѣ я наблюдалъ говоръ одного старообрядца лѣтъ 37-и. Въ его говорѣ послѣдовательно были представлены шепелявые мягкіе *c*, *z*, но также и твердые *c*, *z* имѣли шипящій элементъ. Въ акустическомъ отношеніи это были согласные твердые *c*, *z* съ шипящимъ элементомъ во второй части $c^{ш}$, $z^{ш}$: $c^{ш}$ам, $c^{ш}$ол', $c^{ш}$тал, $z^{ш}$наиш, рас^{ш} и др. Другихъ субъектовъ съ такимъ произношеніемъ я не встрѣтилъ. Только въ Никольскомъ у одного старика замѣтилъ нѣкоторую шепелявость въ произ-

ношеніи твердаго *с*. Отмѣчу еще въ отдѣльномъ случаѣ *ш* твердое вм. *с* въ словѣ «свѣтскій»: швецкъj законъ держут', а ни лухownъj. Такъ жаловался мнѣ одинъ старикъ въ Н. Заганѣ. Его говоръ знаетъ очень слабые шепелявые *с'*, *з'*. «шпекул'ант — съ обычной русской передачей *сп*— въ заимствованныхъ словахъ (шпирт..). Возможно, что со временемъ въ семейщинѣ привьется и эта манера — шепеляевое произношеніе твердыхъ *с*, *з* и смѣшеніе ихъ съ *ш*, *ж*.

Любопытно отмѣтить судьбу *ч*, *ц*, *ш*, *ж* *с* *з* въ говорѣ «ясачныхъ», крестившихся бурятъ и въ силу различныхъ обстоятельствъ ближе ставшихъ къ русскому племени. Эти буряты нерѣдко женятся на русскихъ женщинахъ; живутъ они отдѣльными поселками, но иногда селятся среди русскихъ. Русскій языкъ входитъ къ «ясачнымъ» въ обычное употребленіе; онъ усваивается молодымъ и старымъ поколѣніемъ, мужской и женской половиной Много «ясачныхъ» совсѣмъ обрусѣло, зная только одинъ языкъ — русскій. Въ другихъ группахъ ясачныхъ» переживается еще посредствующая ступень въ смѣнѣ языка, ступень двуязычія. О такихъ двуязычныхъ «ясачныхъ» имѣю свѣдѣнія изъ с. Баяндай, Верхоленскаго у. Ирк. г. И ребятишки и старики говорятъ по бурятски и по-русски. Въ ихъ русскомъ языкѣ *ш* вм. *ч*: шашка (чашка), шетыре (— *ш* твердое), *с*→*ш*, *з*→*ж*: шобака, шама, ов'ош, шено (твердое *ш*). Ваш'ка, јиш'т' ѣсть), шеш'т' (*шѣ*—съ твердымъ *ш*, вошем (*ш*—твердое), д'ешет' (*ш*—твердое), вожа жемл'а, жел оноj, вж'ат'. Но—зэлезноj. Изъ другихъ чертъ: вм *в* произносится иногда *б* слабосмычный: дв^{б}а, д'еб^{п}ет'. Близкаго образованія въ отношеніи губъ начальный согласный

въ поредачѣ «птица»: б^{в}тица. Вм. твердаго *л* въ концѣ слога находится неслоговое *у*: вошк, пошоw Гласный *а* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится дифтонгично,—такъ, по крайней мѣрѣ, въ говорѣ бурята передававшаго мнѣ этотъ говоръ : п'а°т'.

Въ отдѣльныхъ словахъ *с* (*з*) встрѣчается въ разныхъ другихъ великорусскихъ говорахъ Сибири. «зёрло» (форватеръ рѣки, Тобольск. г.). Бозя милость!» въ передачѣ рѣчи купцовъ на низовьѣ Ангары «Серемегьёф» (Шереметевъ) въ произношеніи жителей изъ д. Выдриной Енис. у «зеншина», «зеншину», «три зеншины въ с Кежмѣ, Енис у. Особое значеніе имѣетъ *зеп* (карманъ; отмѣчено для Минусинскаго и Каинскаго окр). Съ согласнымъ *з*: зеп, зеп'; это заимствованное слово принесено въ Сибирь сѣверно-великоруссами изъ Европы; ср. зеп, зеп' въ говорахъ на сѣверо-востокѣ европейской Россіи. «из *дети* выняли въ мешечке китайскомъ 15 р. 16 алт. 4 деньги»; «да из *дети* выняли въ мешечке 27 алтынъ» (въ докум. 1692 г. изъ канцеляріи якутскаго воеводы). Это—заимствованіе отъ тѣхъ тюрковъ въ языкѣ которыхъ были *дз* (*д*), *з*, въ соотвѣтствіи турецкому *дж* (тур. «джеб»). Иное также значеніе имѣетъ *з* вм. *ж* въ «залѣзо» Съ *з* оно въ общераспространенномъ употребленіи въ Сибири, какъ и въ Европѣ. Появленіе *з* вм. *ж* зависѣло отъ ассимилирующаго воздѣйствія *з* въ *зо*, а также отъ какихъ-то психологическихъ связей

Морфическаго происхожденія *з* въ такихъ образованіяхъ: низяйшій поклон (с Бердское Барнаульск. у.): въ основу положено «низ—». князинушкя (д. Кежемск. Заимка;—ласкат. къ «князь». Отъ «кн аз',

кн'аз'а»... *з* проникло и къ «кн'азинѣ, со кн'азиней» (тамъ же).

шп— шк— въ передачѣ заимствованныхъ словъ. шпирт (повсюду), шпекулянт (также теперь вѣроятно повсюду[1]), *ш*клянка (Якутскъ). машкироваться (Якутскъ, у казаковъ на Амурѣ). «мушкированные» извѣстны и на Колымѣ.

*stj, *sk' *zdj, *zg .

Замѣна этихъ праславянскихъ сочетаній въ разныхъ говорахъ Сибири представлена въ видѣ *шш* или *жж*. Тобольск. г.: ишшо, гушша, рошша, шшука, крешшоны, шшерба. Вообще «звукъ щ почти всегда выговаривается какъ два *ш*». Бараба: шшыпать, шшэль, шшоки рошша, заѣжжать, сожжон. Барнаул. у. (с. Бердское): «вездѣ *щ* произносится какъ двойное *ш*». Краснояр. у.: прошшенья, уташшил, бѣлы ручки зашшелкают; но - ешшо и ештё. Енис. у.: ишшо, прошшай, пушше, хрещшоной, кормовишшо, товарищшу с Кежма), проёжжал (д. Выдрина), съѣжжатца (с. Пановское . Нижнеуд у. Тулунск в.): соришше. Существуетъ вѣроятно стадія съ согласнымъ *ш* (*жс*). Такая замѣна указана въ Пріангарьѣ (не отмѣчено, въ какомъ пунктѣ): «Иногда вм. *щ* употребляется *ш*: в шали» (Ровинскій) Въ нарѣчіи «еще» многіе говоры имѣютъ *ш*: ишо. Такъ и у семейскихъ. На Колымѣ вм. *шш* представлено *с'с'*: сьсипнуть, сьсьука сьсёйкнуть. Богоразъ отмѣчаетъ и *щ*, *шш*: спайщик и спайшшик,

---

1) Значеніе: не только «спекулянтъ», но и вообще торговый человѣкъ Одна баба на вокзалѣ въ Верхнеуд. перепродаетъ желѣзнодорожный билетъ; у ней покупалъ уже его одинъ человѣкъ—хорошій. ш п и к у л я н т ъ, кажись.

(Ник.), а также и съ обычнымъ *жс*: бож'а. Въ сочетаніяхъ губныхъ согл съ j-глас. нѣтъ однообразія у говорящихъ. 1 Представлено сочетаніе—губн.-j; губной чаще является мягкимъ, но отмѣчена и твердость его: п'ју, п'јут', сим ја, с ам'јој, зимав'јо симја убју, пјут'. 2) Въ тѣхъ же говорахъ наблюдается и слѣдующая стадія: ассимиляція j съ предшествующимъ согласнымъ; произносится мягкій губной съ болѣе длительной артикуляціей (безъ j), но эта длительность не производитъ акустическаго впечатлѣнія «двойной» мягкой согласной п'[п'] (п'[п']у) Вм такого согласнаго произносится и обычный мягкій губн. согласный: п'у, wб'ут', б от, п анъј, жнив'а, варабишки *л*j-гл.с.: ил л'ут' (льютъ, сол'л у, у патпол'л'а, с пахмєл'л'а *н*j-гл: кр уч'ч'а, ноч'ч'у.

Развитіе мягкаго согласнаго съ болѣе длительной артикуляціей вм. соглас-j передъ гласнымъ въ семейщинѣ находится въ связи съ такимъ же процессомъ въ говорахъ «сибиряковъ». Эта артикуляція обладаетъ значительной экстенсивностью, экспрессіей въ языковомъ отношеніи. Мягкіе «двойные» согласные усваиваются и лицами не «сибиряками», но прожившими нѣкоторое время среди нихъ. По собственнымъ языковымъ переживаніямъ наблюдаю это. Въ моемъ родномъ говорѣ (Ливен. у Орл. г. существуетъ только t'je На второй годъ своего пребыванія въ Иркутскѣ я сталъ ловить себя на произношеніи t't' или въ позывѣ къ этому образованію: трет'т'а трет'т'ij, ноч'ч у.

Группы согласныхъ.

бв, бм, дн. Въ этихъ сочетаніяхъ согласныхъ отражается результатъ ассимиляціи: *бв* → *вв*, *бм* → *мм*,

дн⟶*нн*: омман, оммануть, оммѣн, оммарок, оввернется, оввѣнчались – отмѣчено въ разныхъ говорахъ Сибири на западѣ и на востокѣ. Въ словахъ перенятыхъ, зашедшихъ изъ среды книжной, представлено *бе* вм. *в*: дают обвѣты, обвѣщанье—въ Тулун. вол., Нижнеуд. у. Вм. *обм* въ образованіяхъ съ «обман—» находится «*од ман* –»,—явленіе формальное употребленіе префикса *од*—(вм. *от*—) съ корнемъ *ман*—. Появленіе *д* вм. *т* въ этомъ префиксѣ въ данномъ случаѣ могло произойти при двухъ обстоятельствахъ. 1) Моментъ для *т* попалъ въ тотъ промежутокъ времени и въ ту артикуляціонную обстановку, когда голосовыя связки были въ непрерывномъ напряженномъ состояніи при *о* и *мм*. 2) Повліяли сочетанія съ префиксами *над*—, *перед*—. Не приходится думать объ отвлеченіи *од*—отъ сочетаній въ которыхъ *от*⟶*од*— въ зависимости отъ слѣдующаго согласнаго, ибо такія сочетанія были очень рѣдки. одманут'—отмѣчено мною въ с. Троицкомъ Селенгин. у ; адмануть, адманщица—указано для говора станицы Арык-Балыкской Кокчет. у. *дн*⟶*нн*: оннако, сунно, ланно, три-нни (3 дня), за-нно—также въ разныхъ краяхъ Сибири, шеня сегодня (д. Денисова у Ангары). Употребляются сочетанія съ *нн* и на Колымѣ при сочетаніяхъ съ *дн*: йанно оннако. бйонни (бродни), но только—йюдно, одни и др., гдѣ отражается вліяніе родственныхъ формъ съ *д* за которымъ не слѣдовалъ *н*: люд, один и т. п. Ср. передачу юкагирами заимствованій изъ русскаго языка въ томъ краѣ: аннаха-однако, бінні-видно.

мн. Въ этомъ сочетаніи пережита диссимиляція въ отношеніи небной занавѣски. *мн*⟶*вн*. вного, не

повню, гувно. Такъ говорятъ и на западѣ и на востокѣ Сибири (напр, отмѣчено на ст. Арык Балыкской Кокчетав у, въ Том. г., въ Краснояр. у., въ Иркут. г.).

Въ говорѣ нестарообрядцевъ въ с. Мухоршибиръ—*мн*: гумно. Въ этомъ говорѣ *мн* замѣнило собою прежнее *вн*: дамно. Образованіе *м*—обычнаго затворнаго *м*.

Въ семейщинѣ мн→wн или вм. w неслоговое *у*: wнога. гуwно, гуwна, тиwната. У семейскихъ Мухоршибири отмѣтилъ *мн* съ неполнымъ губнымъ затворомъ въ образованіи *м*: гумно. Тамъ же *мн* вм. *wн*: дамно: ср. *мн* и у «сибиряковъ» того же села.

Въ результатѣ диссимиляціи въ отношеніи работы губъ согласный *м* смѣнился согласнымъ *н* въ двухслоговомъ словѣ •мимо : *нимо*. Въ такомъ видѣ это нарѣчіе свойственно вѣроятно всѣмъ великорусскимъ говорамъ Сибяри. Оно отмѣчено во всѣхъ краяхъ, относительно которыхъ располагаемъ матеріаломъ. Зашло оно и въ говоръ семейскихъ.

дд. Въ артикуляціи *дд* производившейся при одномъ взрывѣ, но при двухъ напорахъ, произошелъ диссимиляціонный процессъ въ отношеніи этихъ напоровъ: при производствѣ перваго изъ нихъ стала опускаться небная занавѣска, открывая для звучащей струи воздуха входъ въ полость носа: *дд*→*нд*. «андай —въ Змѣиногорскѣ, «ондай» «ондам» межлу Ангарой и Илимомъ. У Ровинскаго указано для этихъ послѣднихъ говоровъ и «слѣндомъ», предполагающее предшествующую стадію съ *дд*: «слѣддом»; *дд* появилось здѣсь вслѣдствіе эмфатическаго произношенія конца слога въ этомъ словѣ. —андај - говорятъ и семейскіе (Никольское) при обычномъ—аддат'—.

б/г. *г* смѣнилъ собою *б* въ словѣ «бумага»: гумага, гумажный и др. Эта смѣна произошла подъ вліяніемъ *г* въ «грамота»,—тка».—гумага—, съ начальнымъ *г* передается во всѣхъ извѣстныхъ говорахъ Сибири, и на западѣ и на востокѣ, не исключая Индигирки и Колымы Съ *г*—оно извѣстно и семейщинѣ. Съ *г* зашло оно и къ якутамъ гумагһы.

ст—, см—, зн—, зд—. Въ начальныхъ сочетаніяхъ *ст—, см—, зн—* утраченъ длительный согласный: тупай, мотри, наю—отмѣчены по говорамъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири здрасвуй и драсвуй—въ д. Выдриной Енис. у.

шш → ш: шениш'ка—отмѣчено мною въ с. Харашибиръ Верхнеуд. у. *шш → вш*—указано у Ровинскаго: вшеница.

Конечныя *ст, с'т', хт.*

Въ сочетаніи *ст* въ концѣ слова утрачено конечное зтворное образованіе: *ст → с, с'т' → с'*. Такъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ Сибири, не исключая и акающихъ: въ Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Якутской областяхъ, въ Забайкальѣ. Примѣры имѣются для всѣхъ мѣстностей Сибири, для которыхъ только располагаемъ матеріаломъ.—гос', грус', йис', горс', шерс', шес', ум ес', жис' (вм. жизть—жизнь), чес', молодос', слас', волос', старос', скудос', гвос', покамѣс', покамес, плас, хрес, в'орс, дас, лис, іос, хвос, мос, кус.

Въ говорѣ семейскихъ то же явленіе. Но въ *с'т* или утраченъ *т'* или еще присутствуетъ въ видѣ слабаго образованія для взрыва: жыс'—жыс'', старас' абуjала, jес'—jес'' (est) и др.

Въ конечномъ сочетаніи *хт* также утрачена

взрывная артикуляція: трах (но—на трахту), кантрах. Располагаю наблюденіемъ только надъ говоромъ семейскихъ.

стj+глас Въ этомъ сочетаніи утраченъ взрывной элементъ,—явленіе, параллели которому можно указать и въ другихъ славянскихъ языковыхъ группахъ (о сѣверо-великорусскихъ говорахъ Европы ср. въ главѣ III-ей). Эта утрата произошла фонетически, а не по аналогіи съ родственными формами, оканчивавшимися на *с* вм. *ст*. ус'jо или ус'jӧ, ненасьjо, смѣлосью, косьjовой боли.

ств—. Утраченъ затворный элементъ и въ этомъ сочетаніи: *ств*→*св*. свол, ѣсва, ѣсву, ѣсвы, здрасвуй. начальсво, царсво, царсвѣ, беззаконсво, лѣкарсво... Въ Тобольской г. отмѣчена дальнѣйшая стадія: съ утратой *в* передъ *у*, но зато съ болѣе длительнымъ *с*: здрассуй.

баушка. Въ этомъ словѣ повсюду представлена утрата второго *б* передъ *у*, въ неударенномъ слогѣ. На Анадырѣ—бауска (с. Марково).

с-р. Между согласными *с-р*, *з-р* находится взрывной согласный, *т*, *д*. строк; наняться в строк, в строку жить (отмѣчено въ Тулун. в. Нижнеуд. у., въ Пріангарской д. Кожевниковой отъ поселенца «Скопской губ.» и въ Забайкальѣ). Такъ и въ говорѣ семейскихъ. здря (въ разныхъ мѣстностяхъ). Послѣдовательно проведенъ процессъ образованія затвора (для *т*, *д*) въ колымскомъ говорѣ: с-т-рѣкѣ, с-т-рукой, с-т-радоесь, с-т-рыбѣ, из-д-рук, из д рыбѣ, через-д-рэку, здра (зря) и др. случаи. У семейскихъ также значительна тенденція къ сочетаніямъ *стр*, хотя и не такъ сильна, какъ на Колымѣ: строк, стразу, стру-

гатца. Но послѣ предлога *с* передъ именемъ на *р* неотмѣчено *т*: с рѣчки...

гл,—*гр*—. гля, гли (=для). Такъ, напр., въ Тулун. в., въ д. Выдриной Енис. (гли крѣпости). На Колымѣ: гли тоскѣ моjой. Ровинскій для говоровъ между Ангарой, Илимомъ и верхн. Леной отмѣтилъ *гря*. У него же указано съ *р* и —грядите (глядите), а также —грѣ-то— (гдѣ-то).

Перестановка: *шелеви* (отмѣчено въ Минусин., Канскомъ, Краснояр. у.). *керигія*—въ рукописи XIX в. Ив. Легостаева изъ Тюмени (ркп. «Бесѣдословіе» въ Троицкомъ Селенгинскомъ мон.).

Произносятся «двойные» согласные въ образованіи для нарѣчія «здѣсь», «встъ тутъ»: *эттa*, этто, эттака, этта лежитесь; этта чисто как Мамай воевал. Повсюду по Сибири. *уппасть*, *уппала*—въ Нарымѣ. *нд*←*дд*: слѣндом—между Ангарой и верх. Леной. *разгуллянице*—на Колымѣ. Появленіе въ указанныхъ образованіяхъ «двойныхъ» согласныхъ произошло при различныхъ обстоятельствахъ. Въ однихъ случаяхъ оно зависѣло отъ эмфатическаго произношенія данной части слога: слѣддом, уппала. Отражалось и вліяніе аналогіи: уппал—по сходству съ образованіями, имѣвшими префиксъ, оканчивавшійся согласнымъ, напр. —потпал... *лл* въ колымскомъ «разгуллянице», повидимому, явленіе физіологическое,—образованіе мягкаго плавнаго *л* при «сладкоязычіи». То же представляетъ и сочетаніе «наллевать» при наличности «найевать». Объяснять же *лл* въ «наллевать» аналогіей къ «наллю» (не отмѣчено) воздерживаемся. *эттa*: мѣстоим. э-т-+указат. (мѣстоименная же) частица -та; ср. образованіе для нарѣчія «эвона».

По аналогіи появились согласные глухіе *т*, *ц* передъ гласными: «лоток» по аналогіи съ «лотка», «лошечка» по аналогіи съ «лошка»... (с. Кежма Енис., Иркутская губ., Забайкалье). «собирают листо пату»—въ Тулун. в. Нижнеуд. у.

II. Формы.

Существительныя.

Суффиксъ **-ищче*, для обозначенія мѣста нахожденія, пребыванія. Обильныя образованія съ этимъ суффиксомъ свойственны всѣмъ великорусскимъ говорамъ «старожилаго» населенія Сибири. — юртовищшо, курьёвищшо, ночовищшо огнище (—ищшо?) становит коня на кормовищшо (с. Кежма, Енис. у.). муравищше, гуси на яровишшах, вальбишше (мѣсто въ сторонѣ отъ дороги на снѣгу, гдѣ дѣвушки валяются, загадывая о будущемъ), сорищше (зады; Тулун. в. Нижнеуд. у.). боевище (мѣсто боя), обѣдишше (я на обѣдищѣ кремень забул,—Колыма) садбище (мѣсто, гдѣ садятся гуси, гдѣ водяныя птицы вьютъ гнѣзда), днище (мѣсто, гдѣ дорожные ночуютъ; Камчатка).

Суффиксъ *-уха*: комолуха (комолая корова), барануха (овца), сапуха (лошадь съ тяжелымъ дыханьемъ), козлуха, тянуха (тягучее), свекруха (свекровь), золуха (золовка)—въ разныхъ мѣстностяхъ; кумуха (ругательное слово на Колымѣ).

Частыя образованія съ суф. *-ан*: братан (двоюродный братъ), голован, гулеван, жиган, Петрован и др.

Образованіе съ суф. *-елж-о*: брателко (зятелко).

Имена родства на *-о*: брателко: родимой брателко; батюшко, дѣдушко.

Обобщеніе основы съ гласнымъ *о* вм. *ъ* отъ формъ съ фонетическимъ *ъ*→*о*: не только въ формѣ для именит. «рот , но и для другихъ падежей: роту, из роту или из роту; в роту. лоб, лоба... Прежняго происхожденія *о* (вм. **е*) или вторичнаго, по аналогіи, въ формахъ «л'оду»... Появленію путемъ аналогіи *ро ло л'о* (или удержанію *л'о* въ «л'оду...) благопріятствовала и фонетическая обстановка нахожденіе плавнаго передъ согласнымъ въ начальномъ слогѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ вм. этого сочетанія развилось сочетаніе —гласный+плавный+согл.—, держится это сочетаніе. Сравните сообщенные выше примѣры изъ говора семейскихъ: ат ыл'да, ил'дом, ил'ну, иржы. Сочетаніе же «рожы» напр, не выходитъ. Въ тѣхъ же говорахъ отмѣчено съ гласнымъ *о* формы для «мох»: моху, мохам...

Въ формахъ же, въ которыхъ *ро (ло)* не являются въ начальномъ слогѣ, гласный *о* не только вм. *ъ*, но и вм. *о* можетъ быть опущенъ въ тѣхъ случаяхъ, когда далѣе слѣдовалъ слогъ съ гласнымъ полнаго образованія. «урки» (Том. г.). Отсутствіе въ данномъ случаѣ *о* обязано, разумѣется аналогіи: связи съ рядомъ формъ, въ которыхъ суффиксъ *ок* чередовался съ *к* (вм. праслав. *ък*),—чередовался вслѣдствіе обстоятельствъ фонетическихъ (въ положеніи передъ слогомъ со слабыми *ъ*, *ь*, или передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія). Какъ суффиксъ, стало восприниматься *ок* въ коренномъ—*рок* въ «*урок*»: урок/урки.

Въ с. Казачинскомъ (Енис у.) отмѣчено «назолу»=назло, предполагающее «зола», съ *о* по аналогіи съ формами именит. ед. м. «Мнѣ маладцу на золу дала».

Аналогіи обязано присутствіе глухого согласнаго передъ гласнымъ въ такихъ формахъ, какъ «листопа*т*у», «во*т*очка», «ло*т*очка», кру*ш*ечка» и др. (см. выше) «парусъ лоточный «бичева лоточная» были въ Иркутскѣ въ 1684 г. («Опись»).

Восходящее къ прежнему сочетанію съ тематическимъ *ь* слово *стружс* (отмѣчено на Колымѣ).

Съ конечнымъ согласнымъ *ж* образованіе *сжатерж* (ж. р.)—скатерть (на Колымѣ)

«*вьюнош*»—утратило окончаніе *а* по ассоціаціи съ категоріей именъ муж. р на согласный Отмѣчено въ с. Бердскомъ Барнаул. у.: вьюнош, малаго юноша; въ с. Кежмѣ Енис. у.: вьюнош—богатырь

Образованіе съ сочетаніемъ на ступени **гр* въ словѣ «коро-вод»: короводом ходят. На Колымѣ—корогод—. У семейскихъ—«карагот» (съ аканьемъ и съ *г* фрикативнымъ).

Въ говорѣ Р. Устья на Индигиркѣ нарѣчіе «домой» вернуло прежнее значеніе существительнаго: «уѣхал [в] свой домой».

Форма родит. муж. р. на *-у*. Такія формы часто употребляются въ говорахъ Сибири. *у* находится въ неударенномъ слогѣ; но можетъ имѣть и удареніе. с лабазу (лабаз, на лабазу); уходу нѣту (слѣда нѣтъ), до вѣтру (с. Кежма, Енис. у. да уш ни в кон жыв'ош, а ис кону! до порогу (д. Выдрина Енис.). фарту нѣт (нѣтъ счастія, не везетъ; с. Самарово Тоб. г. и др.). всколыбалось синё-то море как от вихорю (Подкамен. вол. Киренск. у.). от пупу, от родимцу, от кашлю, для смѣху (Тулун. в. Нижнеуд. у.). до верьху, близ доходу, доѣзду (Н. Колымскъ) сып на округ лацихуу (лишая; с. Марково). Въ

с. Марковѣ форма на *у* и послѣ *по*: «вѣк и по вѣку».

Въ говорѣ семейскихъ форма родит. ед. м. почти послѣдовательно оканчивается на —*у*; формы на —*а* встрѣчаются очень рѣдко.—кола дому, з дому, кола гораду, кола леденику, да Бару, да ветру, з банку, наз'му, свер'ху Тугнуjу, ат-суjузу, з Ыркуцка с Урлука, з jашшыка, ат-ыл'да. «От стараго рыму»—въ сборникѣ старца Давыда XVIII в. (рукопись въ б-кѣ Ирк. Д.Сем. XLV. 1797. Объ этомъ сборникѣ въ «Забайкальскихъ старообрядцахъ», стр. 22—23).

Форма родит. для «день»—*дни*: коло Михайлова дни (Тулун. в.) с сиводнишнива дни (с. Кежма Енис.), с того дни (Кокчетав. у. Акмол. обл.) и въ др.

С jагор'jиwа дни, да Питрawа дни»... и у семейскихъ Дат. въ ихъ говорѣ на *у*: дн'у

камен—, *кремен*—: от каменю, среди было кремню (Кирен. у. Непа, Преображ.).

корен «в наволокахъ растет *корен* ревен доброй капытчатой и того *кореня* привезъ онъ Ѳедоръ к Москве опытъ» (въ докум. изъ канцеляріи якутскаго воеводы 1697 г.)

Твор. ед.—*им* подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ: бѣжали этим мори*м* (с. Бердское Барнаульск. у.), если это не отраженіе иканья, хотя другихъ указаній на *и* вм. неудар. *е* въ этомъ говорѣ не имѣется.

Мѣст. ед. м. и ср. [в] городу, [в] пазуху, на леню (на линяньѣ) (Колыма). в сентябрѣ мѣсяцу (Кузнец. у., Том. г.). На -*у* эта форма оканчивается и въ другихъ говорахъ. Бо́льшими свѣдѣніями располагаю о говорѣ семейскихъ. Эта форма оканчивается

на —*у* подъ удареніемъ и на—*е* подъ удареніемъ и внѣ ударенія (е 'ä, а, и): уw адним даму, w каким году, w пл'ану, у пагр'абу, у погриби, у мир'ä (—'а, на стрицкам хронт'ä, у с'але на тем канце, w Ханхалоје, у каким мести, у бр'ухи

батюшко род батюшка, д. к родну батюшку, к чужому батюшку, тв. с родным батюшком.

Именит. множ. муж. и ср. јо (съ *о* задняго или средняго ряда): звѣрьё, набегут борзые кобельё—въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ родит.—'*а*: жардья. конопдё также широко распространено (на Колымѣ —конопйё).

ја или съ неслоговымъ *і* передъ *а*' дубья, ручья течут (Кежма) стаканья, дружья, туясья—туесья полозья, шурья, братья—по говорамъ сѣв.-восточной, восточной и западной Сибири. калтусья камусья (и—камусы, ед. камус), карбасья (ед карбас), озёрья (Колыма, ружья простыя (Р. Устье), волосья и волоса (въ одной и той же мѣстности, напр. въ Р. Устьѣ). На Колымѣ съ такимъ же окончаніемъ передается ф. мн. для «голова»: головья.

—*овја*, —*евја*: кумовья сватовья, братовья, зетевья, мужевья. Но—дядьи (отмѣчено въ с. Бердскомъ, Барнаульск. у.).

ов'а ова. «захребетные татаровя» (1695 г.; въ выписи, данной тобольскимъ ясашнымъ татарамъ), «татарова» (1701 г. изъ поступной к-нъ Тобольск. у.). —*а*, *а*: мѣщана, хресьяна—кресьяна, бояра, пастуха (пастуха свиней пасут; чьи пастуха), ключа кипят, жира, рота (рты), яссыка (ящики; Анадырь) а и для «плечо», «пиво»: на ево плеча скачил; пива хороший отмѣчено въ Енис. г.).

и, ы: кони (повсюду); холопи (въ челобитной служилыхъ людей Селенгинскаго окр., 1700 г.), берегн зелѣзны (въ Енис у.), сыны, робяты, домы и др.

У семейскихъ форма именит. множ. муж. обычно на *ы:* сыны, хрес'јаны, бур'аты, хаз'аивы; на **а**: дама, ваза...; на *'ä* изъ *е* или *'а:* циган'ä. *и:* кони.

Формами множ. для «канапел'» служатъ «канапли» и «канапл'о» Форма именит. мн. для средн. р. при неударенности послѣдняго слога оканчивается на *—ы:* сукны, тил'аты, wокны, дышлы.

Родительн. множ. Въ формѣ для этого падежа широко распространился суф. *—ов.* На *—ов* оканчиваются формы не только съ прежними основами на *ъ* (—у), но и вообще именъ муж. р. и не только муж р, но и средняго; заходитъ *-ов* и въ формы жен. р. сынов, братовьёв, дядьёв, дожжов, десятъ рублёв; межу перстов, господов, товаришшев, жителёв; местов подходячих для овцы (для овецъ) у нас нѣтути (Краснояр у.). коло озеров, селеньев (Тулун. в.), сѣнов. сѣменов, средствов (Томск г.), книгов, птицов, избов, палков, чашков (Кокчет. у, ст. Арык-Балык), вѣкшов (въ Пріангарьѣ, невѣстов-тѣ у нас— хочь пруд пруди (Краснояр. у.), у слугов (низ. Ангары). утѣшат сиротов, пѣвицов; верстов (Колыма). «для больших своих взятковъ»—сообщалось въ 1700 г. отъ иркутскаго воеводы Николева. «многолѣтных здоровьевъ»,—писали въ канцеляріи якутскаго воеводы (1654—60 г.).

Но и «зятевей» (с. Кежма Енис.).

Форма винит.-родит безъ проникновенія *ов:* [по]' колѣн: зарывайся по-колѣн в землю (с Кежма).

обуток, именит. мн. обутки (им. ед. обуток,

род. ед. обутку; въ Якутскѣ для именит. ед. указано «обуть»).

У семейскихъ, какъ и у «сибиряковъ», въ частомъ употребленіи формы для родит. съ окончаніемъ *ов*(ow); дамow, вазow, радитил'ow, свидетелеw, кон'ow, аз'**о**раw, с'анow, 5 телаw, ср'ацтвow, пал'ow (полей). Для именъ на *-ты* (риб'аты, тил'аты...) форма род. мн.: риб'ат, тил'ат... На *—ов* (ow?) въ муж. и ср. оканчивалась ф. род. мн. и въ говорѣ старца Давыда: друг**о**въ, от предотечавъ, святителивъ, гонитиливъ приданіивъ слуг**о**въ, мѣстовъ (сбор. Ирк. Д. Сем. XLV. 1797). Родит мн: *камарej*.

Дательный и творит. множ. Почти повсюду форма дат.-творит. множ. имѣетъ одно окончаніе для 3 родовъ: *—м* Но имѣются говоры и такіе, въ которыхъ объединенія этихъ формъ не произошло. На западѣ къ такимъ говорамъ относится говоръ Барабы, а на востокѣ, въ Забайкальѣ, говоръ с Троицкаго.—*ми* для творит. *—м* для дат. и на сѣв.-востокѣ (на Колымѣ, на Анадырѣ; но въ мѣстоименіи на Колымѣ—*ма* въ дат и творит. мн.). Нѣсколько примѣровъ. —кудрям тряхнул; ало платье со цвѣтам, шаль турецку со кистям. Бог с вам со щам (Курган. у Тоб г.). улочка камушкам кладёна (с. Ужуръ Енис. у) по гостям с пѣсням ходят дѣвки с парням (с. Пановское Енис. у.). правым рученькам хватилися, златым кольцам помѣнялися; сладким пряничкам накармили (с Казачинское Енис). вышиты всяким цвѣтам; с вёдрам; горечим слезам смочила (с. Кежма, Енис.). и рукам и ногам отмахиватца; закована трем обручам (Краснояр. у.). с нянькам, с мамкам; и коням поступились и товаром (низовье Ангары). шагам тѣнь мѣрили; кошка

с котятам, сова с кохтям; шибко глазам маялась (Тулун. в. Нижнеуд. у.). с рукам, ногам (между Ангарой и Илимомъ). с малым дѣточкам (Подкаменская в. Кирен. у.) штанам чаво добудет? (Р. Устье на Индиг.).

Послѣ согласнаго употребляется форма для творит. на —*ми*: забавлялись всяким травам, всяким звѣрьми и ягодам. с дружми (с. Кежма и д. Кежем Заимка Енис.). слезми (Преображ. в. Кирен. у.).

Въ отдѣльныхъ говорахъ встрѣчаются формы на *ми* и послѣ гласнаго, но въ значеніи и твор. и дат. мн. Такъ между Ангарой и Леной: поди к воротами, дай пить курицами; въ киренскомъ у.: со малым дѣтями; ср. и такія формы существ. и прилагат.: по купцам по торговыми (Подкамен. в.). Въ говорѣ пріангарскаго с. В.-Суворова П. Я. Черныхъ отмѣтилъ окончаніе *-ма*: жанама, при обычныхъ формахъ на-*м* (дат. и твор.).

Въ семейщинѣ форма дат. мн. оканчивается на *м*, форма творит. мн. на *-ми*. Только говоръ с Десятникова и въ отношеніи формъ склоненія удалился отъ прочей семейщины: тамъ ф. дат. и тв. мн одинакова, на *-м*: рукам, ногам, дежки с р'аб'атам.

Женскій родъ. Въ разныхъ говорахъ сохраняется форма *мати, дочи*. Томскъ: меня мати родила (изъ современной пѣсни). Киренскій у., Подкам в: у Настасьи мати плачет. Колыма: мати дочи «Прикуй, прикуй меня мати к дѣвичьей кровати». Такъ же и въ обыденной рѣчи. Анадырь (с. Марково,: мати—маци. *матерь, дочерь*—винит.: поведите матерь домой (Р. Устье на Индиг.) шибко на матерь лицом находит (Колыма). Въ тѣхъ же и въ другихъ говорахъ «матерь», «дочерь» служатъ и для именит. Такъ на Ко-

лымѣ, въ Кирен. у. (Преображ. в), на ст. Арак Балыкской, Кокчетав. у. *от матерѣ(е), для дочерѣ(е); митерѣ* —и для дат. (съ *ѣ*, какъ и въ другихъ именахъ жен. на мягкій согл ; ср. ниже): отцу-матерѣ (Колыма, с. Кежма, Енис.), пріѣхал старухѣ матери Р. Устье).

Форма «свекры» не отмѣчена. Вмѣсто нея можно указать образованія: свекруха (въ разныхъ мѣстностяхъ), свекровья (на ст. Арык Балыкской, Кокчет. у.), свекровка (въ Тулун. в., Нижнеуд. у.), свекра, свекровка (Колыма).

бароны и *баргиня* (на ст. Арык Балык), *барыны* (въ Кург., Тюмен.. Сургут. у.у., Тоб г.). *княгины* (въ пѣснѣ на Колымѣ).

Р о д и т. е д. Форма родит. ед. жен во многихъ говорахъ оканчивается на *-е*, преимущественно подъ удареніемъ Это окончаніе встрѣчается не только въ основахъ на *-а*, но и въ основахъ съ прежнимъ тематическимъ *ъ* (изъ краткаго *i). Такіе говоры извѣстны на западѣ и востокѣ. Кокчетав у , ст Арык-Балыкская: из школѣ Бараба: с пече, от земле, от едакой бабе впору завыть Краснояр. у : я нитошто иныи прочіи – своjой бабѣ не боюсь. от тюрмѣ не бесчесье, а бездолье. Колыма: от етой вискѣ поѣзжай право; так от сѣтѣ и не отпущат; из третьей рыбѣ ходим; из пастѣ, от избѣ, у стѣнѣ, с-т-рѣкѣ; с рэлѣ, без путѣ из частѣ, с высотѣ говорѣть, с вонной сторонѣ, до смертѣ, до самой вершинѣ, без меледѣ от матухѣ, из д рыбѣ, до Походской деревнѣ, для дочерѣ. Въ Средне-Колымскѣ въ неударенномъ окончаніи часты *-ѣ, и*. На Индигиркѣ (Р Устье)—*и*: у яги-те баби.

Окончаніе формы род. ед. жен. въ говорѣ семейскихъ различно. Къ распредѣленію окончаній по какимъ-ни-

будь категоріямъ семейщина еще не пришла Употребляется прежнее окончаніе *ы* подъ удар. и внѣ удар. (*и* послѣ *к*, *г*, *х*: са свад'бы с палавины, гары вады, новины, с тої стараны, у св'акрухи, кwас с муки. — *и* послѣ мягкихъ согл.: сера с листвини, кола бани, ат з'амли. Употребляется и окончаніе *ъ* (*е* подъ удар. 'а, 'а внѣ удар.), — но употребляется не въ формахъ съ прежнимъ мягкимъ согласнымъ въ основахъ на—*а*, а съ твердымъ согл: ат тэј ст'ане, да самај гр'аде. 25 пудоw муке (Ник.), кола Н'аве, ат с астре, кола нзбе Н Заг.), нижа гаре (Кун.), са старане (Хар.), с р'аке (Тарб.) Ударенное *е* распространилось и на прежнія основы на —ь: с валасте, да валасте (Н. Заг., Хар.), с тэј паде Хар.).—с Паск'а, с палавин'а, дарог'а (—'а, с суботʻа (—а), з зим'а. «Съ какихъ поръ»? —из'-зимы Мухорш.). Въ сборникѣ старца Давыда: отъ злои жене.

Дат.—мѣстн. ед. жен. р. Въ именахъ жен. р. прежнее окончаніе *и* въ давнихъ основахъ на -ь (изъ кратк. *ĭ вытѣснено ударенным гласнымъ *ѣ* (*е*). Такъ повсюду въ великорусскихъ говорахъ Сибири. —в степѣ, въ грезѣ, к дверѣ, по светой Русѣ, к ночѣ в шерстѣ, в пылѣ, к мышѣ, на цѣпѣ, в сѣтѣ, по кутѣ, по пролубѣ, на грудѣ, по путѣ (ваша путь), на лошадѣ, к волостѣ, в паметѣ, по Обѣ, Томѣ, об радостѣ, на присталѣ и др. Также и—в кровѣ. Такъ и на западѣ, и на востокѣ, и сѣв.-востокѣ Сибири.

По говорамъ *ѣ* (*е*) находится и въ неударенномъ окончаніи: в затишѣ, на быстерѣ, на заводѣ Колыма), колыбелѣ (с. Кежма, Енис.). Изъ документовъ: идетъ к Русе (1642, изъ тамож. избы Ленскаго острогу; а сколько въ тоѣ варе вышло хлѣба і хмѣлю (1654—60,

изъ канцел. якут. воеводы); къ пролубе водили (1691—92, изъ челобитной бирюльскаго приказчика якутскому воеводѣ; в бирюльской волосте 1690 гг., изъ канцел. якут. воеводы); пришли к ноче (оттуда же).

Въ говорѣ семейскихъ форма дат. мѣстн. ед. жен. имѣетъ окончанія *ы* (*и* послѣ *к, г, х*) подъ удар. и внѣ ударенія, *и* внѣ ударенія не только въ прежнихъ основахъ съ мягкимъ согласнымъ но и съ твердымъ; *ѣ* подъ удареніемъ (*е*) и внѣ ударенія (ʼа, ʼä, е). Не можемъ сказать съ увѣренностью, то же ли окончаніе отражается въ неударенномъ *и*. к с астры, по какоj-небутʻ цаны. даj сираты, на чужэj стараны, у нужды и горʻу, у Бичуры, об малатʻбы думал на службы (Ник.)—на служби (Тарб.). дал Грахфины Карпухинаj, у wуправы (Хар.), тʻошшы, к мел ницы w церкви, к жане, w з амле, на тэj старане, на паскʻа (—ʼä)—на паски, на нʻаделʻа (ʼä, на жопʼä, на литowке, w дʻарewнеi. Изъ сбор старца Давыда: въ рѣки, земли, ко своей поганыи вѣри, ко своей вѣры, въ молитви исусовый; въ водѣ Употребляется ударенное окончаніе *е* въ основахъ съ прежнимъ тематическимъ гласнымъ *ъ*: на степе, у валасте, путе, на паде w грезе, w груде, на Брʻане, у часте жыв отʻ; ср и нарѣчіе—назаде. Не перевелись въ семейщинѣ и прежнія, традиціонныя формы на *-и*: к воласти, у воласти, на степи или – по степи Возможно полагать, что съ окончаніемъ е указанныя формы на степе...) вошли въ семейщину подъ воздѣйствіемъ говоровъ «сибиряковъ». Впрочемъ, не лишено возможности и иное положеніе: формы съ окончаніемъ е при формахъ со старымъ окончаніемъ (и) появились въ рѣчи предковъ семейскихъ еще до поселенія ихъ въ Сибири. Въ

языковомъ отношеніи забайкальскіе старообрядцы находятся въ ближайшемъ отношеніи къ старообрядцамъ Подонья и Добруджи; а въ рѣчи тѣхъ и другихъ имѣются формы на **е**: на степе («Забайкал. старообр.», 67—68).

Существительныя съ числительн. —*двои, трои* употребляются въ формѣ именит. множ. ч. Напр.: трои сутки, трои ноги (с Кежма); думат о ей сутки, двои, трои сутки (с. Бердское Барнаул.); сани двои или трои (Тулун. в.); двое [-и?] ламутки, двое бродни, двое дѣдушки, двое братья (Колыма). «двои серги лапчетые» (1688 г. челоб. нерчин. вдовы Вѣрицы; «двои рукавицы собольи» (1642 г., изъ тамож. избы Ленскаго острогу); «двои штаны пестрые» (1692 г., изъ канцел. якут. воеводы). Въ 1684 г. острожная стѣна Иркуцкаго города имѣла «двои вороты», а межъ 2 воеводскими горницами были «двои сѣни» (Опись 1684 г.). Въ 1697 г. Иркуцкій сынъ боярскій Иванъ М. сынъ Перфирьевъ принялъ Иркуцкой рубленый городъ и между прочимъ на рѣчкѣ Каѣ анбаръ, а «въ немъ двои жерновы» (Опись 1697 г.).

Встрѣчается форма именит. множ. и въ сочетаніи съ *три, два*: три-нни (3 дня; въ Пріангарьѣ); не два ясные соколы вылётали; выѣзжали два удалы добры молодцы (въ пѣснѣ изъ Подкам. в. Кирен. у.). «по два рубли» (1703 г, изъ Усть Киренска).

Въ сочетаніи съ два» «раз» остается безъ измѣненія. «два раз[с]» (въ Тобольск г.), два йаз Колыма). Гдѣ-то въ Томской губ. говорятъ также «два раз» и «три раз» («Р. Ф. В.» 1914, № 1). «рас, а то и два рас» и въ говорѣ семейскихъ. Въ прочихъ случаяхъ семейщина въ сочетаніи съ «два» имѣетъ

форму имени муж. р. съ окончаніемъ *a*: дwа wоза Въ сборн старца Давыда: рога два, но—два годы споловинную

Прилагательныя.

На образованіи формы прилагат. именит. ед. муж. отразилось дѣйствіе аналогіи въ этой формѣ передъ окончаніемъ находится j (или неслоговое i) или болѣе длительнаго образованія мягкій согласный,—находится по аналогіи съ прочими формами Такъ въ разныхъ говорахъ Сибири, включая и говоры сѣв.-востока (Р. Устье): оленьёй мох, третьёй или третей—третте'й.

Съ другой стороны, формы жен. и сред. р приняли еще второе окончаніе (ja): третьяя (с. Самарово, Тоб. г.), масо коровьее (Колыма).

Въ образованіяхъ формъ прилагательныхъ отмѣтимъ и слѣдующее явленіе, общее для всѣхъ говоровъ Сибири. Въ рядѣ формъ прилагат., производныхъ отъ именъ существ. и нарѣчій, представленъ твердый согласный передъ окончаніемъ.—поздой, поздой сѣв (поздній сѣвъ), паска позда и др. осенной, осеннова Егорія...; зимной, Микола зимной..; лѣтной, нижной, кажной, завтрашной, здѣшной, лишной, лишны краски, то[а]перешной, по-то[а]перешному, нынѣшной. «лишные ево сѣнные покосы» (Якут. докум. 1666 г.); іные сторонные якуты (якут докум. 1671 ; в прежные годы (оттуда же 1691 г., против прежной иркутской памяти) 1698 г., изъ канцел. иркут. воевоеы, в нынѣшномъ году (1691—92 г., челобитная бирюльскаго приказчика).

Съ твердымъ согласнымъ въ основахъ эти обра-

зованія прилаг. встрѣчаются и въ говорѣ семейскихъ: познáj, -аja, здешнъj, асеннъj, переднаja, прежнаja.

лъшие промыслы не удавались (1671 г., изъ канцел. якут. воеводы).

На то, что въ говорахъ «старожилаго» населенія представлена утрата неслогового *і* между гласными въ окончаніи формъ прилагательныхъ, указано было выше. Тамъ же замѣчено было что въ формахъ съ окончаніями *а* для именит. жен. р., *-о* для именит. средн. р., *-ы*, *-и* для именит. множ. могутъ находиться и прежнія формы именныя.

О семейщинѣ см. тамъ-же.

Форма мѣстн. единств. муж. и средн р. имѣетъ окончаніе *-ыл*, *-ил*. Такъ во всѣхъ великорусскихъ говорахъ Сибири. —в новым дому, на частым кусту, на свекровым, на тестевым дворѣ, на сухим мѣстѣ, в синим, пригожим. Въ документахъ XVII в. встрѣчается и именное окончаніе —*е*: въ сочетаніи: на гостине дворе (1697 г., изъ канцел. якут. воеводы. Такъ и въ документахъ, писанныхъ въ Москвѣ)

—*ил* и въ формѣ мѣстн. для названія городовъ, селъ на —*ск*: в Томским, в Ыркуцким, в Канским, в Удинским и т. под.

Въ документахъ XVII-го и нач. XVIII-го в. въ этихъ послѣднихъ случаяхъ употреблялись иныя окончанія: именное —*у* и мѣстоименно-прилаг. —*ом* «судомъ и расправою вѣдомы были в Ыльинску і в Кабанску (1700 г., челобитная служилыхъ людей Ильин. и Кабан остроговъ Селенгин. окр.) «в Ыркуцку» (1700 г, въ памяти отъ воеводы Иркуцкаго Николева); «в ыркуцкомъ прежней воевода Аѳанасей Савеловъ.. верставъ многихъ людей въ дѣти боярские.

Да и в нерчинску дѣі въ якуцкомъ, в ылимскомъ і въ енисѣйску явилось по имяннымъ окладнымъ книгамъ такое же верстанье» (1700 г. отъ иркут. воеводы Николева). «в Ыркуцкомъ» (1684 г., челоб церковнаго старосты иркут. Спасской церкви Ѳ. Дорофеева; 1692 г. въ донесеніи бирюльскаго приказчика, и др. Форма именит. и винит. передавалась съ окончаніемъ *—ой*: селенгинскій казакъ Сенка Краснояръ ѣздилъ въ Иркуцкой бить челомъ. Они по Иркуцкой зимою будутъ.. (Дѣло о бунтѣ противъ иркут воеводы въ 1696 г.). Употреблялись еще тогда и сложныя сочетанія, въ которыхъ «Иркуцкой», «Якуцкой», и др. были въ соединеніи съ «город», «острог» и т. п Такъ, въ 1691 г баргузинскіе казаки бьютъ челомъ «в Ыркуцкой городъ». И въ современныхъ говорахъ употребляется форма им. ед. на —oj: Иркуцкой и др. (Отмѣчено въ Иркут. г.).

Въ говорѣ семейскихъ также *—им, —им*: у земским, на Игнатывым, на прастым, у нонишним, в Ыркуцким, Микол'ским, П'атрошским.. То же окончаніе было и въ говорѣ старца Давыда:—вовторымъ мѣсте, на кислымъ хлѣбѣ; и въ мѣстоим.: на которымъ, во отпаденіи своимъ...

По отношенію къ окончанію формы род.—дат.—мѣстн. ед. женск. р. опредѣленными указаніями не располагаемъ. Въ матеріалахъ оно передается обычно, посредствомъ *—ой*. «для хлѣбные скудости» (1698 г., изъ канцел. иркут. воеводы) и др. Въ семейщинѣ подъ удареніемъ представлено окончаніе —ej послѣ *твердаго* согласнаго:—у бал'шэj цэркви, на чужэj страны, худэj...

Формы дат. и твор. мн. имѣютъ тѣ же оконча-

нія, какія въ данномъ говорѣ употребляются для именъ существ или для мѣстоименій (см выше).. со старымя горями; с большимя палками, за добрымя людями, золотымя крестами—для говора станицы Арыкъ-Балыкской Кокчет. у., представляющаго въ въ формахъ существительныхъ прежнія окончанія твор. и дат. множ.

Встрѣчаются формы и съ окончаніемъ мѣстоименныхъ формъ, которымъ распространена основа соотвѣтствующей формы прилагательнаго. —сто во медѣ сохайныем (Колыма); со громом-то со гремучіим, со дождем-то со ливучіим (Преображ. вол. Кирен. у. . Но эти примѣры встрѣтились только въ языкѣ пѣсенъ.

Слѣды вліянія именныхъ формъ: золотми ключми побракуват (Колыма); горючьми слезми (Преображ. в., обычно ф. твор. мн. на —*ми* . И это примѣры изъ пѣсенъ.

Сравнительная степень. Формы сравнит. степени въ большинствѣ говоровъ отмѣчены съ окончаніемъ —*е* (въ передачѣ *ъ*.) Въ другихъ говорахъ она представлена на *а*, (‘*а*) не только послѣ шипящихъ, но и послѣ другихъ согласныхъ; въ третьихъ распространена окончаніемъ *е*: ‘а-е —холоднѣ, ранѣ, болѣ, далѣ, старѣ скорѣ, проворнѣ, сладковатѣ, побашше (баской). Такъ во многихъ говорахъ Сибири на западѣ и на востокѣ. —ловча, поскоря, добря, тепля, свѣтля; подавал сашку хитреня и мудреня той, подавал сумку хитреня и мудреня той же» (Курган. у. Тоб. г.; с. Бердское Барнаульск. у.) «скоря» отмѣчена въ качествѣ характерной черты русскаго языка въ Сибири («Сынъ Отеч.» V, 282). —веселяе (по говорамъ

Барнаульск., Кузнец., Томскаго у.у., но не указано, въ какихъ именно мѣстностяхъ).

Въ акающихъ говорахъ Барабы формы сравнит степени имѣютъ не одинаковое окончаніе: бѣлѣ, милѣ, краснѣ, мени, стари; скоряя,-яй скоря, тепля, добря.

Въ Якутскѣ и на Колымѣ отмѣчено «ближѣе».

Во многихъ говорахъ Сибири (отмѣчено въ Тоб., Енис, Иркут. г.г.) сравнительная степень (нарѣчія) передается также посредствомъ приставки *во*— (подъ удареніемъ): во-мало, во много, во-тѣсно.

Родъ.

Въ отношеніи категоріи грамматическаго рода отмѣтимъ слѣдующее:—путь—ж р. моя путь, ваша путь, по путѣ. гусь—ж. р, пень—ж р., мочь, мочью ж. р. (моча, мочею; Колыма). говора (рѣчь, говоренье): бабью говору сю не переслухать; походска говора (Колыма). проступка (проступокъ): никакая проступка за мной нѣту (Колыма). насморка (Краснояр. у. Колыма). заработка была (заработокъ былъ; ст. Маккавѣево ок. Читы; сообщеніе П. Я. Черныхъ). ужна, ужина (въ разныхъ мѣстностяхъ). видал чуду (с. Кежма, Енис. у.). блюдечка, под блюдечку.—кладут (въ с. Преображенскомъ Киренскаго у.), коровье кало (с. Бѣльское, Енис. у.). весилось большо колоколо, семитышешно (д. Павловшина Краснояр. у.). дерно (Краснояр у.) печень—м. р.—пазух—м. р. (Колыма). яблок (яблоко картофель; въ разныхъ мѣстностяхъ)

Въ семейщинѣ форма мѣстоименія, относящагося къ имени средн. р., употребляется иногда въ муж. р.:

јетат пис'мо, 'адин пис'мо, другој пис'мо (въ рѣчи бабъ; Н. Заг.); адин сушыла прадали (Хараузъ).

Аканьемъ вызвана въ говорѣ станицы Арык Балыкской Кокчет у. замѣна формъ средняго рода формами женскаго: подай блюдцу, всю лѣту была больна, адѣла красну платью. О томъ же сообщено мнѣ и по отношенію къ говору большого Барнаульскаго села Ребрихи.

Мѣстоименія.

Личныя мѣстоименія. Форма родит.-винит. ед. повсюду оканчивается на *'a*: меня (миня), тибя, сибя; «стромишъ ты самосебя», — въ запискахъ иркутянина 1864 г.

По говорамъ форма дат. 1 л. ед. съ гласнымъ послѣ *м*, какъ въ ф. для 2 л.: минѣ (Колыма, Анад.).

Въ формѣ дательн. для 2 л. и возвратн. нѣкоторые говоры представляютъ *о* послѣ *т* и *с*: тобѣ (д. Выдрина Енис.), увезли бабу собѣ-ка (Р. Устье). Съ гласнымъ *о* передана и форма для родит. въ докум. XVII в.: с собя (1649—50 г., изъ канцел. якут. воеводы) [1].

Для какого-то говора Томск. г. (Кузнецк. у.? какой мѣстности?) указано: «у тибѣ остеклѣли глаза» («Р. Ф. В.» 1914, № 1).

Для родит.-винит. употребляется и форма *т'а*: у тя кони; лѣшій что ля тя поднял (Минус., Канскій

---

[1]) Неизвѣстно, что принадлежитъ говору арык-балыкскихъ «старожиловъ» а что новымъ переселенцамъ: у мене, он любит мене, у тобе, тејо тея, у тея, те, у те на те, сабе, минѣ, менѣ, тобѣ табѣ тоби соби, сабѣ [!]. Сбор. Отд. р.-яз. и слов. Ак. Н. т. 87, 243.

окр.; Краснояр. у.). Для дат.—*те*: спасибо те (Колыма).

Во множеств. ч. дат. и творит. *нам, вам*. хто-то над нам изгалятца. с нам, с вам. По говорамъ при формахъ *нам, вам* употребляются формы и съ конечнымъ гласнымъ *а* или *и*. *нама, вама* (Бараба), *нами, вами* (Тоб. г.). На Колымѣ формы личныхъ мѣстоименій начинаются гласнымъ *а*, повидимому союзнаго происхожденія: а-мы (мы): таку[ю] рыбу а мы не ѣдим; а-ты (ты : мольчи а-ты!

Въ семейщинѣ форма родит.-винит. личныхъ мѣстоименій оканчивается на —*е*: мине, тибе, сибе. Только тарбагатайцы въ числѣ прочихъ заимствованій отъ своихъ сосѣдей «сибиряковъ» взяли и формы этого мѣстоименія на ‘а: мин‘а, тиб‘а, сиб‘а. Въ Хараузѣ бесѣдовалъ съ однимъ грамотеемъ, который путался въ употребленіи «сибе и сиб‘а»: не только—дли сиб‘а—, но и—при сиб‘а—. Формы на *е* отражаются и въ сборн. старца Давыда: называли себѣ, оу себѣ... Форма дат.: мине, тибе, сибе. Такъ и въ Тарбагатаѣ. То же и въ—галасит‘ аб мине—(Мухорш.) и др. Смѣшеніе формъ дат. и творит. во множ. отсутствуетъ. Только одинъ разъ отмѣтилъ въ обращеніи ко мнѣ мужиковъ въ Н. Заганѣ:—с нам пасидит‘а!

Другія мѣстоименія. *он*; *јон* (на ст. Арык-Балыкской Кокчет. у., въ Змѣиногорскѣ, въ Пріангарьѣ, въ Красноярскомъ у., хотя для послѣдней области обычно указывается *он*).

ево—иво, *јово*. *јејо*. *јејо*—для винит. и родит.: от ей, накинул на ејо крест; из ејо; ејо дѣти. Такъ по гово, рамъ на западѣ и востокѣ. Но—у ей—, при—от ејо—въ с. Бердскомъ Барнауль. у.—ѣјо—на низовьѣ Ангары. іи, ји—на Колымѣ: іи переспориш іи на то-

доспѣли, попайам йи сойвайа; суженой іи, из іи мяса; іи чорны брови; у ніи.

Въ говорѣ ст Арык-Балыкской Кокчет. у. указаны «у её у ей» а также «яю» Но не замѣчено, въ говорѣ ли тамошнихъ казаковъ употребляется эта форма или у позднѣйшихъ переселенцевъ

јому

јом — творит. с ём, за ём (д. Выдрина Енис., с. Бердское Барнауль. у.; на ст. Маккавѣево ок. Читы тв *ем*, не *'ом* по сообщ. П. Я. Черныхъ):—с нем ходила—, какъ и съ—аднем—. *им*, с им (с. Бердское и с ём).

ей и јой—творит. и мѣстн. ж.

јом, *им* — мѣстн. м. Въ одномъ и томъ же говорѣ указаны та и другая формы: в јом, в им, об јом (напр., на югѣ Томск. окр.) на јим (напр. въ Селенгинскомъ с. Троицкомъ).

оно — именит. множ., безъ различія категоріи рода. —«оне казаки были голодны» (1682 г, изъ канцеляріи якут воеводы); «ходили оне Никита съ товарищи».. дошли де оне» (1697 г. оттуда же) и др.

имя; за имя, налили имя, к имя Такъ повсюду по Сибири (и въ говорѣ г. Иркутска. «до рыбныя ловли имя дѣла нѣтъ» (1701 г.. поступная кр-нъ Тоболь. у.). По говорамъ находится гласный *е* въ основѣ емя при имя» (д. Выдрина, Енис., въ говорахъ Минусин. и Канскаго окр.. Иногда форма на *-мя* распространена элементомъ для дательнаго пад. множ., окончаніемъ *м*: емям расказываш (д. Выдрина)

Въ Р Устьѣ, на Колымѣ и въ с Марковѣ эта форма оканчивается на *-ма*: с има, за [н]има Для колымско-анадырскихъ говоровъ можно полагать отвер-

деніе *м'*, какъ и въ другихъ сочетаніяхъ. Но въ говорѣ Р. Устья *—ма* можетъ представлять явленіе давнее, морфическое.

У семейскихъ форма для именит. муж. въ двоякомъ видѣ: wон и јон. Болѣе частое wон смѣняетъ собою, по всей вѣроятности, јон: послѣднее слышалъ отъ бабъ и стариковъ. Жен. р. ана. Род вин. јаwо, јајо (и — ијо); въ Куналеѣ отмѣтилъ и —ије: ије нинајд'ош. Дат. јаму, јеј. Тв. и мѣстн. јом, за јом, с јом, у јом; только въ Никольскомъ при —за јом и др. отмѣтилъ и —с јим. Ж. р. јеј. Именит множ. аны и ане, —аны— въ говорѣ лицъ, менѣе подвергшихся вліянію со стороны. Въ говорѣ одной пожилой женщины въ Ник., которая обычно говорила *аны*, отмѣтилъ эту форму съ *е*, но съ *н твердымъ*. За то, что семейщинѣ раньше было свойственно *аны*, могутъ сказать и ихъ близкіе сородичи въ румынской Добруджѣ, въ Тульчинскомъ округѣ, гдѣ также эта форма имѣетъ видъ *аны*. Различіе категоріи рода не отражается въ формѣ *аны*. *аны* говорилъ и старецъ Давыдъ. Форма дат. одинакова съ твор: *им'а*, за и'ма, с им'а.

Какъ общее явленіе всѣхъ великорусскихъ говоровъ Сибири, отмѣтимъ отсутствіе согласнаго *н* въ формахъ мѣстоименія је—: на јом, с јим, за јим'а. Изрѣдка употребляются и сочетанія съ *н*—. Отсутствуетъ *н* въ формахъ этого мѣстоименія послѣ предлоговъ и въ говорѣ семейскихъ, что не составляетъ заимствованія отъ говора «сибиряковъ»: и южно-великорусскіе говоры представляютъ такія же сочетанія, безъ *н*—.

тоё—вин ж. (напр., въ с. Бердскомъ); купил таё-

книгу (въ Том г., не отмѣчено, гдѣ именно); тоё ту (Якутскъ; в тыё пору (ст Арык-Балык). Изъ документовъ: «тое коробью» (1688 г., челоб. нерчинской вдовы Вѣрицы); тое дачю 1698 г., изъ канцел. ирк. воеводы); тоё новую придачю (1700 г, челоб. селенг. пятидесятника Левки Чюжанина; на тое ево пашню (1682 г. изъ якут. канцел.) и др Родит—тое, тоѣ: попъ тое Бирильской волости (1692 г., отъ бириль ск приказчика); а тоѣ у него Демъки мяхкой рухляди на 258 рублевъ (1642 г., изъ тамож. Ленск острога; съ тое полудесятины (1699 г, изъ канцел. якут. воеводы). Мѣстн: а сколько въ тоѣ варе вышло хлѣба (1654—60 г., оттуда же). в *тѣм*-то мѣстѣ (с Бердское); на тѣм краю (ст. Арык-Балык.).

тѣмя — дат., твор. По говорамъ—темям.—к тѣмям горам: налили тѣмям (Краснояр. у.); по тѣмям мѣстам Подкам. в. Кирен у.)

об *етим* в *этим* (д. Выдрина Енис., с. Кежма Енис., с. Богучаны Енис., ю. ч. Томск. окр., южное Забайкалье и, вѣроятно, другія мѣстности), в ефтим саду (с. Бердское Барнаул.) вевтимъ векѣ (въ зап. иркутянина 1864 г.). в эвтом, с эстим (Якутскъ)

«как с по *этими* лужочкам» (Преображ. в., Кирен у). «с *этима* людми» (Р. Устье). над *этыми* оленями (Колыма).

У семейскихъ. *тој* тотъ. Такъ и въ сборн. старца Давыда. Твор и мѣстн имѣютъ одну форму: *тым;* при такой формѣ существуетъ для мѣстн. и форма съ *е* послѣ твердаго или мягкаго *т*: у тэм писме Н. Заг., у тем мести (Тарб.), на тем канце (Мухорш). Жен ед. *тој*а. Сред. ед. *тој*а (тоја места...). Вин. ед. ж. *тујџ*: на тују улицу, и—на туја сторону

(Н. Заг.), и—на туj (Хонх.). Род.-дат.-мѣстн. ж. *тэj*: ат-тэj, на тэj, па тэj, у тэj улицы у бал'шэj —Ср. тотъ же гласный подъ удареніемъ въ соотвѣтствующихъ формахъ прилагат. Въ Хонхолоѣ и Мухоршибири при указанныхъ формахъ отмѣчено и съ гласнымъ *о*: с тоj стараны, на тоj улицы. Именит. множ. *тыи*. Въ Н. Заганѣ при *тыи* употребляется и форма съ гласнымъ *е*; *т* является твердымъ или мягкимъ: тэи, теи (одни и тѣ же лица). Род.-мѣстн. *тых*. и *тэх* Тамъ же и - *до сех пор*. Дат. *тым*. Тв. *тыми* Такое же образованіе въ рядѣ формъ представляетъ и мѣстоименіе «этотъ». Именит. ед. *jетат*, *этъj* (Н. Заг.), этоj (? Ник.), jета. Тв. за этэм, jетэм (Н. Заг.). wот тетым камн'ам чикну! (Хар.) Форма мѣстн. въ Тарбагатаѣ такая же, какъ у «сибиряковъ»: w етим. Въ Хонхолоѣ: w jетам даму. Множ.—jеты, jетыи Род.-мѣстн.—jетых.

чо (*ч о*) =что, чего. *ничо*, завернуть не - в-чо: с им ничо не говорят. нечо (нечего). чо то ся что-то). *ч'ово*.—Повсюду по Сибири. (Съ замѣной по говорамъ *ц* посредствомъ *ц'*). что-не-что (что то; въ юж Забайкальѣ)

чим—твор. (напр., въ д. Н Сосѣдово Барнаульск. у.). «построить не чим» (1684 г., въ завѣщ. селенг. казака Вавилы Григорьева.

ни та, ни *ся* (ни то, ни се), тѣм да сѣм, ни в тѣх, ни в сѣх (ни туда, ни сюда; Колыма). я за тѣм-за сѣм призамѣшкался (с Непа Кирен. у.); до *сях* мѣст (въ Пріангарьѣ, Усть-Уда. У семейскихъ: до *сех* пор.

хто. На Колымѣ эта форма имѣетъ начальный гласный *о-*: о-хто; то-о-хто (это что?), охто-то.

Охто-то принес, а кова разглядѣть не мож[ш]но.

ково. На Колымѣ род.-вин. на *-а*: кова.

хто, ково употребляются во многихъ говорахъ и въ значеніи «что», «чего»: нихто нѣту и дасти неково (ничего нѣтъ и дать нечего; Колыма); охто-то принес, а кова—разглядѣть не можно (тамъ же; ково вы тут дѣлаете? (Тоб. г.); кого буду исть? (въ Том. г.: «Р. Ф. В.» 1914, № 1). То же явленіе и въ говорѣ семейскихъ: kawo зделаиш? д'адин'ка, kawo н'ас'ош? kawo работат'? kawo w мине јес'. won н'а знаит' kawo мы јадим.

об *кѣмі* (Бараба, с. Бердское) *в каким. в таким.*

По говорамъ Сибири употребляются мѣстоименія *некто (нехто), некакой.. нечево..* въ значеніи «никто», «никакой», «ничего».

мојова, твојова, својова. Въ Якутскѣ указаны съ *-во*: својово твојово. Извѣстны и формы—свово, твово, мово (въ с. Кежма при—својова..), об своим. в нашим. от својой; из мојой; својой жонѣ, на мојой рукѣ...; со својой... над своим бабам, своим слезам умыватца; со своимя зятевьям (послѣдніе примѣры ф.ф. твор. мн., изъ говора с. Кежмы); мојой својой, *мой-свой* (мой собственный); это мои-свои обутки (Колыма).

У семейскихъ мајеј. Употребляются и формы съ **о**: мајој, свајој, мајова (Н. Заг.), mawo братана (Ник.), свawo (Н. Заг.), брату сваму, па-твому (по-твоему; Н. Заг.). w сваим агароди (Н. Заг.).

ихой, иха, ихо—въ разныхъ мѣстностяхъ (и на Колымѣ). иху силу изрубил (Р. Устье). *ихню* мать (с. Бердское), ихна (Тулун. в.).

У семейскихъ: ихнъј,—аја, или -ихъј, -аја; въ жен. р. и -иха; иха *жыс'*.

евойный (напр. въ ю. Забайкальѣ), евоный (въ Том. г.). йойный (на ст. Арык-Балыкской)

с оногдышных пор (съ вчерашняго или ближайшаго дня. Якутскъ).

другей (ст. Арык Балык.), другой. Но въ XVII мъ в. передавали съ именнымъ окончаніемъ: «у други ево жены» (1671 г., изъ канцел. якут воеводы)

У семейскихъ: другэj (Ник., Хонх.), w другим (Н. Заг.)

энту *всеё* (с. Кежма). всеё (ст. Арык Балык; въ Томск г.). *всюе* съѣс (Тулун. в.). по всёй. Дат.-тв. мн. всѣмя (повсюду).

всячина: э, паря со мной всячина бывала (у казаковъ на Амурѣ) всячина (на Колымѣ).

обѣ и *обои* обѣх обѣм, обѣмя. Вм. *е* (ѣ) по говорамъ употребляется *о* (обоих... при—обѣх въ Барабѣ) Для винит отмѣчено —обѣх— и обѣ—: (въ южной ч. Томск г.).

одиуё дѣвку (Преображ. в. Кирен. у.) одноё (д. Выдрина Енис., въ Томск. г., на ст. Арык-Балык., Кокчет.; здѣсь для именит. указано: адная, —но въ чьемъ говорѣ?). *одиъм*—тв. и мѣстн.: однѣм крылом махнул; на однѣм окнѣ. Въ мѣстн и съ оконч. *-ом*: в одним (ст. Арык.-Балык. *-ым*: на одным (въ Томск. г., Кузнец. у). Во множ.: однѣ. однѣх, —м.

У семейскихъ: адно пол'а аднэj—род дат.-мѣстн. ж. ниднэj кражы. w аднем w адним. адны, адных.

два, двои въ колымскихъ зап. Богораза—двое), *двоих* и *двох*; двоим и двоем; двоими и двоемя (Бараба. двемя (въ Забайк). с двум ногам въ Том. г., въ Кузнец. у.?), двама и двума (на ст. Арык-Балык.).

Въ документахъ, писанныхъ въ Сибири въ

XVII в., находится для родит.-мѣстн. старая форма: *дву*: «безъ дву алтынъ» (1684, завѣщ. селенг. казака Вавилы Григорьева); в дву бадьях (1654—60, изъ канцел. якут. воеводы); на дву Таловыхъ [островахъ] (1666 г. оттуда же).

три, *трои* (трое—въ колымскихъ зап. Богораза); закована трем обручам (Краснояр. у.), трюмя (ст. Арык Балык.), тромя, троих (Р. Устье); троема замками заперто; со трема кольцы серебраными (послѣднее изъ пѣсни; Колыма).

пять, пятих, пятим, о пятих (Колыма). за *шестыми* (за шестью; с. Бердское). дѣд *семи* шубам одѣт (Енис. у.).

одинадцати разбойникам, с двѣнадцатими поросятами (с Бердское и въ другихъ мѣстн.). «дванадцати десятинъ» (1683 г., изъ канцел. якут. воеводы), «въ двунадцати рублехъ» (1654 г.) завѣщ. селенг. казака Вавилы Григовьева), «въ двенадцати рублехъ (тамъ же, но другой почеркъ).

один двадцать, два двадцать... (зап. ч. Тобольской г.). по сороки рыб. (Колыма). «да во сто девятдесятомъ осмомъ донять двадцать рублевъ да во стѣ девятдесять девятомъ шестдесятъ рублевъ» (1699 г., изъ канцел. якут. воеводы).

Предлогъ повторяется передъ составными частями числительнаго.—на двадцать на пять, за три ста рубля... (въ Томск. г. и по другимъ говорамъ). «то все я Онисимъ приложилъ за двѣсти за двадцать за пять рублевъ» (1699 г., изъ канц. якут. воеводы).

Членныя формы.

Во всѣхъ великорусскихъ говорахъ Сибири въ большей или меньшей степени употребительны член-

ныя формы именъ и мѣстоименій. «Очень распространено въ говорѣ Тобольскихъ старожиловъ употребление при существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ указательныхъ частицъ: отъ, то, та, ту, те. Напр.: мужик-отъ пришелъ, сам-отъ не упади, вороной отъ жеребецъ потерялся, съ худымъ-то не связывайся; собака-та лаетъ; загони корову-ту; крешшены те молотятъ; хлѣба та нынче проворны родились; окно-то запри» [1]. То же самое указано для говоровъ Краснояр. у. Указана даже аналогія съ болгарскими членными формами. «Это не есть общеупотребительная въ русскомъ языкѣ частица *то*, а именно опредѣленный членъ, въ какомъ видѣ онъ намѣчается въ нарѣчіяхъ сѣверно русскихъ и имѣетъ всѣ права гражданства въ современномъ болгарскомъ языкѣ, гдѣ онъ имѣетъ такое написаніе: **тъ, та, то** [2]). жених от, невѣста-та окно то, сапоги-те, коровыте. дѣла-та, бревна-та То же самое наблюдается въ матеріалахъ относящихся къ другимъ мѣстностямъ Сибири. Если нечленная форма именит. муж ед оканчивается на *-с* изъ *-ст* (мос, хвос...), то передъ членнымъ окончаніемъ находится также *с*: хвосот; хвоэт въ д. Выдриной Енис. По всѣмъ говорамъ членное окончаніе замѣняется иногда посредствомъ *-то*, въ особенности въ формѣ вин. ед. жен.: корову-ту и корову-то, лук-то, солдаты то, сани-то в Казани, хомут-от на базарѣ и т. п. Очень часты, если только не послѣдовательны, членныя формы на сѣв. востокѣ Сибири. Многочисленными примѣрами распола-

---

[1]) Ежегод. Тоб. Музея, 1917, 4.

[2]) Изв. Краснояр. Подъотд В. С. О. Р. Г. О. т. I, в. IV, 38.

гаемъ для Рус. Устья на Индигиркѣ. Здѣсь членными окончаніями служатъ тѣ же сочетанія, что и въ прочихъ говорахъ; также распространяется *то* за счетъ другихъ членныхъ элементовъ. Кромѣ того, во множ. ч. употребляется *-те* не только въ формѣ именит., но и въ другихъ падежныхъ формахъ. *те* оканчиваетъ собою также членныя формы ед. ч., кромѣ именительнаго. Нѣсколько примѣровъ для этого говора.—ворон-от. положил этот мужик-от. сар от. да и сам-от моховой. один-от парень и пошел другу го в гости. парень-от. он взял парень-то. тут на сараѣ-те. под одним-те концом. под другим-те концом. он эгу-то бабу поднял да в кадь-ту, в воду-то головой поставил. пьетъ воду-те. у эгой-те бабы дѣти те, из дыры-те дѣвкѣ то. она мужу-то ноги тѣ, руки тѣ связалъ [а?]. святы тѣ. хвосты-те в воду запѣхайте. косами-те. других-те он убил. коней-те взял. и коней-те, рассомахов-те, коням-тѣ, хвостам тѣ, через два-те холма. два-те глаза выставил. на тугариновом-те конѣ. цари то. люди-то. Окончаніе *т*, какъ окончаніе для муж. р., употребляется и въ формѣ эпитета для князя Владимира: «Солнышко : Один Солнышкот Владимирот ручаются. Употребленіе *-те* въ разныхъ падежныхъ членныхъ формахъ ед и множ., кромѣ именит. и вин. ед., знаютъ и другіе говоры Сибири. он руками-те бьет (Колыма). да и даров-те не на что купить, дочерей-те (Минус и Канск. окр.) невѣстов-те у нас—хочь пруд пруди (Краснояр. у.). силы-тѣ нѣту. на саломи-тѣ была лопата (ст. Арык Балык. Кокч. у.).

Изрѣдка встрѣчаются членныя формы именъ существъ на *-т, -та, -ти* въ говорѣ семейскихъ

Глаголъ.

Основы. Основа наст. вр для глагола «плыть» въ прежнемъ видѣ *плов—*: плòвёш пловёт. попловёш на Большу тоню. Отмѣчено въ разныхъ мѣстахъ (въ Енис. г., въ Пріангарьѣ, на Колымѣ).

Глаголъ «зябнуть» въ наст. вр. безъ *н* (*не*): ручки *забут* (на Колымѣ).

Глаголъ «одѣться» въ наст. вр. также безъ *н*: *одьюсь одьм* (одѣну), одѣются (въ Томск. г., Кузнец. у.?, въ с. Бердскомъ Барнауль. у., въ Пріангарьѣ).

Основа наст. вр для глагола «[до]стигать» имѣетъ передъ гласнымъ *е, у* согласный корня—*г*: *стигу*, сустигу достигу, стигет, мотри, погода нас застигет; силы мои не стигут—и на западѣ (Тюменьск., Курган., Сургут. уу.) и на востокѣ (Ангара—верх. Лена, Колыма) Сибири.

На коренномъ гласномъ основы наст. вр. глагола «проклинать» отразилось вліяніе формъ съ гласнымъ инфинитивной основы: «клясти», «клял»: *приклянат* (с. Богучаны Енис.).

Основы наст. вр. для глагола «икать» по основамъ на *е-о*; ичет (*ыцётца*—въ с. Марковѣ на Анад.).

пъзди – и въ формѣ 3 мн.: *пъздіют* (въ Том. г. въ Змѣиногор. у.). Такъ и въ говорѣ семейскихъ: јездиит', јездијут'.

Съ основою на *и* глагольныя формы: одолит, (одолѣетъ), долит (долѣваетъ; слеза долит; Колыма, Тулун. в. Нижнеуд. у.)

Въ формѣ 1 ед. наст. вр. для глаголовъ основъ на *-и* съ предшествующими согласными *с, з, т д*. губ. согл. от-

разилось вліяніе прочихъ формъ наст. вр.,—вліяніе въ отношеніи согласнаго *с, з, т, д* и губ. согл. проникли и въ форму 1 л. ед.: косю, приносю, спросю, бросю, докатю, колотю, шутю сердюся,—сь, погледю-ка, отпустю, рассудю... Такія образованія для 1 ед. наст. вр. отмѣчены въ Акмолин. обл. (ст. Арык-Балык.), въ юж.ч. Томск. г., въ Иркут. у. (и-спю, насыпю...), на Амурѣ (у казаковъ). на Индигиркѣ (Рус. Устье), на Колымѣ, на Анадырѣ (с. Марково). Извѣстны они, по всей вѣроятности, и другимъ говорамъ.

На Анадырѣ по аналогіи съ этими формами появились образованія съ мягкимъ согласнымъ и въ основахъ на *е—о*: *будю, я стаю*.

У семейскихъ также извѣстны формы: малат'у, плат'у, wскип'ат у, прихфат у, пасад'у, кас'у и кос'у и кашу (отъ лица говорившаго—малат у), карм'у, куп'у, сп'у.

Въ формахъ наст. вр. глаголовъ съ основной на *е-о* и съ согласнымъ *ж/ч г/ж* передъ гласнымъ основы происходило обобщеніе въ согласномъ, оканчивавшемъ корень. 1) Въ форму 1 л. ед. проникалъ *ч* отъ формъ съ —*че*—: напечу, ручья течут (с Кежма, д. Кеж. Заимка Енис.) 2) Дѣйствіе аналогіи шло отъ формъ съ *ж, г* и вытѣсняло *ч, ж*: текёш, текёт, сѣкёт, толкет, пекет лягет, стиёт. Такъ въ разныхъ говорахъ Тоб., Том., Енис. Иркут. г.г, въ Забайкальѣ, на Индигиркѣ, на Колымѣ, на Анадырѣ. Формы наст. вр. для глагола «могти»: могу, могиш, ит, могем, могите, могут (Краснояр у.). Въ Рус. Устьѣ форма 1 мн. *могым* и *могом* съ *о*, какъ въ ф. 2 и 3 ед. Въ Рус. Устьѣ и на Колымѣ съ новой основой, въ отношеніи согласнаго и слѣдующаго за нимъ гласнаго, представ-

лены формы для глагола «бѣгчи»: бѣг·е·т (Р. Устье). бѣгош, -от. Но имѣются и такіе говоры, которые представляютъ основу съ прежнимъ согласнымъ *жс* (*ч*): можот (д. Выдрина Енис.).

У семейскихъ т'ак'от', тк'от', жг'от', но—можут'.

Въ говорахъ сѣв. востока Сибири на Индигиркѣ, на Колымѣ и на Анадырѣ послѣ *к*, *г* находится гласный *о*. Р. Устье: баба-то волокотся. не могом Колыма: волокош, -от, ом,-оте, могош, -от, ом, но—могэте. бѣгош пекош, -от. И послѣ другихъ согласныхъ находится *о*, при этомъ чередующійся съ *э*: грэбош, от, ом, но—грэбэте, возьмош, -от, -ом и возьмэш, -эт. Анадырь: тикот и др. Для говоровъ Колымы и Анадыри надо имѣть въ виду процессъ отвердѣнія губныхъ и зубныхъ согласныхъ передъ *е* и *'о* и измѣненія *'о* бывшаго гласнымъ средняго ряда, въ ä. На долю аналогіи остается повидимому *о* передъ личнымъ окончаніемъ и появленіе основъ на *-ко -го*, (вм. *-к'о, -г'о*: грэбош, могош....

Въ отношеніи судьбы тематическаго гласнаго *е* въ формахъ наст. вр. укажемъ на то, что всѣ великорусскіе говоры Сибири представляютъ ё ('о) во 2 и 3 ед. и въ 1-и 2 множ. *о* въ нѣкоторыхъ говорахъ зашло даже въ прежнія основы на *и*: увидёш (д. Выдрина Енис.).

Согласный *т* въ ф 3 ед. и мн. въ великорусскихъ говорахъ «старожилаго» населенія Сибири является твердымъ[1]). Въ говорахъ на низовьѣ Ангары пред-

---

[1]) На ст Арыкъ-Балыкской указаны формы безъ —*т*, и съ *т* мягкимъ, съ *е* и съ *'о* передъ —ть: иде, играе. бере, несе, пое. онъ ее любя, вед'оть, несеть, любить, пекеть. Но это относится къ говору позднихъ тамошнихъ поселенцевъ южно-великоруссовъ малоруссовъ и средневеликоруссовъ.

ставлены формы на —*т*‘. Но это говоры, отступающіе отъ прочихъ говоровъ Сибири и въ другомъ отношеніи,—въ отношеніи а к а н ь я. Происхожденіе этихъ говоровъ опредѣлить не могу за отсутствіемъ достаточныхъ свѣдѣній о нихъ.

Отсутствуетъ *т* въ формѣ *буде*. Но эта форма имѣетъ иное значеніе: «достаточно»: буде тебѣ-ка лепетать (Колыма), «если»—въ разныхъ говорахъ (см. ниже о союзахъ).

Въ формѣ 3 множ. глаголовъ съ основою на —*и*, по говорамъ употребляется гласный *у* въ неударенномъ окончаніи: ходют, пилют, гадют, просют. Въ говорѣ с. Маркова —*ут* съ м я г к о с т ь ю предшествующаго согласнаго отразилось, независимо отъ ударенія, на формахъ съ иной основой: **идют** дадют (ср. формы 1 ед. въ этомъ говорѣ).

Ровинскій отмѣтилъ, вѣроятно, въ Приангарьѣ *ести* Въ другихъ говорахъ *ес*‘, *дас* (дастъ) *ѣс* (ѣстъ).

Въ семейщинѣ форма 3 ед. и мн. наст вр оканчивается на —*т*‘. Такое же окончаніе имѣли эти формы и въ говорѣ старца Давыда. Но въ с.с. Тарбагатаѣ и Мухоршибири среди прочихъ наносныхъ чертъ отражается «сибирское» вліяніе и въ отношеніи этихъ формъ,—окончаніе *т*, хотя эта черта свойственна рѣчи не всѣхъ старообрядцевъ указанныхъ селъ. Въ говорѣ лицъ, употребляющихъ формъ на —*т* представлены и другія сѣв.-великорусскія особенности: въ соотвѣтствіи —*ает*‘, —*еет*‘ непремѣнно будетъ сказано —*ат*, —*ет*: знат, дават, умет. При этомъ въ говорѣ одного и того же лица встрѣчаются иногда подъ рядъ формы съ —*т* и —*т*‘: *знат* и *знаит*‘ и т. п. Изрѣдка попадаются формы на *т* въ говорѣ от-

дѣльныхъ лицъ и въ другихъ селахъ. Форма безъ *т*: *можа* («можетъ быть»). Ударенный гласный передъ —*т'*, какъ и въ другихъ формахъ, проведенъ *'о* вм. *е*: жыв'от', н'ас'от'.. Но въ Н. Заганѣ отъ одной бабы слышалъ: жывет', въ Куналеѣ: сабиресси Имѣя въ виду послѣдніе примѣры и общій характеръ семейщины, до ея пропитыванія чертами сибирско-великорусскихъ говоровъ,—семейщины, какъ говора южно-великорусскаго, съ вѣроятностью можно полагать, что *'о* вм. *'е* получилось въ связи съ такимъ же гласнымъ въ великорусскихъ говорахъ Сибири. Гласный въ ф. 3 мн. въ неударенномъ конечномъ слогѣ —*у*: гавор'ут', воз'ут', сход'утца, вид'ут'. Такъ и въ сборникѣ старца Давыда.

Формы съ инфинитивной основой, стараго и новаго образованія. Представлены формы для глагола «*бости*» или «*бос'*[*т'*]», а не «бодати»: корова чуть не забола, бык болся (Ровинскій).

Вмѣсто основы на —*ы*: ны ти, вы-ти —употребляются основы наст. вр.: ноj— воj— съ тематическимъ гласнымъ *а*: ноять, воять (Индигирка, Колыма). Съ гласнымъ *е* отъ основъ наст вр. употребляются формы для глагола «забреть», «забрели» (забрили).

Вліяніе основъ наст. вр. отразилось на глаголѣ «мяти»: мнятца —инф., мн'отца —3 ед. наст. (Колыма, с. Марково Анад.).

Съ согласнымъ *г* образованіе формы прич.: *запря'оны* (Том. г., Кузнец. у.)

Безъ суффикса —*ну*— представлена причастная форма *скивши*: перед ней-то муженек, шапочку скивши (Кирен. у. Преображ. в.; въ пѣснѣ).

скать ссучивать): ску, скош, скот. (Колыма).

яхать, цяхать: уяхал там бабѣ; другу своему пріяхал (Р. Устье Инд.)

сѣсти, сѣл, сяду. Въ образованіяхъ для этого глагола перевѣсъ взялъ гласный *'а*, вытѣснивъ собою *ѣ* въ формахъ съ инфинитивной основой. Повсюду по Сибири инфинитивъ—***сясти, сяс'[т']***. Располагаемъ многочисленными примѣрами для западной, восточной и сѣв.-восточной Сибири (включая и Камчатку). *сял, сяли* и др. въ тѣхъ же областяхъ. Какъ видно, процессъ *'а→е* не отразился на этомъ *'а* (с'асти с'али). с'ал, с ас'[т'] отмѣчено и у семейскихъ, въ Тарбаг., Хонхолоѣ. Это—одно изъ заимствованій отъ «сибиряковъ». Держится у семейскихъ и свое: *сел.*

Въ разныхъ говорахъ Сибири (напр., въ Тюмен, Курган., Сургут. у.у., въ какихъ-то мѣстностяхъ Том. г., въ с. Бердскомъ Барнауль у.) при формахъ *сясти, сял* и др. существуютъ сочетанія съ *е*:: *седу, седет, сед'*. Такія же формы встрѣчаются и въ документахъ XVII в. писанныхъ въ Сибири. Напр., бирюльскій приказчикъ П. Халецкій въ своей челобитной доносилъ якутскому воеводѣ 1691—92 г.: «седят в осаде въ запертѣ». Кромѣ того, сравните образованіе съ *сьж*—: «осѣнныя темны ночки просѣживали с тобой» (на Колымѣ). Ср. и передачу «дѣепричастія»—нарѣчія на Анадырѣ *сьзе* или *сьза* (сидя). Здѣсь *з* вм. *ж*. Итакъ, основа этой прежней причастной формы въ отношеніи согласнаго была основой наст. вр.: *сьж*.—Имѣя въ виду эти сочетанія съ *сьж*—на Колымѣ и на Анадырѣ, надо полагать, что *ѣ(е)* здѣсь не есть фонетическое измѣненіе *'а*, а идетъ издавна, отъ др. русскихъ *сьж*—(сѣжю..) и *сьд*–(сѣдишь.., сѣдѣти ..). Того же повидимому, происхожденія и *е* въ

сообщенныхъ выше примѣрахъ (седу, серет ..). Можетъ быть, въ такихъ случаяхъ, какъ «сед'!» *є* изъ *а*.

ляг—, лег— / леж—, ложс—. Въ образованіяхъ для этого глагола также отразился результатъ скрещиванія основъ съ разными гласными корня. *ложс—* (ложиться, ложится, ложись ..) вытѣснено корнемъ съ гласнымъ *е* : *леж—*: лежитца, лежатся спать, стал лежиться, лежись, лежитеся спать—отмѣчены въ разныхъ мѣстахъ. На Колымѣ въ этихъ случаяхъ также *леж—*, и *лёж—*: лёжитесь! станеш ты с ней лежиться, она теба начнетъ лежить [класть] возлѣ стѣну, сама станет лежиться [к] краю. Съ другой стороны дѣйствовали и образованія съ *ляг—*: они вытѣснили собою сочетанія *лег—*. Это отразилось по говорамъ на инфинитивной и на причастной формахъ. Такое направленіе аналогіи пережито въ говорахъ сѣв. востока, на Индигиркѣ и Колымѣ. Колыма: ляг·ти, лягчи (йагчи). Р. Устье: лягли, ляг (=легъ), но—легчи. Съ гласнымъ *е* въ —легчи и въ другихъ говорахъ (въ Забайк., Иркут., Енис., Том , Тоб. гг.). Въ причастныхъ формахъ встрѣчается тамъ и *'а*: лягла, лягли (въ с. Кежмѣ и д. Кеж. Заимкѣ Енис.).

Въ говорахъ Сибири, отъ запада до Охотскаго моря и на Камчаткѣ распространены образованія на *-ова*: сказовать (сказовал, расказовай да расказовай.. ..: д. Выдрина), займовать (занимать), залѣзовать (залѣзать), лиховать (быть больнымъ), жировать (идти въ гости на обѣдъ, пировать), заклыктовать (она заклыктовала—завыла; с. Кежма), сердцевать (выманивать у кого-н. хорошія вещи за бездѣлицы; на Камч.), чаевать, лѣтовать, осеновать (проводить лѣто, осень; Кол., Якутскъ), бѣдовать (прово

дить время, мѣшкать; Колыма), путевать (Колыма), хмелевать (собирать хмель), звѣровать (охотиться на звѣря), бѣлковать (охотиться на бѣлку), нерповать (охотиться на нерпу, тюленя байкаль.), утковать, гусевать, соболевать, дармовать (охотиться на лося и оленя по насту или съ лодки), шишковать (собирать кедровыя шишки съ орѣхами).

На Колымѣ развились образованія съ суф. —*ува*—, смѣнившимъ собою суффиксъ —*ова*— подъ вліяніемъ основъ наст. вр. (съ *-у*; ср. аналогичный процессъ малорусскихъ говоровъ): складувать пѣсни, загадувать, розсказувати. сказувай, отказувал, скрадувать, обтрахувался, оглядувался. Тѣ же основы и въ формахъ наст. вр.: отказуват, вылетуват, золотми ключми побрякуват; изъ плясовой пѣсни:

Ах ты, мать моя, Сидоровна!
Высоко ноги закидувала,
Поросеночка выкидувала,
Окулина позавидувала ..

Ср. аналогичный процессъ въ болгарскихъ говорахъ.

Гласный *у* отъ основъ наст. вр. проникъ и въ формы *плювать*, *жувать*, [*блювать*] (напр. въ Тулунской вол.). Также и у семейскихъ; кромѣ этого и «блюват'». Вѣроятно, такія же образованія представлены и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири.

По всѣмъ говорамъ Сибири распространены формы съ *лев—*: налевать, слевать, налевай; улевью плачет (плачетъ заливаясь слезами); хлѣб в налевѣ; розлев воды, наллевать (найевать; Колыма); наслевать (насйевать —по щекамъ надавать оплеухъ; Колыма); залев; «а отъ того пня по березовое болото и до

залеву сухіе веретіи» (1701 г., поступная кр-нъ Тобольск. у.).

Въ рядѣ глаголовъ тематическія *а, и* вытѣснены тематическимъ *е*: кричеть, кричела.., мольчеть, говореть, шевелеть, дуреть, шалеть—въ разныхъ говорахъ. Такъ и на Колымѣ. Кромѣ того, здѣсь отмѣчены основы на *е* и для другихъ глаголовъ: дверь отворела; пробудѣлся; слышѣл; съ *-ет* и—гніеть. Такъ и у семейскихъ: кричет', стучет' гаварет', растет'.

Въ другихъ глаголахъ тематическія *е* (ѣ), *и* вытѣснены гласнымъ *'а*: смотряли, начинают звонять—тоже въ разныхъ говорахъ.

Имѣются и такіе глаголы, въ формахъ которыхъ тематическія инфинитивныя *ѣ, 'а* вытѣснены тематическимъ *и*: посѣил, полетила, пролетила (напр. въ с. Кежма).

Отмѣтимъ образованія съ старой основой *гони*: выгонить загонить, гонить гоньбу, собаки угонилися за оленями, дѣвок прогонил—отмѣчено въ разныхъ мѣстностяхъ. «ис под заимок отгонили мунгальскіе [люди] многие табуны» (1698 г., изъ канцел. иркут. воеводы'. *гонит'* (гонит' кони...) говорятъ и семейскіе.

Повсюду употребительны давнія образованія съ *—стрѣли—*: стрѣлить—выстрѣлить: «тромя стрѣлами троих стрѣлю» (Р. Устье). стрѣльте! и др. Такое же значеніе этихъ формъ и въ говорѣ семейскихъ.

Съ **и** образованіе «сосить» (кормить грудью; наст. 3 мн.: сосят; Тулун. в.). Съ *и* и формы для глаголовъ «тянуть», «обмануть»: тянить; тянил, тянил,—никова не вытянул (Колыма); обманить (тамъ же).

Во всѣхъ говорахъ Сибири форма инфинитива, оканчивавшаяся раньше на *—чи—* (вм. *kti, *gti),

представляетъ передъ *-чи* согласный *ж* (*к*, *г*), позаимствовавъ его отъ тѣхъ формъ, гдѣ *ж г* измѣненію не подверглись и были на лицо И такъ: пекчи, пекчись, текчи, легчи (лекчи), улегчись, помогчи, сѣкчи, берегчи (берекчи), запрягчи (запрекчи), бѣгчи, жегчи, стригчи, волокчи Примѣры такихъ формъ можно указать для всѣхъ областей Сибири. *кч* → *хч* въ нѣкоторыхъ говорахъ (лехчи—напр. въ Якутскѣ).

Въ Средне-Колымскѣ тѣ же формы. Но въ Нижне-Колымскѣ за *ж* (к, г) слѣдуетъ не *-чи*, а *-ти*: лягти, бѣгти, пекти, розболокти, волокти, настигти.

Въ с. Бердскомъ Барн. у. и, м. б., въ другихъ мѣстахъ *-чи*, какъ инфинитивное окончаніе перешло и на другія основы на согласный: вышибчи.

Также во всѣхъ говорахъ Сибири сохранено въ формѣ инфинитива сочетаніе *-сти* или *с'*[*т'*]. сясти—сяс'[т'], јисти—јис', класти, попасти, клясти, лѣзти (слѣзти). Это *сти* или -с'[т'], какъ инфинитивное окончаніе, вытѣснило собою старое окончаніе *ти* послѣ гласнаго корня: взясти—взяс'[т'], стасти, достасти, добысти, убисти, надѣсти, дасти, брасти, драсти

Инфинитивы на *-жчи*, на *-сти* [*с'т'*] перешли отъ «сибиряковъ» къ семейскимъ. Такъ, въ Тарбагатаѣ отмѣчены: берекчи, стерекчи, памакчи. Ср. согласный *к*, а не *х*, въ этихъ сочетаніяхъ, употребляемыхъ тарбагатайскими старообрядцами. Въ Куналеѣ также отмѣтилъ такое образованіе, но уже съ согласнымъ *х* передъ *-чи*: памахчи. Въ Тарбагатаѣ представлены инфинитивы на *-ти*, которымъ распространено прежнее сочетаніе для инфинитивной формы на *-ти*: памачти, слечти. Встрѣчаются инфинитивы на

-сти: припасти, запасти (Мухоршиб.) Но обычно с'т' → с': атвес', wпас' (Н. Заг., Кун.). Несомнѣнно, отъ «сибиряковъ» позаимствовали семейскіе инфинитивъ wз'ас'[т'], отмѣченный во всѣхъ селахъ. Но употребительна тамъ и прежняя форма: wз'ат'.

Форма «ити» распространена посредствомъ *т'*: итить; подойтить; «неійтить» въ зап. иркутянина 1864 г.

яти. Изъ формъ этого глагола отмѣтимъ сочетанія съ преф.: вызняли оттудов (вынули оттуда; с. Бердское, Барн. у.). вынял ящик (с. Кежма), взнятіа (подняться, собраться летѣть): взнялись утки с болотины (Краснояр. у.).

Въ отношеніи глагольнаго префикса укажемъ еще сочетенія съ *воз*—, обобщившіяся на счетъ *вз*—: всѣ выскакали на двор, он и воскочил в юрту (Р. Устье), поставил нож то на серцо, а шило-то под гузно— так по самой чёрень и воскочили (Колыма). Тѣмъ же путемъ появилось *во*—вм. *в*: навотыкать (воткнуть, Колыма).

Во всѣхъ говорахъ Сибири въ употребленіи неизмѣняемыя формы причастій въ составѣ сказуемаго или въ качествѣ дѣепричастія. Нѣсколько примѣровъ,— никак уж сонца-та сѣвши? (Бараба). подтачавши носок ноги и спихнул эту плиту. не доѣжжавши 30 верст до его жительства и говорит ему. что ты задумавши? запутавши дорогами—уѣхал не ладно (с. Бердское), три дня не ѣмши (Краснояр. у.) окно было заткнувши. семейства были не разбивши (Пріангарье) перед ней-то муженек шапочку скивши (Преображ. в. Кирен. у.). выпим-

ш и и др. въ Якутскѣ. с утра день б е з ѣ т ч и хожу; не д о ш е д ь дому на сѣнтукѣ ночевали; у п о д о добши тебѣ черной котел (черенъ точь въ точь какъ котелъ); п ѣ ы в ш и йебедь укуйнуйася (изъ пѣсни послѣдній примѣръ; все изъ Колымы). Повсюду извѣстно к р а т ч и въ значеніи нарѣчія «тайкомъ», «украдкой». «курют' кратчи» и т. под. и у семейскихъ. —и д у ч и сам припадыват (с. Непа, Кирен. у.; изъ пѣсни) «и я-де для того держалъ б е р е г у ч и ево Мишку. не промышляютъ, б о я ч и с ь корякъ» (1682 г. изъ канцел. якут. воеводы). *мога*: его сестра несмога сердца злой зуб положила ему под подушку (с. Бердское). *сѣзе* или *сѣза* (сидя, с. Марково): бауска посадит сѣзе (бабушка п о с а д и т ъ роженицу [родимницу], а не положитъ навзничь. По говорамъ Сибири такое сидячее положеніе выражается посредствомъ «сяс'[т] -на-жопу». Такъ и у семейскихъ: сѣл-на-жопу). сѣза маци грудиной давыт (сидя мать грудиной давитъ младенца; поэтому беременная женщина не должна засиживаться). *молъче*, часто встрѣчающееся въ знач. нарѣчія «прямо», «совсѣмъ какъ», «очень»; восходитъ м. б къ причастной формѣ «молвяче».—дѣвка-то мольче халява ходит роспустя оборы какъ стѣнь; лежит мольче навзнак; поглядѣпа—а он на-наго нагошенек, мольче какъ свѣча; сладки-те коренья чукотски-те, мольче мукой пахнут; мольче стрась! (просто страсть!); мольче хорошо! (Колыма). То же и въ анадырскомъ с. Марковѣ: ни тибѣ ѣдуска, ни тибѣ цяй, ни тибѣ водиска ни прокатываюца,—все, мольця, назадь идот». Въ разныхъ мѣстностяхъ говорятъ «*подлядя*» въ знач «хорошо», «какъ слѣдуетъ»:—каково у вас?—

«Да ничо, подходя» или подходяшшо» (Тоб г, Том г.). «потход'аншша» или «потход'ава» въ этимъ значеніи я слышалъ также у семейскихъ. «*дорзама* трубка (курительная трубка; *з* вм. *ж*; с. Марково на Анад.), держамой (идущій въ расходъ: держамой кирпич чай...; Колыма).

Въ одномъ изъ документовъ канцеляріи якутскаго воеводы отмѣчена форма прич. множ. на *-лы*: «которые лавки стоялы впустѣ» (1697 г.).

-ся. По говорамъ вм. *-ся* представлено *са*: подкралса, осталса, билса (с Кежма Енис у). напилса (Бараба). «росписалса Θедор Θирсовъ» (1690-хъ г.г. изъ канцел. иркут. воеводы) У семейскихъ *с'а* и *си*. Въ сбор. старца Давыда встрѣчается и *сы*: эдѣлалсы, осталсы, наоучалсыбы, оужаснулсы.

Общую черту говоровъ Сибири составляетъ широкое употребленіе *глагольныхъ формъ на ся*. — вѣсится, висится (виситъ): вялено мясо висѣлось (Тулун. в. Нижнеуд у.); вѣсится=виситъ (Енис. у. Бараба; Иркутскъ и др.), на сараѣ чаво-то у нас вѣсится: их парень вѣсится (Р Устье на Инд.), на лабазу юкола вѣсится, сохнет; ноги то вѣсятся (Колыма), сватайся его дочь за меня взамуж (с. Бердское), какъ продадутся мужики, так и взад пріѣдут (ю. ч Томск. окр.); шьемся (шьемъ), спориться спорься (спорь), искаться (искать), стираться (стирать) въговорѣ Барабы и въ другихъ мѣстахъ) она станет спориться (Колыма); стираться отмѣчено въ Акмол. обл на ст. Арык Балык. и въ Иркутскѣ). давай воеватца (воевать; с. Кежма Колыма), кого отымаетесь? (Р. Устье). и кэней-то, россомахов те, лисицёх и другу-то раздѣлился (другу удѣлилъ), ино то сам взял (Р Устье) жи

вот чаво был. все раздѣлилися (раздѣлили), только портки да рубаху не могым раздѣлиться (оттуда же); ицётца (икаетъ с. Марково) на завалинкѣ курочка греблась (с. Непа Кирен у), отцу с матерью благодарилася (Преображ. в Кирен. у.); рыба по водѣ такъ и плавится (Колыма).

Нарѣчія, предлоги союзы частицы.

лони лонись, ся, залонись. лѣтось. зимусь (зимусъ въ Том. г. въ Змѣиногорскѣ и въ другихъ мѣстахъ?). осенесь, вёснусь утресь (утромъ, въ это утро), ночесь, ночесь. Такъ по всѣмъ мѣстностямъ «старожилаго» населенія Сибири. Отмѣтимъ для Рус. Устья, что тамъ нарѣчія на *-есь* повліяли на *лони, лонись*: при сочетаніи «лонись» тамъ говорятъ также «лонесь» и «лонесь»(ся»).

завтре. завтре (съ удар. на *е* указано для Р. Устья).

оногдась, оногдысь оногды, онолды, онамнясь, ясь (Тоб. г., Колыма), онамедни (Краснояр. у., Колыма).

коегодни коеводни коевадни, койвадни.

когда, тогда (см. выше) нековада (некогда. Колыма).

топерь, таперь я е ича

втапоры («въ тупоръ» въ запискахъ иркутянина 1864 г.).

ину пору (ину пору придет низова погода, земля куржавѣт Н. Колыма).

сей год (въ этомъ году, нынѣ; Тоб. г., Р. Устье, Колыма) сё год (Тоб. г.), сегода (Енис у.); сёгоды (теперь; Усть-Уда, Балаган. у.) сёдень сёдни.

посесь (до настоящаго времени; Краснояр. у.).

досель (до сихъ поръ; Краснояр. у); прежде: Р Устье).

доселева (встарину, Колыма; ср. слѣдующія образова-

нія: доселешной, досельной=старинный; доселька=старина, по доселькѣ=по старинному)
покель ей (до какихъ поръ Колыма).
коли, николи.
даве (Краснояр. у.) дайче (Тоб г.), давича (недавно, ю. Забайк.) давнись (давно. Тамъ же).
завсё зався (завсегда).
голомя (давно; Змѣиногорскъ)
загодя (заранѣе).
сконвѣк (споконвѣку, Колыма), конно (конно раззорил; Колыма).
напрок (на будущій годъ, вообще, «впередъ»; повсюду кончая Камчаткой; ср. въ одномъ Якутскомъ документѣ: «посѣять... пашню своими сѣмены .. ко прокуу»—на будущій годъ; 1682 г.).
тожно (тогда, потомъ, послѣ этого; напр.: тожно онѣ меня и отпущали; лѣс запрѣват, дрова тожно бывают неколки; у ней тожно серцо воскипѣло, слезы свои подтерла, тожно признала;—повсюду).
однова (однажды; Колыма), однежды (тамъ же), однешь (с. Бердское Барнауль), одна ся (гдѣ то въ Том. губ.: «Р. Ф. В.» 1894, № 1)
дотрое (до трехъ разъ; Тулун в.).
трою (пока): он его давай драть, драл да, драл да, трою обмер (Р. Устье).
вдругоредь, другоредь (другой разъ, вторично,—въ разныхъ мѣстностяхъ), другэрадь (Колыма).
однома (заодно; Колыма).
запопуть (за одно разомъ. Колыма).
иноди (иногда; Колыма).
невзапно (Пріангарье, Краснояр. у.).
покадова (покуда. Колыма).

нимо (мимо; повсюду).
назадь (ть) позадь, передь, напередь (назадъ -позади; впередъ, и; повсюду). назадѣ, позадѣ, (назади, позади; также повсюду) впередѣ передѣ (впереди;—повсюду).
блези (вблизи; Кирен. у.).
индѣ (въ другомъ мѣстѣ. Р. Устье, Колыма; «кое-гдѣ»—въ юж Забайкальѣ). Тут да индѣ (тамъ и сямъ. Колыма).
гдѣ- не гдѣ мѣстами, кое-гдѣ. Колыма; «гдѣ» передается здѣсь посредством «йде»: йдѣ день а йдѣ и ночь).
докуль, докулева; докудов, докудова; докедова откуль покуль, неоткуль, покаль или поколь или покуль (послѣднія три сочетанія для Тюмен., Курган., Сургут. у.у., искуль (откуда. Колыма). откелѣ (Березовскій край).
дотуль. оттуль оттуля,—леча отсетуль или от-етуль (отъ этого мѣста. Колыма). поэ[е]туль (по этому направленію Колыма) доетуль (до этого мѣста Кол.), истуль (оттуда Кол., потуль (по тому направленію: вон ступай потуль). отсэдов с. Бердское, Барн., отсуль (Тоб г.), доцель я (досюда с. Самарово Тоб. отцелѣ Березов край) отсэль оттэль (Том. г.).
тамака. тутока (тутака—въ Том. г.: «Р. Ф. В.» 1914 № 1).
покам (покамѣстъ. Колыма).

Образованія съ мѣстоименной основой, восходящей къ *he— или *e—[1]): эстолько или естолько, эвон, эвона этвоноко, этто или этта, этта ка (здѣсь; —повсюду), доетуль, поэтуль, от етуль. Послѣднія

[1] А. А. Шахматовъ. Очеркъ древнѣйшаго періода русскаго языка Стр. 33, 140.

три передачи относятся къ колымскому говору. Ср. тамъ же иную мѣстоименную основу въ такихъ же образованіяхъ, *се--*: отсетуль.
осибѣ особѣ (самъ по себѣ; для выраженія самостоятельной жизни; такъ, только что женившійся сынъ уходитъ «осибѣ особѣ». Тюм., Курган Сург. у.у.).
на-вонтар[ь] (навыворотъ; навонтараты сдѣлать. Колыма)
подверх (поставилъ ногами подверх. Р. Устье.
почесь (почти),
всугонь: летит всугонь (въ погоню. С Бердское Барн.).
шухома (наобумъ, какъ попало: пошел шухома, Р. Устье. шухома--на Колымѣ).
крадчи (тайкомъ).
взамуж (замужъ).
тунно (напрасно. Краснояр. у.), тунѣ, в-тунности (Колыма).
[в]ласно, ласно (словно, будто. Р. Устье, Колыма:чего то чернет, власно как гуси).
в досконал (навѣрное. Якутск).
не [в]здогадь (не въ догадъ. Колыма).
нахарло (силой. Тюмен., Курган., Сург. у.у).
навзнак (навзничь. Колыма).
туром (стремглавъ. Колыма).
болько (больно. Колыма).
паче (сильнѣе, больше: паче прежняго к ней припадат. Колыма; тамъ же и такія нарѣчія: тѣм паче, коми паче). наипаче (южн Забайкалье).
инаково (иначе. Колыма).
неоначай (Колыма).
неточию (въ русской рѣчи татарина въ Сибири.

«Сынъ Отеч.» V, 287)
на фарт (на удачу, на счастье: на-фарт итить).
мыкось накось (вкривь да вкось, такъ да сякъ. Колыма)
на-растопаш (на распашку. Колыма).
двоеруч (хватился двоеруч Колыма).
на-утур (круто прстивъ теченія. Колыма).
за всяко-просто (запросто· ходите гуляйте или гуляйте к нам за-всяко-просто.—Повсюду).
стыдко.
кай-будь (какъ слѣдуетъ; хорошо. Колыма, с. Марк. на Анад.): голова кай-будь [здорова] стала; кай-будь [хорошо, ладно], у меня зыви (Марково; ка-быть: парень ка-быть стал (какой слѣдуетъ сталъ; Р. Устье). ка-быть (кстати, хорошо что; «кабыть то ушла моя сосѣдушка», некстати засидѣвшаяся. Тулун. в.).
доброволь (добровольно. Колыма, с. Марк. на Анад.).
поневолю Колыма).
вовсю (совсѣмъ; Колыма).
занароком (нарочно. Колыма).
натодѣль нарочно. Колыма).
[в]заболь (въ самомъ дѣлѣ. Повсюду; забуль, забуй—на Колымѣ).
справдѣль (взаправду. Колыма).
порно (сильно быстро; въ разныхъ мѣстностяхъ, на западѣ и на сѣв востокѣ. бѣги порняе, порно заревѣл» —напр. въ Тоб. г. порно ударыла, порнѣе—въ анадыр с. Марковѣ).
ятно (ясно, громко. Краснояр. у. Иркут. у., Колыма), ятко (Иркут. у., Марково на Анад.).
выносно говорѣть (внятно, громко говорить. Колыма).
не-в-донос (невнятно, неслышно).

накарач падат (Кежма Енис.).
шибко (очень; часто употребляется въ рѣчи у всѣхъ «сибиряковъ»).
быдто (будто; повсюду).
другама (а не то, или ужъ: другама и я покочую. Колыма).
однако, оннако (вѣроятно. Часто употребляется въ рѣчи «сибиряковъ».—Дома хозяин?—Однако нѣт». «Однако не придет» и т. п. Такъ и въ рѣчи иркутянъ всѣхъ слоевъ).
мало мало; мало-мало загоношил, да на зиму не хватит (Въ разныхъ мѣстностяхъ: ср. и образованіе для прилагат.: маломалешный , отмѣч. въ Том. г.).
дивно (много, очень: дивно поймали рыбы, дивно снѣгу; дивно высоко. «Много еще ѣхать осталось»? — Да, дивно,— и т п., употребляется по всей Сибири).
Образованія съ приставкою «во»: во много (многовато), во мало (маловато), во тѣсно (тѣсновато).
многэро (многоро), людиэро, сколькэро (Колыма, Р. Устье).
тоби (такъ бы: «как рузjо палит скоро тоби и зенстина [зенсцина] разрѣсылас скоро» и др Анадыр с. Марково).
ишо, ишшо, (ешт о—Краснояр. у.)
пошто (зачѣмъ).
еслив, еслив бы (с. Бердское Барнауль.), еслиф Змѣиногорскъ) кабыть (если бы. Кежма Енис.).
буде (если) буде не дадют, пакость [пушной звѣрь] попадать не стан'от с Марково на Анад.; буде забудь [на самомъ дѣлѣ] ты присол минѣ, буд'от плакать и уросить (тамъ же); а буде сыт'jо не помогат, стават едно (тамъ же). буде она тебя одолит, то и тебѣ и мнѣ живыми не буть (Колыма). буде вы до-

спѣете, ваша мать оживет, буди не доспѣете, не оживет (Р. Устье). буде лучше наживеш, ты меня забудеш (Преображ. в. Кирен у.).

оли (или: как, к ему подойтить посичас оли погодя? (Кежма Енис.) Въ акающемъ говорѣ Тулун. в.—али. хата (при подчеркиваніи выражаемаго понятія въ отношеніи къ противному: нечѣм послѣдню рыбку к нему отдавать, хата подумал бу, чего зиму исти станете. (Колыма'; съ якут «хата». Якутскіе примѣры см. у Böhtlingk a: Iak. Wörtb. 76.

сос: только што выѣхал сос лѣсу (Краснояр. у.), подлѣ, возлѣ, против, пониже—съ винит.: подлѣ рѣчку, возлѣ берег, против воду (въ разныхъ мѣстностяхъ), пониже спину (Колыма).

коло (около): коло Паски коло озеров. (Повсюду).

круг: круг пенькя (Кежма), круг стола (Кирен. у.).

гля: гля другой (Тулун. в.), гли крѣпости (д. Выдрина Енис.) для Бога (ради Бога. Колыма'.

ну! (для утвержденія: «да». Повсюду, съ запада и до Охотскаго моря, и на Камчаткѣ).

ээ! («да»! «поѣдеш въ Нижно»? —Ээ!— Колыма. Такъ и на Анадырѣ: ээ, захворала -да, начинаются роды. Марково).

ой оч'онки! (употребляется при выраженіи боли. Якутскъ).

-йо! (для выраженія удивленія: «йо, робаты! какой долгой»! Этой отъ юкагиръ взято на Колымѣ).

Частое употребленіе частицы —*ка*: гдѣ ка, нѣ-ту ка, тамо ка, туто-ка, вон-де ка, потома-ка, мнѣ-ка, тебѣ ка, посмотрю ка.

Въ Рус. Устьѣ и на Колымѣ въ частомъ употребленіи *да*: драл да, драл-да, трою обмер; волокла да,

волокла-да, приволокла; эту собачку дашь да возьму; знат да, да моя сестра знат; она на окошечко поло жила сошила да (Р. Устье). как да! чево ла! ужнат да (Колыма). Въ тѣхъ же конструкціяхъ употребляется *да* въ якутскомъ языкѣ: примѣры см въ якутскомъ словарѣ Böhtlingk'a 114).

Въ русской рѣчи въ Якутскѣ Маакъ указалъ, что при вопросахъ къ послѣднему слову прибавляется *ду* напр хочешь стать ду?» Въ тѣхъ же конструкціяхъ присутствуетъ *дуо*, *ду* въ якутскомъ языкѣ откуда и перешло *ду* и въ русское говоренье а также къ юкагирамъ

Въ южномъ Забайкальѣ состраданіе выражается восклицательно-воздыхательнымъ звуковымъ сочета ніемъ: *хайрнчи*! *хайрнчи*»! Это позаимствовали рус скіе отъ монголо-бурятъ

Безъ особаго значенія употребляются въ рѣчи сибиряковъ словечки: «тотвано (Тоб. г., товоноко», «тотвоноко (ю Забайкалье)

Нѣкоторыя изъ этихъ нарѣчій, союзовъ, частицъ перешли къ семейскимъ. Напр.: дивна, напрок тажно, назаде, назат нима, пачес', на хфарт, за вс'а ка проста, аднака, бытта (употребляется безъ особа го значенія; напр «јета бытта бат'ка мой и т. п.). ну! (да!) —ка.

Изъ другихъ отмѣтимъ въ говорѣ семейскихъ слѣдующее кагда, —ы, тагда (—ы кајда тајда, кав да, тавда, када, тада) лани, ланись утре завтр'а, вчара, с'ка, седни, нонча и нын'ча, позда, тапер', —'а, —ича, рѣже тäпер', типерича; де, аде де нибут'. кола, аткэл, или аткел и аткыл', аткул', аткэдыва аттэл, аттэл'ва, аттыл', аттэда, аттыдыва, атцел'

атцела. пакэл'. куды. суды. асóп' и асоб'а. акром а. скол' -л'ка, -л'ки, -л'к'а или скока. стол'. тол ки, - а, тока. ишо. пашто и пошта. такм а wтун'. шыпка. брawа (агурцы растут, брawа...). najпаче. нахратам (нахрапомъ'. ал'а и ал', ал'ба хуш (хотя . къли (если). эва эвана (вонъ, вонъ тамъ).

Изъ синтаксиса.

Рѣчь—бесѣда сибиряка пестритъ употребленіемъ вводнаго словечка *«паря»*, утратившаго или близкаго къ утратѣ своего прежняго значенія. То же явленіе представляетъ и семейщина Въ Мухоршибири отмѣчалъ употребленіе «паря» и въ разговорѣ бабъ, во взаимномъ ихъ обращеніи.

О сочетаніяхъ «два-раз», «три-раз» говорилось выше. Тамъ же отмѣчено, что во всѣхъ говорахъ Сибири въ сочетаніи съ *двои, трои* (въ колымскихъ зап. *двое трое*) существительное имѣетъ форму именит. множ —двои братья трои сутки.

Въ сочетаніяхъ съ *много, дивно кайбуть* существительное, представляющее названіе того, чего много, чего дивно, находится въ формѣ именительнаго. Такія сочетанія имѣютъ говоры на Колымѣ.—много битва; рыба много; муксун сей год кайбуть. Та же конструкція употребляется и при—*полон* .Прежнее же прилагательное *полон* стало неизмѣннымъ, какъ нарѣчіе, употребляясь въ этомъ видѣ и съ существ. жен. рода и во множ. ч.—виска рыба полон, сары вода полон налилися. тарелка полон.

Въ такомъ же направленіи происходило конструированіе и передачи существительнаго, обозначающаго мѣру, количество въ сочетаніи съ другимъ су-

ществительнымъ, которое опрелѣляется данной мѣрой, даннымъ количествомъ: оба существительныхъ передаются въ о д н о й падежной формѣ.—кирпич чай; у нас еще сума табак есть вовсю недержанной; четверть жир; взял два аршина ситец да табак фунт; послѣдню вазку юколу отдавать (Колыма).

Послѣ отрицанія употребляется форма винит. Располагаю примѣрами сочетаній съ «кони : у ково кони нѣт (напр., въ Тулун. в. Нижнеуд. ў). Также въ говорѣ семейскихъ. У семейскихъ и «п'ат' кони»; но «дwа кон'а». Для прочихъ именъ и для мѣстоименій многочисленными примѣрами располагаю для говоровъ сѣв.-востока: Рус. Устья и Колымы Р. Устье: баба ниту, перстень нѣт, брат все то ниту, он ниту. Колыма: карбас нѣту и рыба нѣту и нихто нѣту. никакая заручка нету, у нас эта вэра нѣту; помочь нѣту; толк (тойк) нѣту; два дни ѣда не нады.

Въ говорахъ Сибири дополненіе для именъ одушевленныхъ предметовъ находится въ формѣ в и н и т е л ь н а г о пад.: бейте звѣри, били звѣри (с. Бердское Барнауль. у.); стригу овцы, пасу коровы Даль). «завладелъ озеркомъ Мозальскимъ, въ которомъ они ловили караси» (1695 г., изъ выписи данной тобольскимъ ясашнымъ татарамъ) У семейскихъ такая конструкція обычна въ сочетаніи съ *жо»ги*: нашы кони wгнат', пасти кони, ни видал маих кони? па кони в'алит' итит'.

Но дополненіе «скот» передается въ говорахъ Сибири формою родительнаго: пасти скота Такъ и у семейскихъ.

Въ характеристикѣ «нарѣчія сибирскаго» у Даля указано сочетаніе инфинитива съ формой

именит. «Глаголы дѣйствительные ставятъ иногда съ именительнымъ падежомъ: принести вода, топить баня». Къ какимъ областямъ относятся сообщенные примѣры, Далемъ не указано. Въ Акмолинской области, на ст. Арык Балыкской, также извѣстны такія сочетанія: срубить сосна, косить трава. Въ документахъ XVII го и нач. XVIII го стол., писанныхъ въ Сибири, часто встрѣчаются такія сочетанія. Такъ и въ документахъ, писанныхъ въ XVII мъ в. на сѣверѣ европейской Россіи и въ Москвѣ.—Дьячокъ Якунка Гаврилковъ пишетъ въ 1643 г. (на р. Невьѣ Тоболь. обл.): «пахать земля» (2 р.), «да поставить мнѣ Ивану дворъ, изба да клѣть». Изъ канцеляріи иркутскаго воеводы: «велеть собрать по немъ Івашкѣ порушная запись» (1689 г.). Изъ канцеляріи якутскаго воеводы: «и что будетъ кокое мяхкой рухляди объявитца и та у них мяхкая рухляд запечатат» (1649—50 гг.); «взять сказка и вклеить въ столпъ» (1682 г.); «на великихъ государей пашня пахать» (1699 г.). Изъ Усть-Киренска: «чтобъ имъ на томъ мѣстѣ построить мельница» (1703 г.).

Послѣ глагола «бояться» представлена форма винит.: ицьмень боитца иголку и пропадат (Марково на Анад). Въ Якутскѣ и на Колымѣ дополненіе при глаголахъ «бояться», «испугаться» имѣетъ предлогъ *от*: я от медвѣдя не боюся, не то што от тебя. Въ Якутскѣ и «спрашивают отъ кого-нибудь о чемъ нибудь».

Въ сказкѣ селенгинскаго подъячаго Ерошки Некрасова прописано: «и я, будучи за караулом, при караульщиках г о в о р и л в р а з г о в о р» (1698 г.). Въ челобитной служилыхъ людей Ильинскаго и Кабан-

скаго остроговъ Селенгин. окр нѣсколько разъ замѣчено: «кои в грамотѣ не умѣют» (1700 г.).

Предлогъ повторяется передъ составными частями числительнаго. Напр., въ Кузнец. у. Том. г: на двадцать на пяти т. п. «то все я Онисимъ приложилъ за двѣсти за двадцать за пять рублевъ (въ 1699 г. въ Якутскѣ).

Въ документахъ XVII—XVIII в. тенденція повторять предлогъ передъ составными частями дополненія (передъ прилагат., мѣстоим.) отражается значительнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Ср. напр., въ завѣщаніи селенгинскаго казака Вавилы Григорьева (1684 г.): «да кабала на селенгинскаго на служилаго человѣка на Ивана Яковлева сына Черныхъ» и др.

Та же черта представляетъ обычное явленіе въ старообрядческомъ сборникѣ старца Давыда — «Къ рымскому къ заблужденію къ проклятымъ ихъ къ ерясямъ и къ поганымъ ихъ обычаимъ. отидетъ со всеми со своими со служащими со слугами и придотечими. прибылъ во благочестіи, во христовои въ вѣри, выстиннымъ пути» и др

На сѣверо-востокѣ, въ областяхъ Лены, Индигирки, Колымы, Анадыри, употребляются формы мѣстнаго, винительнаго и дательнаго безъ предлоговъ, и *т.* Киренскій у.: Полугоринѣ (вм *в* Полугори кузнецы куют; приходил мнѣ сударь батюшка (I образ. и Подкамен в.в. . Къ сожалѣнію, эти прим взяты изъ пѣсенъ. Соотвѣтствуютъ ли они обыденному говоренью, неизвѣстно [1]) Несомнѣнными примѣрами

1) Въ этомъ отношеніи замѣчу, что въ пѣсняхъ записанныхъ мною въ южной части Ливенскаго у. Орловской

для обычной рѣчи располагаемъ по отношенію къ говорамъ на Индигиркѣ, Колымѣ и Анадырѣ. Р. Устье: один-от парень и пошел другу-то гости. Уѣхал свой домой. Этой юртѣ пріѣхал, дирку и смотрит: тут его баба сидит с этима людьми. Уяхал там бабѣ. Онъ пошел сестрѣ, другу своему пріяхал. пришел этому мору. пришелъ домой старухѣ. пошел этому городу Колыма: дух запиратца грудѣ. ноги кровь издрэзал! рыба так и запрыгала неволу. третьем году. а у нас Песчаном... задрался лѣсную чащу. заголнил угол. положил карман. поищи кустах. бул Нижном. пойду бабѣ гости. коё как вошли одним хозяевам. кинуся, бйосюся мамѣ Машѣ на йучку. приходят ей три табуна. догребай берегу. Марково: я вить вовсё вам присол и не пойду ламутам назать буде забуль ты присол минѣ, будёт плакать и уросить.

Среди этихъ передачъ безъ предлога *в* (w) имѣются и такія, въ которыхъ отсутствіе w представляетъ черту не синтаксическо-морфологическую, а фонетическую (см. выше объ утратѣ w въ начальномъ слогѣ).

Категорія употребленія безпредложныхъ конструкцій въ говорахъ сѣв. востока Сибири шире, чѣмъ это было раньше въ русскомъ языкѣ: *к* отсутствуетъ при формѣ дательн. не только мѣста, но и лица; *в*

губ встрѣчаются примѣры съ отсутствіемъ предлога *в (у)*; но въ обычной рѣчи онъ присутствуетъ.

...Dewка платья мыла, чиста пâласкала
Чиста пâласкала, w чистам полю слала,
Чистâм полю слала, w поли при дароги,
Поли при дароги при зил онай дубрави...

Въ обыденной рѣчи: у полю, у дом'а, у л'асу, (с. Волово; зап въ 1911 г.).

(w) отсутствуетъ не только въ передачѣ мѣстнаго пад., но и въ передачѣ винительнаго. Прежнія безпредложныя формы дат. мѣста обычно передаются безпредложной формой винит. мѣста. Съ сообщенными выше примѣрами сравните нѣсколько нижеслѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ синодальнаго списка Новгородской лѣтописи — Въ то^{ж} лѣ^{т} на зимоу иде въ роусь археп^{с}пъ нифонтъ (подъ 6643 г.) Въ то^{ж} лѣ^{т} приде новоугородоу кнзь стославъ (подъ 6644 г.) бѣжя костянтинъ посадникъ къ всѣволодоу и инѣхъ добрыхъ моужь нѣколико. И въдаша посадницити якоуноу мірославицю. новѣгородѣ. Въ то^{ж} лѣ^{т}. приде кнзь мьстиславиць всѣволодъ пльсковоу хотя сѣсти опять на столе своемь новѣгородѣ. И побѣгоша дроузии къ всѣволодоу пльсковоу. (подъ 6645 г.). Въ лѣ^{т} 6647. приде гюрги кнзь и-соуждаля Смольньскоу и зваше новгородьце. на кыевъ. на всѣволодка. и не послоушаша его. и тъгда бѣжа ростиславъ смольньскоу. къ оую изъ новагорода.

Удареніе.

Отдѣльные говоры «старожилаго» населенія Сибири характеризуются въ отношеніи темпа и интонаціи звуковыхъ сочетаній, составляющихъ фразу, слѣдующимъ: фраза произносится съ тоническими повышеніями или пониженіями извѣстныхъ слоговъ и съ удлиненіемъ ихъ. Одинъ наблюдатель надъ русскою рѣчью въ Сибири (повидимому, въ западной Сибири) писалъ въ 1840 г. : «Природные жители въ Сибири ведутъ рѣчь вообще речитативомъ или на распѣвъ. Строеніе этой рѣчи неправильное, выговоръ словъ извращенный»[1]). О темпѣ рѣчи населенія въ Минусин-

[1]) Сынъ Отеч. V, 1840, 281.

скомъ и Канскомъ окр. въ 50-хъ г.г. прошлаго столѣтія сдѣлано было слѣдующее замѣчаніе. «Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожій на нотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ». «Женщины, хотя говорятъ неправильнѣе мужчинъ, но пріятнѣе и болѣе нараспѣвъ».[1]) О «противной интонаціи или аксанѣ, какимъ отличается выговоръ иркуцкихъ жителей», писалось въ 40-хъ г.г. въ «Отеч. Запискахъ»: «эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о*—чрезвычайно непріятны. Надобно прибавить, что таковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана».[2]) Теперь же здѣсь не замѣтно ни «противной интонаціи», ни особой «грубости аксана». Для говоровъ пріангарскихъ селъ имѣется указаніе отъ 1882 г., въ дневникѣ Н. И. Витковскаго: «Отъ Устья Уды [далѣе внизъ по Ангарѣ] въ говорѣ замѣчается слѣд. черта: послѣдній слогъ послѣдняго слова во фразѣ произносится какъ то обрывисто и съ сильнымъ возвышеніемъ тона (сегода—въ этомъ году)». «Тоненько говорятъ» и далѣе внизъ по Ангарѣ, за Братскимъ Острогомъ (имѣю сообщеніе о Сохоровой заимкѣ ок. с. Московскаго).

О мѣстѣ ударенія въ отдѣльныхъ формахъ отмѣтимъ слѣдующее. Въ рядѣ случаевъ въ отдѣльныхъ словахъ или въ цѣлыхъ формальныхъ категоріяхъ) представленъ переносъ ударенія къ началу или къ концу слова. Такъ, въ формахъ именъ существ., имѣющихъ префиксъ, удареніе находится на префиксѣ.— отставка, поставка, поправка, издержки, закуска, за-

[1]) Живъ. Стар. XIII, 301, 306

[2]) Отеч. Зап. 1848, т. 59, 131.

пас (въ разныхъ мѣстностяхъ); «кладут во-щи», «во-имя отца и сына и св. духу и наприсно во вѣки вѣков» (Тулун. в.; удареніе на *во*: «воимя» находится и въ памятникахъ рус. письменности; обязательно «во имя» до сихъ поръ читается, пишется и печатается старообрядцами). Въ рядѣ формъ склоненія той или иной категоріи обобщилось мѣсто удареніе. По ударенію формы именит. ед.: кусты, углы, глазы (вост. Сибирь. Ровинскій), клопы (Якутскъ, Колыма), ключи (юж Забайкалье, дары, дарами (Р. Устье), полдвора (Р. Устье. стукнуло дверах (Колыма и въ связи съ формой именит. множ). По ударенію именит. и другихъ множеств. ч.: спина, по водѣ (вост. и свв.-вост. Сибирь) на стѣнѣ (Р. Устье) в худых душах (—едва живъ; Колыма). в рѣку, свинью, яиц (Арык.-Балык., Какч. у.). Съ давнимъ мѣстомъ ударенія на коренномъ слогѣ *нужа* (въ разныхъ мѣстностяхъ и на Колымѣ: стужа да нужа нѣтъ іи хуже).

Удареніе на окончаніи по аналогіи съ родственными формами того же рода съ такимъ же окончаніемъ.—сѣра, дочка, пара, пару, двѣ пары, свѣчи санки (въ разныхъ мѣстностяхъ, стрѣлка (с. Кежма Енис.) пальцами, ножницами (Тоб. г.). баба зват. и именит.) бабушка! старушка! (Р. Устье), тятя! (Р. Устье).

Въ формѣ винит. ед. жен. основъ на на *-а* удареніе на *у*: на гору, про ево жону, в ту пору пару, ногу, руку, чащу (именит. чаща (—имѣются указанія на всѣ говоры на западѣ, востокѣ и сѣв.-востокѣ).

Въ формѣ мѣстн. и дат. ед. жен., получившей окончаніе *е* (ѣ), удареніе также перенесено вмѣстѣ съ

этимъ окончаніемъ: в сѣтѣ, на стенѣ, волостѣ, в грезѣ, в ночѣ, к ночѣ, по Русѣ, по пролубѣ, на пролубѣ к дверѣ и др. (см. выше).

Форма родит. ед. жен., имѣющая окончание *е*, также часто представляетъ удареніе на этомъ окончаніи (см. выше стр. 87).

Обобщеніе мѣста ударенія на *о* въ ед. средняго р. на *а* во множ. въ нѣкоторыхъ именахъ: на моро (Р. Устье; въ другихъ говорахъ: на морё) тѣло (Колыма) ѣства, средства (въ разныхъ мѣстностяхъ), пива, плеча (Енис. у.). На -*а* удареніе и для именъ: пастуха ключа (Енис. г.).

Удареніе на окончаніи *а* въ формѣ родит. ед.: до чэрна тѣла (Кеж. Заимка), стрѣлять из лука (Р. Устье).

Нѣсколько другихъ примѣровъ съ постановкой ударенія: два рожка, кожухи, кожухам (Енис. у.) : по сходству съ мѣстомъ ударенія въ -рог-, кож-а..; сестрица, сестрицу (Кежма) дрова, дровки (Колыма) дѣвочка (повсюду), станок (Ровинскій), ручей, ручьи (Ровинскій), красота (повсюду, въ языкѣ пѣсенъ; но въ обиходной рѣчи -красота-; такъ мнѣ извѣстно въ говорѣ селенгинскаго села Троицкаго), лопоть, лопотина, лопота, лопотичка (одежа, одеженка; повсюду); богатырь, богатыря (Енис. г.), богатырь (с. Бердское Барнауль. у.); корабю, но и -корабь (Р. Устье)

У семейскихъ : туча, чишша (чаща) дачка, пара, 2 пары, дума (дума, мысль), вян'ка (вонь), санки, на гару, платину, прудит'; пакасники. Въ сборникѣ старца Давыда : слуги, три перста.

Въ формахъ прилагат. : новой (новый или иной: новой раз...; въ разныхъ мѣстностяхъ, и у семей-

скихъ) потной (Тулун. в.), мертвой (Р. Устье), толстой (вост Сибирь), первой раз, другой раз (с. Кежма). атец роднај, мат раднаја (у семейскихъ), дишавој (у нихъ же) Въ формахъ съ «краткими» окончаніями представлено удареніе или по именнымъ формамъ прилагательныхъ или по мѣстоименнымъ формамъ ихъ. друга кака боль, сэрцова боль, свата вода, больно мѣсто, худа боль, косьёва боль сорокова молитва, мисья коза (мышья кожа), тѣсны мѣста (с. Марково на Анад); гумажны крылья, сладко-сладко (Р. Устье); хороша погода, бѣл мука, цѣла горсть (Краснояр. у.); налевай другу мѣру, четвертну мѣру, больши шаги (с. Кежма) и др. (см выше).

Въ формахъ мѣстоименій: въ формѣ дат.-твор. множ. удареніе постоянно на -мя : имя, тѣмя (темям), обѣмя; моёва, твоёва, своёва У семейскихъ : тому.

Въ нарѣчіяхъ: позадѣ, впередѣ какъ и въ формахъ существ съ такимъ окончаніемъ (в сѣтѣ, по путѣ .) лонись, позалонись (Краснояр. у.)

Въ формахъ глаголовъ. Въ формѣ инфинитива и въ формѣ прошед. на -л удареніе въ рядѣ глаголовъ находится на коренномъ слогѣ : бросала (ю. Забайкалье), ростить поручить, выяснить (вост. Сибирь; Ровинскій), летил, улетил (съ -лет- и формы наст. вр), положить положила (повсюду), чосал (с. Богучаны Енис. у.), лягли (с Кежма). Въ формѣ -пакостить- удареніе на тематическомъ *и* : пакостить, не пакости... (въ разныхъ мѣстностяхъ). Съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. жили, было, были (въ разныхъ мѣстностяхъ), случилось (Арык-Балык Кокч. у.). Въ глаголѣ „имать“ (ловить, брать) удареніе представлено на *и*. Такъ отмѣчено въ говорахъ Тобольской и Енис. г. Такъ же въ

образованіяхъ съ префиксомъ *по* : поимать, поимали. Но и- поймали (-первое напр. въ д Дворецъ Енис. у., второе -поймали- въ с. Кежма) На Колымѣ -имать, поимать. Съ переносомъ ударенія на префиксъ: послал (Якутскъ); послал, погнал позвал, собрал, подойти (Арык.-Балык., Кокчет у).

Въ формахъ наст. вр. Для нѣкоторыхъ глаголовъ въ формѣ 2 множ. удареніе находится на *те*. Такъ по разнымъ говорамъ Сибири. деритесь (с. Бердское Барнауль. у., Р Устье на Инд.), вы значите, совьите винок (Курган. у. Тоб. г.), врите (Р. Устье). спите, сидите ходите идите (Якутскъ). Въ формахъ для многихъ глаголовъ произошла передвижка мѣста ударенія къ началу формы, на коренной или на префиксный слогъ. -лечу, летиш (повсюду), хочу (вост. Сибирь; Ровинскій), говорит (Кежма Енис), куплю (Богучаны Енис.), грызу (Марково на Анал.) блюёт (тамъ же), лежат ся (по разнымъ мѣстностямъ), годитца (Тулун. в), займуются (Тулун. в.), пойду Р. Устье с. Марково) найдут (Колыма), серцо дрожит (на Колымѣ), оборвется (Краснояр. у., течут (Енис. у.). Въ другихъ глаголахъ въ формахъ наст. вр. удареніе находится на тематическомъ гласномъ: накосимся, косят, терпит, ловит, ходят, слезает (вост. Сибирь; Ровинскій; сестрица плачет, как ручья течут (Енис. у.).

Въ отношеніи ударенія въ глагольныхъ формахъ у семейскихъ отмѣтимъ слѣдующее. говорит' прудит', работат', робит', паложыт', пакастит' припасла, wз'али продали жыли, было, были. На удареніе на послѣднемъ слогѣ (были, было) указываетъ и сборникъ старца Давыда. Съ удареніемъ на томъ же слогѣ

употребляются эти формы и собратіями семейскихъ у Чернаго моря, липованами въ Добруджѣ.
гавориш, -т', гавор'ут' (какъ и въ инфинитивныхъ образованіяхъ), павернит' (повернетъ). Въ говорѣ старца Давыда форма 2 л. множ наст. вр. для нѣкоторыхъ глаголовъ имѣла удареніе на послѣднемъ слогѣ: творите.

III Великорусское наслѣдство и судьба его въ Сибири.

Сѣверныя области европейской Россіи, «поморскія» и примыкающія къ нимъ съ запада и юга мѣстности были основнымъ источникомъ, откуда выливались колонизаціонныя волны за Уралъ, къ Оби, Енисею, Ангарѣ, Ленѣ, Анадырѣ, Охотскому морю и Амуру. Тамъ комплектовались группы охочихъ, промышленныхъ и гулящихъ людей, уходившихъ въ Зауралье за поисками воли, наживы и новыхъ землицъ. Тамъ производились приборы и служилыхъ и пашенныхъ людей, направляемыхъ на службу и пашню въ далекія области Сибири. Оттуда шла вольно-народная и правительственная, по указамъ Москвы колонизація для пріобрѣтенія, закрѣпленія заселенія и обрабатыванія новыхъ землицъ на великихъ просторахъ Сибири. На сѣв.-востокѣ европейской Россіи набирались и женщины для посылки въ Сибирь, гдѣ среди русскихъ сильно ощущался недостатокъ ихъ. Такъ, въ 1630 г. по царскому указу, препровождено было въ Сибирь 150 дѣвокъ набранныхъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ. Посылка женщинъ происходила и позднѣе въ половинѣ XVIII го в Именные списки служилыхъ, промышленныхъ и гулящихъ людей въ

тѣхъ или иныхъ мѣстностяхъ Сибири также свидѣтельствуютъ о происхожденіи этихъ лицъ съ сѣвера и сѣв.-востока европ. Россіи. Вотъ напр. перечень посадскихъ людей въ Иркутскомъ острогѣ по писцовой книгѣ 1686 г: «посадскій человѣкъ Якушка Псковитинъ; по сказкѣ его родомъ онъ псковитинъ, былъ посадскій же человѣкъ, изъ Пскова присланъ въ Енисейскъ по указу вел г-рей, а изъ Енисейска пришелъ въ Иркуцкой... Посадскій человѣкъ Пахомко Сидоровъ. По сказкѣ его родомъ де онъ москвитинъ присыльный человѣкъ... Дворъ а въ немъ посадскій человѣкъ Ивашка Галактіоновъ сынъ Рагозинъ; по сказкѣ его родомъ де онъ Ивашка Устюжанинъ, а отецъ де его на Устюгѣ былъ государевъ пашенный крестьянинъ, а онъ де Ивашка съ Устюга пришелъ въ Иркуцкой гулящимъ человѣкомъ для свиданія съ родичи своими и въ Иркуцку поверстанъ въ посадъ». Мѣста выхода другихъ посадскихъ людей иркутскаго острога были таковы: Яренскъ (яренчанинъ или еренчанинъ; нѣсколько), Усолье, Вычегда (вычегжане), Устюгъ, Усть-Цылыма, Каргополь Москва (москвитяне: Бурцевыхъ, Ивановъ, Герасимовъ, Садовниковъ), Переяславль, Пинега (пинежане: Ивановъ, Игумновъ), Мезень Шацкъ, съ Енисея; былъ и одинъ «украинецъ» (Семеновъ), были и люди мунгальской породы. По книгѣ таможеннаго сбора по Иркутской области значатся между прочими и такіе промышленные и гулящіе люди: промышленный человѣкъ еренчанинъ Иванъ Шангинъ, прикащикъ его Евсевій Шангинъ[1]), лавочные сидѣльцы

[1]) Держится и до сихъ поръ эта фамилія. Ради куріоза замѣтимъ, что нѣкоторые члены ея производятъ свое прозвище не отъ «шаньга» (ватрушка; сѣв. в), а отъ князей тунгусскихъ Шаньгѣ.

вологжанинъ Ивашка и устюжанинъ Аѳанасій Пономаревъ, промышленный человѣкъ устюжанинъ Дмитрій Кремлевъ, гуляціе люди еренчанинъ Оська Далматовъ, олончанинъ Ѳедька Лубкиныхъ, Ивашка Новгородецъ, Мартынка Колмогоровъ, Перфирейко Вынежанинъ, Ивашка Вологжанинъ и др.

Фамиліи современныхъ жителей Сибири, «старожилаго населенія» весьма часто представляютъ указаніе на мѣстопроисхожденіе ихъ родоначальниковъ: Устюжаниновы, Вологодскіе, Кадниковы, Холмогоровы, Двиняниновы, Пермяковы, Мезенцовы, Казанцовы и др. Въ особенности часто встрѣчаются въ восточной Сибири указанія на выходцевъ изъ Вологодской области, преимущественно изъ Вел. Устюга Среди нихъ были и служилые, и промышленные, и гулящіе, и пашенные люди. Среди нихъ были также лица, что хорошо «въ грамотѣ умѣютъ». «Къ сей челобитной вмѣсто десятчанъ яраѳея некрасова, по ихъ велѣнію, кои в грамоте не умѣютъ, Устюжанинъ васко протопоповъ руку приложилъ (1700 г., челобит. служилыхъ людей Селенгин. города). «Запись писалъ въ Батурской волостѣ устюжанинъ Иванъ Козминъ сынъ Шапошниковъ» (1714 г.; Якут. область, купчая крѣпость). Хорошимъ писцомъ былъ устюжанинъ Василій Григорьевъ Новосельцовъ, исполнившій для криволуцкаго разночинца (Кирен. у.) сборникъ поученій, въ 168 л. въ восьмушку (изъ собр. М. П. Овчинникова въ Иркутскѣ). Въ Иркутскѣ читали а м. б. и переписывали лѣтопись Устюга Великаго : «Читалъ сію книгу иркутской Мѣщанинъ Михаило Зубовъ. 1794-го - года Апрѣля 21 числа и подписалъ своею рукою" (рукоп. сборникъ XVIII-го в., содержащій въ

себѣ „Страсти Христовы", а въ концѣ на 18 стр. лѣтопись В. Устюга; изъ собр. Н. С. Романова въ Ирк.).

Были переселенцы въ Сибири и изъ другихъ мѣстностей европ. Россіи —изъ Пскова, Новгорода, Вятки и др. Среди служилыхъ людей нерѣдко встрѣчались москвитяне и изъ областей Поволжскихъ. Семенъ Казанецъ, Никифоръ Казанецъ, Стенька Казанецъ и другіе Казанцы фигурируютъ во многихъ сибирскихъ документахъ [1]).

Изложенное въ предшествующихъ главахъ указываетъ согласно съ историческими данными на то, что говоры «старожилаго» русскаго населенія Сибири принадлежатъ тому же типу, что и говоры и на сѣверо-востокѣ европейской Россіи. Это говоры—с ѣ в е р н о-в е л и к о р у с с к і е Оказавшись въ Сибири, носители сѣверновеликорусскихъ говоровъ сохранили тотъ звуковой составъ тотъ формальный и синтаксическій строй, тотъ лексическій запасъ, который вынесенъ былъ съ сѣвера и сѣв.-востока европ. Россіи. Съ теченіемъ времени сѣверновеликорусскія черты вытѣсняютъ собою черты другихъ русскихъ говоровъ, находившихся въ Сибири. Сѣверновеликорусская рѣчь распространялась

---

[1]) «Акты историческіе», изд. Археограф. Коммиссіею и «Дополненія къ Актамъ истор.». См также документы въ изд «Первое столѣтіе Иркутска». СПб. 1902. А А. Іонинъ. «Новыя данныя къ исторіи Вост. Сибири Ирк 1895. «Акты архивовъ Якут. области». Якутскъ 1916 Замѣчанія о заселеніи см у Словцова: «Историч обозрѣніе Сибири» ч. I. у Бупинскаго: «Заселеніе Сибири», Харьк 1889; у Ядринцева: «Сибирь какъ колонія», СПб 1882. у Головачева: «Характеръ и, значеніе колонизаціи Сибири въ XVI и XVII стол.», у Н. Н [redacted] «Чтенія по исторіи Сибири», в. I, М. 1915.

и распространяется въ Сибири и въ средѣ нерусской — среди другихъ этническихъ группъ Сибири. Вмѣстѣ съ этимъ распространеніемъ происходило и измѣненіе въ русскомъ языкѣ,—измѣненіе въ связи съ иноязычной стихіей. Нѣкоторыя новшества такого происхожденія охватили обширные районы.

Русскіе, поселяясь въ Сибири, не только облагали ясакомъ сибирскихъ инородцевъ, но вступали съ ними и въ мирныя связи, экономическія, обиходныя и брачныя. И этнографы и простые наблюдатели указываютъ на весьма значительное измѣненіе великорусскаго населенія въ соматическомъ и бытовомъ отношеніяхъ,—измѣненіе происшедшее подъ вліяніемъ тѣхъ народовъ, съ которыми столкнулись великорусы въ Сибири [1]). Въ особенности сильно было дѣйствіе инородческихъ элементовъ на русскую народность тамъ, гдѣ представители ея, немногочисленные, оторванные отъ своихъ сородичей, оказались въ ближайшемъ отношеніи съ новыми сосѣдями,—азіатцами. Связи брачныя и экономическія вызывали взаимодѣйствіе и въ отношеніи бытовомъ и соматическомъ: измѣнялся внѣшній видъ великоруса, измѣнялся и укладъ его жизни. Великорусъ въ Обдорскѣ или Туруханскѣ отличается немногимъ отъ остяка и тунгуса. Немногочисленное великорусское населеніе въ Якутскомъ краѣ такъ близко стало къ якутамъ, что имѣетъ теперь съ ними общія этническія черты. Связи населенія русскаго и бурятскаго въ Иркутской губ.

---

[1]) А. П. Щаповъ. Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи («Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О.», т. III. № 3). Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы. СПб. 1891.

и въ Забайкальѣ наложили также своеобразный отпечатокъ на типъ русскаго населенія. И другіе этническія группы Сибири оказывали въ той или иной степени свое вліяніе на русское племя. Въ результатѣ смѣшенія съ инородцами нѣкоторыя группы русскаго населенія въ глухихъ далекихъ углахъ утратили не только прежній соматическій типъ, но и національное сознаніе русскаго. «Каки мы юскіе,—мы койимскій найодъ» —замѣчаетъ житель колымской виски[1]).

Со своей стороны, русское племя оказало воздѣйствіе на этническій типъ разныхъ представителей населенія Сибири. Много инородческихъ группъ растворилось въ русскомъ населеніи, воспринявъ чѐрты его соматическія бытовыя и на послѣдней ступени его языкъ и національное сознаніе русскаго. Съ русскими ассимилировалась большая часть тунгусовъ, занимавшихъ ранѣе огромныя площади отъ Енисея до Охотскаго моря. «Да и главная масса тунгусскаго племени, и понынѣ сохранившая свое инородческое сословіе, въ настоящее время настолько сильно обрусѣла что треть (31, 8%) всѣхъ тунгусовъ говоритъ лишь по-русски и живетъ по русски и 82,0% исповѣдываетъ православную религію, а если исключить бродячихъ тунгусовъ, и понынѣ ведущихъ вольную и безпечную жизнь своихъ отцовъ, то обрусѣвшими можно считать ок. 2/3 всѣхъ осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ представителей этого племени»[2]). Часть тунгусовъ ассимилировались съ якутами и бурятами. Обрусѣнію подверглось значительное

---

[1]) «Сиб. Сборникъ», 1887 г. СПб стр. 8.

[2]) С. Паткановъ. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. ч I в. 2-ой СПб. 1906.80 Объ областяхъ, занятыхъ тунгусами въ XVII-мъ в., см въ томъ же трудѣ, в. 1 и 2, а также карту при III-ей ч.

количество и среди бурятскаго населенія. Процессъ ассимиляціи съ русскими отозвался и на племенахъ далекаго сѣвера и сѣв.-востока. Отъ многочисленныхъ раньше юкагировъ осталось всего не болѣе 1000 человѣкъ. Та же судьба постигла и коряковъ и другія племенныя группы. Для примѣра укажу на с. Марково на лѣвомъ берегу средняго теченія Анадыри. Къ 90-мъ г.г. прошлаго столѣтія это село имѣло ок. 340 челов. населенія русскаго, по языку и быту. Между тѣмъ, въ административномъ дѣленіи этого села и его окрушна до сихъ поръ отражалось прежнее племенное дѣленіе. Именно, населеніе дѣлится на 5 отдѣльныхъ обществъ: чуванское (156 душъ), юкагирское (65 душъ), ламутское (34 души) мѣщанское (84 д.) и крестьянское (12 д.)[1]).

Для изслѣдователя языка весьма важное значеніе имѣетъ фактъ перехода той или иной общественной группы къ другому языку, какъ обиходному, употребляемому на-ряду съ традиціоннымъ, материнскимъ или отцовскимъ языкомъ[2]). На этой ступени двуязычія

[1]) А. В. Олсуфьевъ Общій очеркъ Анадырской округи («Зап При-амур. отд. Р. Г. О », т II, в 1, СПБ.). 30 — Статистическія и географическія данныя объ инородцахъ Сибири см. въ слѣдующихъ работахъ: С. Паткановъ. Статистическія данныя показывающія племенной составъ населенія Сибири. I—III. С П Б 1911, 1912 В И Іохельсонъ. Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ крайняго сѣвера Якут. области («Изв Вост.-Сиб. Отд Р Г. О.». т XXIX, № 1.). И И Серебренниковъ Инородцы вост Сибири (Тамъ же т XVIII) См этнографич. карту при изданіи: Memoirs of the American Museum of Natural History. Vol. XI 1904. Другія библіографич. указанія см въ «Очерке истории Сибири» В И Огородникова (Ирк 1920).

[2]) Для языковъ сибирскихъ народовъ слѣдуетъ разграничивать языкъ матери отъ языка отца, хотя бы они принад-

возникаютъ тѣ особенности которыя въ теченіе времени опредѣляютъ звуковой, формальный, синтаксическій строй того и другого языка. Послѣдней стадіей будетъ смѣна языка На этомъ языкѣ отразятся результаты тѣхъ новшествъ, которыя были развиты въ предшествующее время въ періодъ двуязычія Двуязычіе переживается до послѣдняго времени во многихъ областяхъ Сибири. Въ Туруханскѣ и Обдорскѣ русская «смѣшица» (—такъ называютъ русскихъ, смѣшавшихся съ инородцами) знаетъ и русскій и остяцкій или русскій и тунгусскій языки. Въ Иркутской г. и въ Забайкальѣ имѣются села «ясачныхъ» и «карымы», употребляющихъ въ своемъ говореньѣ два языка: русскій и бурятскій. Въ Якутской области обиходнымъ языкомъ является якутскій. На якутскомъ языкѣ говорятъ тамошніе русскіе не только съ якутами, но и между собой. Объ этомъ имѣются свидѣтельства и старыхъ и новыхъ наблюдателей. Много на эту тему передавали и мнѣ лица жившія въ Якутской области. Встрѣчаются юкагирскія семьи, въ которыхъ только старухи могутъ говорить по юкагирски и по-русски; мужчины же только говорятъ по-русски.

Изслѣдователь русскихъ говоровъ Сибири обя-

лежали и къ одной этнографической и лингвистической группѣ у якутовъ, юкагировъ, чукчей. бурятъ языкъ женщинъ имѣетъ нѣкоторые черты, отличныя отъ языка мужчинъ Такъ, напр.. у юкагировъ и чукчей женщины въ своей рѣчи употребляютъ ч, а мужчинамъ полагается говорить т. Мужчины—чукчи говорятъ формы съ утраченными ч, р между гласными нычэйвукээт, панаа... Чукотскія же женщины: нычэйвукінэт, панена и др. (Богоразъ. «Образцы матеріаловъ по изученію чукот. яз и фольк». Изв Ак. Н. т X, № 3)

занъ принять во вниманіе воздѣйствіе той или иной иноязычной среды: рядъ чертъ русско-сибирскихъ говоровъ появился въ результатѣ этого воздѣйствія.

И независимо отъ иноязычнаго вліянія русскими говорами въ Сибири были пережиты нѣкоторыя, хотя и немногія, измѣненія. III-я глава посвящена выясненію судьбы языкового наслѣдства, вынесеннаго предками сибиряковъ съ сѣверо востока европейской Россіи,—какія черты сѣв великорусскія были принесены въ Сибирь и что новаго развилось въ русскихъ говорахъ въ Сибири.

Гласный о

Оканье Отсутствуетъ измѣненіе гласнаго *о* → *а* (э) въ неударномъ слогѣ въ говорахъ потомковъ старожилаго населенія Сибири такъ же, какъ и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ европейской Россіи. Формальное аканье, отмѣченное въ отдѣльныхъ случаяхъ или въ цѣлыхъ формальныхъ категоріяхъ въ говорахъ Сибири представлено и по сѣв велико, русскимъ говоромъ европ. Россіи. *таперича*, съ *такъ втапоры* (напр, въ Вят. г.), *таперя* (въ Позерахъ Новг. у.; здѣсь о произносится «твердо» и «грубо») и др. Окончаніе *ва* формы род.-вин ед. м. и ср при лаг. и мѣстоим. извѣстно многимъ сѣв.-великорускимъ говорамъ: умнова слепова доброва, худова, злова ефтова, которова... Такъ по говорамъ Шенкур у, Арх. г, Великоустюжскаго, Кадник., Тотем. Грязовец., Нельскаго, Яренскаго уу Волог г., въ Позерахъ Новг. у., въ Кирил., Бѣлозер уу Новг. г, въ Ирбит., Соликам., Чердын., Шадрин. уу. Перм. г, по говорамъ Вят. г., въ Костром. г. и далѣе къ югу.

o— ᵘo —*y*. Образованіе ударенаго *o* съ болѣе значительной лабіализаціей, какъ ᵘo или совсѣмъ какъ *y*, представляемое отдѣльными говорами «старожилаго» населенія Сибири идетъ съ сѣвера европ. Россіи Такъ во многих говорах Вологод. г. Тотем у.: xvôs, kôn', kôn'i, krôt, rôj, P'oṭrôf gotóva, r'obrô; ô вм. *e* рѣдко: fs'ôm, tvojôj и др. имѣютъ ô подъ вліяніемъ формъ тѣхъ же категорій, но съ ô фонетическимъ. ô въ опис. О. Брока— артикуляція закрытаго, напряженнаго *o* или же это дифтонгъ, въ которомъ болѣе закрытая часть лежитъ въ началѣ, а болѣе открытая въ концѣ. Грязовец. у: гᵘорка кᵘот, тᵘой, годᵘов, кᵘожа, молокᵘо; вм. *e*: тᵘотка, тᵘомно, тᵘоплой. Кадник. у.: туолько, пуомню, куони, дуома. Въ Вят. г. въ средней ч.: пуоп, пуолё, нуожик. и въ нѣк. др.

y вм. *o* послѣ губныхъ и задненебныхъ согласныхъ въ неударенномъ слогѣ сибирскихъ говоровъ соотвѣтствуетъ тому же явленію на сѣверѣ европ. Россіи. Шенкур. у. Арх. г.: на булотѣ, бульница, бульшая, булесь, севогуда, куго, кумары, куроушка, мурозы, скуряе, хурошо. Кадник. у. Волог. г.: коурова (куорова?). Грязовец. у.: булото. Каргополь. у. Олонец. г.: скуріе. Другіе сѣв. великорусскіе говоры имѣютъ *y*←*o* вообще въ предударномъ слогѣ или вм. неударенаго начальнаго *o*. Новг. г. Бѣлозер у. (укошко, удеяло, угурцы, бусой, Микулай), Борович. и Устюж. у.у. (угорот, угурец укунусь, свую). Лодож. у.: круг угорода. Волог г. Тотем. у. (скурѣй, удѣяло, утопри, угурцы, укошко). Волог. у.: уптирайся, угорот. Печорскій край (пушол думой; с. Усть-Цыльма). Перм. г. Соликам. у. («менѣе явственно *y* въ —удин, убноски, укошко»), скурѣя, пуйдем, луйдем. Костром. г. Буй-

скій у. (упять, туперь, буран, утнимать). *у* вм. неудар начальнаго *о* не въ 1 мъ предударномъ слогѣ представлено многими говорами въ Поволжьѣ (утопри...). Съ другой стороны, на западѣ, въ с восточной части Псков г. отражается то же явленіе въ предударномъ слогѣ: курмилец пуйдем, купӧк, жуланный.

По сѣввеликорусскимъ говорамъ измѣняется и заударное *о* въ *у* или *ºу*. Я ту? (въ области Вятки). севогуда (Шенкур. у.). Въ Бѣлозер. у. въ формѣ 1 ед. наст. передъ слогомъ съ jу: вымоᵘю или вымую, выдою.

е ᵉа.

и или *eⁱ* вм. *е*, представляемое сибирскими говорами въ зависимости отъ образованія сосѣднихъ мягкихъ согласныхъ, находится и въ говорахъ сѣввеликорусскихъ европ. Россіи. *и* или *eⁱ* вм. *е* передъ мягкимъ согласнымъ находится и передъ удареніемъ и подъ удареніемъ. Грязовец. у.: миня нидиля, артиль, штиль. Вологод. у: бирёги, сирёда, тирёма, миня, сибя. Кардоп у.: щиль, двери, потирять. Кириллов., Бѣлозер., Тихвин. у. у.: двирь, иль, исть (есть; с. Георгіев), шись. Слободской у. Вят. г.: тибѣ, нидѣля, сиреда, витля, динь, двирь. Костром. г. сѣв.-зап. ч.: миня, штиль или шшиль, двирь, килья. Чердын., Шадрин. у. у. Перм. г. (тѣ же примѣры).

Окончаніе *ите* (итё) съ *и* представляетъ собою явленіе формальное, по аналогіи съ глагольными формами основъ на і: будитё, дѣлаитё, кладитё, деритёсь и др. по говорамъ Вологод., Вят., Костром г. г.

По всѣмъ областямъ сѣввеликорусскихъ говоровъ

распространено нарѣчіе «еще» съ начальнымъ *и* : *ишшо* или *ищо*. Рѣже встрѣчается *ешшо, ештё*. Въ разныхъ говорахъ извѣстно и въ иномъ видѣ это нарѣчіе: *ошшо* или *ошто*. *ишшо* (*ищо*) представляетъ собою фонетическую замѣну сочетанія *jешче *ештё* (*ешшо*) восходитъ, м б., къ сочетанію съ начальнымъ *he- или *'e (*e* съ предшествующимъ придыхательнымъ элементомъ), а *ошчо* (*ошшо*) къ сочетанію съ начальнымъ ho или 'o (*o* съ предшествующимъ придыхат. элементомъ). Въ говорахъ Сибири обычно отмѣчалось *ищо* и рѣже съ *e*: ештё (Краснояр. у.).

'*o* вм. *e* передъ твердымъ согласнымъ, а также въ концѣ слова послѣ давняго праславянскаго) мягкаго согласнаго—общерусское наслѣдство въ сибирскихъ говорахъ. Вмѣстѣ съ сѣввеликорусскими говорами пережито измѣненіе *м'а* въ *м'а* → *м'о* въ формахъ именит ед сред. р. (им'о врем'о .) Какъ въ сѣввеликорусскихъ говорахъ сибирскіе говоры представляютъ *о*, появившееся нефонетически, а по аналогіи; и это 'о находится въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ оно извѣстно на сѣв востокѣ европ. Россіи. Итакъ, въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ имѣется: н.осу, в'оду, јому, сл оза, хл'обать, деревн'ој осен'ој, задн'о кол'осо, јој, пол'о, им'о, буд ош, буд'от, лајот дѣлајот. Во многихъ сѣввеликорусскихъ говорахъ форма 2 л мн оканчивается на *т'о*, чаще подъ удареніемъ, но и внѣ ударенія: ходит'о берит'о, стоит'о придит'о (напр въ Костром. г., ок. Плеса), пишит'о, ходит'о (напр. въ Грязовец у. Вол. г.); дѣ стоит'о? подит'о, бѣжит о, дожидайт'о Яранскій у Вят г. и др.).

Наударенные *жа, ща, ча* вм *же *ше, *че унаслѣдованы говорами сибиряковъ отъ европейскихъ своихъ

«дѣдовъ»·сѣв. великорусовъ Въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ послѣ *ж, ш, ч* находится вм. *е гласный о* или *а* Въ нѣкоторыхъ говорахъ употребляются оба звуковыхъ варіанта измѣненія *же ше, че*, Напр. Новг. г. Бѣлозер. у.: жанат, жаних (д. Волкова) Арх. г. Холмог. у.: жаних, жалѣть жалаю, нежали шаптать. Печорскій край : жаних, жаны, жалѣзную и залѣзную, жаребьци, жамчюгом и замчюг, ключавой пшано. Кемь: шасток пшано жалать чаво. Шенкур. у.: жалать, жалѣзной, крашанина ожарёлок; но чаще злѣсь сочетанія съ *жо. шо.* Вол. г: Вологод., В. Устюж. у. у: жалаю Перм. г. Камышл, Кунгур уу : жана, жаних, шолуха.

ца вм. *ць* : поцаловала ево—въ Оханскомъ у. Перм. г.; цалковой въ Позерахъ Новгор. у.

'а. Гласный *е* или *е*^{i}, *і* вм *'а* имѣютъ сибирскіе говоры между мягкими согласными подъ удар. и внѣ ударенія. а въ предударномъ слогѣ *а*⇒*е* находится и передъ твердымъ согласнымъ. И это явленіе—черта сѣввеликорусскихъ говоровъ Напр., Арх. г. Шенкур. у.: есьли (ясли) бледь, гредины, гонеют, кацееш, напредены, отворей, пецель, понеть, пьениця, гледит, глидѣть јицё, микина, заиць кнеина (княгиня). везать, месной. реды. . Волог. г. В.-Устюж. у.: пецель, нацеть, «вдвиреть» (вдвое)—въ в. устюж. словарѣ 1757 г. Кадник. у.: уредник, еицё, в шлепѣ, грезь, зеть опеть сцесье јецьмень гонессё. Грязовец у : петь, преник, гуеть, пресь, взела, светой. Вят. г. Сарапул , Елабуж. уу.: опеть, опеть, тижело. еровое поле. мисовѣд. Въ тѣхъ же случаяхъ *а*⇒*е* и въ другихъ сѣввеликорусскихъ говорахъ. То же явленіе отражается на словахъ, заимствованныхъ зырянами отъ сѣввеликоруссовъ

des'etina pamet, prenik, svez'. [1]). Въ говорахъ Владимирско-Поволжской группы («Опытъ діалектолог. карты рус. языка» Моск. Діал. Ком., 25) *a*⟶*e* только передъ мягкимъ согласнымъ въ удар и неудар. положеніи. Передъ твердымъ согл —'*a*. Но въ сѣв.-зап. части Костром. г. въ неудар. положеніи *a*⟶*e*, какъ и въ говорахъ далѣе къ сѣверу: езык, взела, пегно гледѣть, пети; въ заудар.: пaметь.

Ѣ.

Тѣ замѣны *ѣ*, какія представлены говорами Сибири, были вынесены съ сѣвера и сѣв.-востока европ. Россіи. Въ сѣверно русской діалектической группѣ общерусское *ѣ* измѣнялось такъ, что во второй части этого звукового комплекса развивался гласный высокаго и вѣроятно напряженнаго образованія *e* (e). Дальнѣйшее измѣненіе было неодинаково по отдѣльнымъ сѣввеликорусскимъ областямъ. Въ настоящее время замѣны *ѣ* въ сѣввеликорусскихъ говорахъ представлены въ слѣдующемъ видѣ. 1) *e* замѣняетъ *ѣ* во всѣхъ положеніяхъ. Это *e* по говорамъ болѣе высокаго образованія, чѣмъ *e*, восходящее къ **e*. Таковы говоры въ Арх. Олонец. и нѣк другихъ. Во многихъ говорахъ Поволжья передъ твердымъ согл. представлено *e*, а передъ мягкимъ -e^i. 2) Въ другихъ говорахъ произносится e^i передъ твердымъ согл и *i* передъ мягкимъ согл: хле^{i}п, хлибец, сне^{i}к захтили jис' (ѣсть), на рикѣ. Такъ, по говорамъ Олонец., Вологод. Вятской Пермской, въ ч. Уфимской, въ ч. Новгород-

---

[1]) J Kalima. Die russischen Ehnwörter im syrjänischen. Helsingf. 1911, 12.

ской, Ярославской, Костром. гг Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ подъ у д а р е н і е м ъ находится *іе* передъ твердымъ согласнымъ *ѣе* съ неслог конечнымъ *е* въ концѣ слова (подъ удареніемъ) Такъ въ говорахъ Тотемскаго у 3) Вм. *ѣ* представлено *і* независимо отъ слѣдущаго слога: вик, грих, бида, ри·па мидь вирить дилить. Такъ по говорамъ Новгород г., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской Олонецкой гг. То же отражается и въ отдѣльныхъ говорахъ Псковской и Тверской гг.

По говорамъ Арх., Вологод, Вят Перм., Новгород гг., въ Поволжьѣ вм предударнаго *ѣ* передъ твердымъ согл. находится *'о* : р'ока ц'она в л'осу, сл'опой, п'отух п'отухи, б'ода, б'огут јоздок јодкой, цв о·ла ц'оловать и др Встрѣчается по отдѣльнымъ говорамъ *о* вм *ѣ* и подъ удареніемъ : бис'ода, зам'ошка тел'ога цв'ол (рядомъ съ цвел-, напр въ Шенкур у.)

При сочетаніяхъ съ *ц* (цоловать цолуй, цолковой) въ однихъ изъ этихъ говоровъ встрѣчаются сочетанія съ *ца* въ другихъ (поцаловала ево, цалковой—Охан. у. Перм. г., Позеры Новгор. у.).

**mѣr-*. Образованія съ кореннымъ *мѣр*—держатся и на сѣв.-востокѣ европ. Россіи: смерной.

*ъ *ь передъ j или неслоговымъ i.

Результатъ измѣненія *ъ *ь передъ j (или неслог. *i*) въ сибирскихъ говорахъ такой же, что и въ великорусскихъ говорахъ вообще и въ сѣввеликорусскихъ въ частности. Но для сибирскихъ говоровъ не располагаемъ примѣрами формъ наст. вр. съ удареніемъ не на корнѣ для глагола «мыть», т. е. такими сочетаніями, въ которыхъ * редуци-

рованный гласный передъ j утратился бы, какъ это представлено многими говорами на сѣв. востокѣ европ. Россіи: мью, мьёт (В Устюж. у: такъ и въ словарѣ 1757 г; въ Яренск., Николь. у.у. Вол. г., въ Орлов. Слобод. у.у Вят. г. въ Соликам. Чердын. у.у. Перм. г., Кирилл. у. Новг. г.). мъю, мъёт (Сольвычегод., Тотем. у.у., Соликам. у.).

Относительно *мысси*, отмѣченнаго въ пріангарскомъ с. В. Суворово приходится сказать слѣдующее Или здѣсь *ы* по аналогіи съ основами на *мы*— (мыть мыло..), или это *ы* вм. прежняго редуцированнаго передъ j,—т. е то же явленіе, какое отражается по говорамъ Псковской губ. и далѣе къ западу. Второе объясненіе, т. е. въ связи съ такими говорами, какъ псковскіе, не исключено: поселенцы изъ Псковской губ. могли быть въ Пріангарьѣ.

замет, отмѣченное въ Киренскомъ у. Иркут. г. допускаетъ двоякое объясненіе или это образованіе съ основой лѣје—, при *и*, какъ замѣнителѣ *ъ*, или это *ли* обязано вліянію основъ съ *ли*—.Вліяніе основъ съ кореннымъ гласнымъ *и* на формы наст. вр. отражается въ нѣкоторыхъ говорахъ на сѣверѣ европ. Россіи. Сравните напр., шенкурскія формы «біите (бьете)» «піите»

и-е.

е вм. *и* въ «истеной» и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ сибирскіе говоры согласно съ сѣв-.великорусскими «выстену» напр въ Холмогор. у. Въ Шенкур у въ рядѣ также пришедшихъ со стороны словъ: деван, депломат, кевоть, лемон, машенист, ресунок себирьской, сенод, шенель. Костром. г. : истенной

ресовать (сѣв.-зап. ч.) и въ другихъ мѣстахъ. Извѣстно на сѣверѣ и «ленной» (линючій).

*tьrt, *tьrt, *tъlt, *tьlt.

Относительно образованій въ сибирскихъ говорахъ съ *дорж-* и *д'ерж-* замѣтимъ что въ такомъ же звуковомъ видѣ они извѣстны и на сѣвостокѣ европ. Россіи. Напр въ Вологод г : доржать и д'оржать доржит и д'оржит; такъ и въ Вятской, Перм губ и въ другихъ областяхъ

Передъ задненебнымъ мягкость *р* сохранена и на сѣвостокѣ европ. Россіи: верьх верьхов, сверьху,-хю *голк* (*голок*), *гольчить*, *четверег* [к], *четв'ерожной*— обще распространенныя образованія въ сѣвеликорусскихъ говорахъ Другіе примѣры съ *оро, оло, ере*, со вторичными *о, е* послѣ плавныхъ, см. у А А. Шахматова: «Очеркъ древн періода р. яз.» (277—279,[1]).

*trъ[ь]t, *tlъ[ь]t, *rъt, *lьt-, *mъ[ь]t-.

«кстить», «кститься», «окстить» «кстины»— общеупотребительныя сочетанія на сѣвостокѣ европ. Россіи. Напр въ Волог. г, въ В.Устюж, Тотем., Соль вычегод. у у. (кстить, кщён), въ Арх. г., въ Холмогор. у. (кстить акшеный) въ Костром г. и др. областяхъ.

То, что отмѣчено въ Сибири изъ замѣнъ начальныхъ *rъt-, *lьt- передъ гласнымъ полнаго образованія, отражаетъ состояніе сѣвеликорусскихъ

---

[1]) На формальное происхожденіе вторичныхъ *о, е* во многихъ изъ этихъ сочетаній могутъ указывать и параллели съ соотвѣтствующими явленіями въ другихъ славянскихъ языкахъ: ср напр въ болгар. яз.: «дълъ(к)» съ суф. *эж*, какъ и въ «низък» и т. п.; «черен», съ суф. *ен*, какъ въ «вѣрен» и др.

говоровъ. оржаной, аржаной (Холмогор. Грязовец., Сольвычегод. Тотем. у.у., Бѣлозер. у., Слобод., Малмыж. у у., Екатеринб., Чердын. у.у. и др.) По говорамъ имѣются сочетанія со слоговымъ; плавнымъ *р*. Такъ въ Шенкур. у. при сочетаніи «аржаной употребляется и «ржаной», съ *р* слоговымъ; съ «чистымъ слоговымъ *р*» «ржаной» отмѣтилъ О. Брокъ въ Тотем. у. лестить, лесливой (лесливой сват...), летота (Кадник., Грязовец., Шенкур. у.у.): ильстить, ильстец, ильгота (Тотем., Холмогор.) альяной (Новг г), ольгота (Петрозав. у.). л'гота, л'наной. л'шчу, но—лестиш (въ Тотем у., по опис. О. Брока).

Въ качествѣ замѣны **mъt-* передъ гласнымъ полнаго образованія сѣв.-великорусскіе говоры имѣютъ omt-: омшаник (омшеник), омшить—общераспространенныя сочетанія по сѣв.-великорусскимъ говорамъ. мышить—въ Шенкур. у.

mьt-: мшчу, мстить (Тотем. у.).

**jь, * i̯ ь.*

Образованія съ im-a- (имати, имал, поимал..)—обычное явленіе сѣввеликорусскихъ говоровъ. Сочетанія съ je- и i вм * jь въ срединѣ слова, представленныя говорами Сибири, пришли съ сѣвера и сѣв востока европ Россіи: воен (Кирил. у., Меленк. у); еицё (В. Устюж. у.).

По аналогіи къ категоріи такихъ формъ въ которыхъ чередовался j вм. i←*jь съ *е*, появилось *е* (*е-н*) въ чередованіи съ j совсѣмъ иного происхожденія: *байна* и *баенжа* (Черепов. у.). байна←*байн'а ←*бан'а;—неслог. i (j) развилось послѣ гласнаго, какъ переходная артикуляція къ артикуляціи мягкаго *н*,—

явленіе, извѣстное разнымъ славянскимъ языковымъ группамъ.

Voc. + i + voc.

Сочетанія съ утратой неслогового i между гласными, ассимиляціей двухъ гласныхъ и ихъ стяженіемъ, представляемыя говорами Сибири, соотвѣтствуютъ такимъ же явленіямъ сѣв.-великорусскихъ говоровъ. Въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ употребляются и формы съ неутраченнымъ междугласнымъ неслог. i : умѣёт, знаёт, доброё и т д. Но при такихъ сочетаніяхъ въ широкомъ употребленіи и сочетанія съ утраченнымъ неслог. i. При этомъ, въ отдѣльныхъ говорахъ можно наблюдать разныя стадіи по утратѣ неслогового i : 1) ее, ае (аа), 2) е, аа или а, 3) е, а. Напр., Бѣлозер. у.: не знаэм, гуляэ; иногда: знат, твово, мово (Мишут. в.). Тихвин. у. : больша, кака, друго дило. Николь. у., Волог. г. : думаеш, съ е «какъ-бы придыхательнымъ» (Яхреньга). Нолин у, Вят. г. : знаат или знаа. Котельнич. у Вят. г. : обуваэт затопляэт... думаш, дѣлат... обычныя формы въ сѣввеликорусскихъ говорахъ. Также обычны формы и именит.—вит. пригат. и мѣстоим. съ «краткимъ» окончаніемъ. Но среди этихъ формъ могутъ быть и формы именного образованія.

ы.

Колымско анадырской лабіализаціи ы послѣ губного неслогового звука можно указать соотвѣтствующее явленіе на сѣверѣ европ. Россіи.—мула (мыла), умуваться, бук (быкъ), було, бувал—въ Яхреньгѣ, Николь. у., Волог. г. -бул, було .. можно отмѣтить и для другихъ говоровъ, напр для говоровъ Бѣлозер. у.,

Новг г. (д. Лихачева и др) Но возможно что здѣсь *бу* - явленіе формальное, отъ формъ *буду*... Впрочемъ, утверждать генетическую связь въ лабіализаціи *ы* послѣ губн. въ говорахъ колымско-анадырской группы и вологодской мы не можемъ *бы, мы* .. ⇒ *бу, му* могло быть пережито въ отдѣльной жизни калымско-анадырскихъ говоровъ. Ср въ передачѣ юкагирами и чукчами въ русскихъ словахъ сочетанія губ. с.-+ *ы* посредствомъ сочетанія—губ с.-+*у*- : кабу (кабы, юкаг., муlэмуl (мыло, чук. . Въ колымско-анадырскихъ говорахъ *ы* и *и* совпали въ одномъ гласномъ *и*. Передъ этимъ *и* вѣроятно такого же образованія какъ малорусское *и* согласный является твердымъ Обл процесса— отвердѣніе согласныхъ бывшихъ раньше передъ гласными передняго ряда и передвижка образованія для гласныхъ нѣсколько кзаду, въ средній рядъ, а *и* къ среднему *и*,—проходили въ неразрывной связи. Пережиты же они были русскими говорами на сѣв.-востокѣ Сибири. Не лишне будетъ отмѣтить слѣдующее. Языку юкагировъ гласный *ы* не извѣстенъ. Утратѣ артикуляціи для *ы* могли содѣйствовать и тунгусскія группы; въ однѣхъ изъ этихъ группъ *ы* совсѣмъ отсутствуетъ въ другихъ онъ чередуется съ *и, е*. Напр.: тыha(=икра; киренско-тунг), тиha (вилюйско-тунг), тис'а (амур.-тунг); култыр (=паркъ кирен.). култер, култир (амур. . Въ охотской тунг. группѣ *ы* чередуется съ *е, и*. Въ анадырской *ы* совсѣмъ неизвѣстно: вм. него произносятся сочетанія съ *е* (и *и*?).

sl'u- ⇒ sli .

sl'u ⇒ sli (slina) говоровъ Сибири—черта сѣв. великорусскихъ говоровъ, европ Россіи—слина или

слина, слинки —напр. въ говорахъ Арх. г, Шенкур., Холмогор. уу., Волог. г. Никольс. у., Новгород. г, Череповец, Бѣлозер. уу., Костром. у.

je-: jedin, jedno.

Образованія *једин, једново...*, находящіяся въ сибирскихъ говорахъ, принесены съ сѣвера европ. Россіи.—един, едно́го, в едном, едно́й еднѣ, -х -м, ед-ножды въ Перм. г. (Камышлов. у.); е́дново е́дножды въ Вологод. (Сольвычегод. у. с. Черевково; енному – въ Волог. г. (Никольск. у Яхреньга); едного—въ Вят. г. (Малмыж. у. с. Кизюрь); с роду родесь не имѣли не едного—въ Арх г (Шенкур. у). наидини единожды, -а—въ Холмогор. у. единый, едново—въ Олонец. г. (Вытегор. у.); ни единые писни—въ Новг. г. (Бѣлозер. у.). Въ томъ же у. (Мишут. в.)—ядиной, ёдиной, с јодину. *е* во всѣхъ этихъ примѣрахъ имѣетъ значеніе *е* съ предшеств неслоговымъ і Сочетанія съ јо- развились въ результатѣ контаминаціи формъ съ је и о. Иное значеніе имѣютъ сочетанія јодин.. въ пѣсняхъ: въ этихъ случаяхъ они возникли не въ результатѣ контаминаціи, а вслѣдствіе появленія вторичнаго ј передъ начальными *о, у, а* въ пѣсенномъ языкѣ, при пѣніи или речитативѣ. Напр «собиралисе попы јотцы духовныя, какъ служили тутъ јобенню да воскресэчскую» «...на юходъ ушла» (Печор. былины). См. также въ статьѣ Н. Н. Дурново. «Паразитное ј въ великор. нар.» (Ж. М. Н. Пр. 1902 іюнь). Часты примѣры появленія ј передъ начальными *о, у* и въ пѣсняхъ южныхъ славянъ (ср записи пѣсенъ македонскихъ славянъ).

ро въ «робјонок», «роб'ата [ы]». Такъ въ Сибири, какъ и на сѣверѣ и на востокѣ европ. Россіи

Начало слова.

ы

Передъ начальными гласными *о*, *у* сибирскіе говоры имѣют *в* согласно съ говорами сѣввеликорусскими европ. Россіи. вулица, на вутри вуши, вурожай, воспа, вокушерка, вопчесьво, вокорок (Холмогор. у.); вобратно, волтарь (Шенкур. у.); вухо, вуха (Соликам. у.). вохця, вогонь, воцяг вовин, вон... (Белозер. у.).

г.

Взрывной задненебный согласный *г*—черта сѣв.-великорусскихъ говоровъ европ. Россіи. Въ концѣ слова такое *г*⟶*х* Тому явленію, которое отмѣчено въ забайкальскомъ с. Баръ.—взрывный *г* передъ гласнымъ, *х* въ концѣ слова —имѣются соотвѣтствія среди сѣв.-великорусскихъ говоровъ европ Россіи. Отсюда вѣроятно и вынесено было такое произношеніе этого согласнаго. Холмог. у.: рох, ночлех, друх, порох, вокрух, сапох, четверх, шах. Тотем. у: телек, сапок, а иные выговариваютъ: рох, сапох. Всегда: шах, друх (Чалов прих.) «шах», «шахом», «шахать» во многихъ сѣв.-великорусскихъ говорахъ. Кар гополь. у.: рох, друх (Лепшин. прих.). Камышлов. у.: телѣх, рох, друх; Такъ же въ Чердын. у. (Сытучин в.), въ Шадрин. у. (с. Мѣхонское) Орлов у. Вят. г.: снѣх, бѣх, стрех. (с. Пышакъ). Имѣются и такіе сѣв великорусскіе говоры, въ которыхъ и передъ гласнымъ произносится фрикативный согласный *г*. Такъ, фрикат. *г* между гласными имѣютъ отдѣльные говоры Олонецкой губ. Въ сѣв.-вост. части Вытегорскаго у. «*г* всегда произносится съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*». Въ отдѣльныхъ случаяхъ произносится h вм взрывного *г* въ Шенкур. у. (Николь. прих.).

Также по говорамъ Вятской губ.: передъ гласными *г* произносится «какъ бы хг: хгорох».

Судьба согласнаго *г* передъ *д* въ сочетаніяхъ для нарѣчій «тогда», «когда», «всегда» «оногда» опредѣлилась еще на сѣверѣ европ. Россіи. Тѣ звуковые варіанты въ замѣнѣ *г*, длительнаго въ этомъ положеніи, какіе находятся въ Сибири, принесены съ сѣв востока европ. Россіи. Напр., Тотем. у.: когда (*г*—длит.) кowда (*w*—неслог. *у*), товда, дос'owда. Такъ же и въ В. Устюж у. такъ въ Яранск. у. Вят. г., такъ и въ другихъ областяхъ: толды, товды—въ Перм г. Соликам у. и въ другихъ мѣстностяхъ

Сибирскому діалектическому сочетанію *хч* вм-*гч* (напр. въ Якутскѣ: лехчи) соотвѣтствуетъ то же явленіе на сѣв. востокѣ европ. Россіи. Напр: Уржум. у., Вят. г : сник (снѣгъ), но—бехчи, жехчи. Плесъ и окрестныя села Костром. г.: лехчи но и—берекчиса.

Вм. *гк* въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ представлена стадія *кк* или дальнѣйшее измѣненіе,—слѣдствіе диссимилятивнаго процесса : *хк*: лёккой, лекко, мяккой (напр. въ В.-Устюж. у, въ Кунгур, Шадрин. уу); лёхкой, мяхкой (напр. въ Чердын, Холмогор уу. и друг).

Сибирское *во* или *ва* въ окончаніи формы род.-вин. ед. м и ср. прилагат. и мѣстоим. восходитъ къ тому же явленію въ сѣв. великорусскихъ говорахъ. Окончаніе съ длительнымъ *г* или съ h въ говорѣ «старожилаго» населенія Сибири пока не отмѣчено. Если и не существуетъ теперь въ Сибири окончанія *-го* или -ho, то это еще не значитъ, что среди раннихъ сибирскихъ поселенцевъ не было носителей тѣхъ говоровъ, въ которыхъ до настоящаго времени держит-

ся окончаніе *го* съ длительнымъ *г*, или h*o*; такъ, напр., въ Олонец. г., въ Шенкур. у., въ окр. Кеми, Арх. г. Переселенцы изъ Олонецкой губ. и изъ разныхъ областей Арх. г. въ Сибири были. Но эта черта говора, съ теченіемъ времени была вытѣснена посредствомъ *-во*, *ва* подъ вліяніемъ другихъ сѣв. великорусскихъ говоровъ Сибири, унаслѣдовавшихъ и вынесшихъ еще изъ европейской метрополіи это окончаніе. Отсутствіе h или w въ окончаніи формы род.-вин. ед. м. и ср. прилаг. и мѣстоим. въ говорахъ Сибири представлено въ формѣ мѣстоименія *чѣ*о. То же самое находится и на сѣв. востокѣ европ. Россіи. Кромѣ того, тамъ по говорамъ утрата неслогового элемента (h или w) передъ конечнымъ *о* распространена и въ другихъ случаяхъ въ передачѣ той же формы : доброо и—добро), слѣпоо, синёо, коо. Такъ по говорамъ Арх., Олонец., Вологод, Новгород. г.г.; «у ко шипко много корow» —Глазов. у. Вят. г.

Съ начальнымъ *в* образованія «восподь», «воспо-дин», «восударь» произносятся и на сѣв.-востокѣ европ. Россіи.

X.

Сибиряки имѣютъ *к* вм. *х* въ словѣ «клѣв» согласно съ сѣв.-великорусскими говорами. Въ разныхъ говорахъ на сѣверѣ и востокѣ европ. Россіи передается это слово съ *к*; напр., въ Борович., Шенкур. у.у., въ Костром. г., во Владимир. г. (Меленков. у) и др. По говорамъ *к* вм. *х* употребляется и въ другихъ словахъ: пазука коронить, покоронить (сѣв.-зап. ч. Костром г., Грязовец. у), прокладно (Грязовец у). Во всѣхъ этихъ случаяхъ появленіе *к* несомнѣнно вы

звано не фонетическимъ измѣненіемъ *х*, а той или иной ассоціаціей съ образованіями, имѣющими *к*. Иная причина появленія *к* вм. *х* была въ говорахъ Пермской г., тѣхъ мѣстностей, гдѣ русскіе живутъ по сосѣдству съ пермяками. Въ этихъ говорахъ *к* вм *х* не ограничено отдѣльными словами, а вообще замѣняетъ собою *х*. Такъ въ Чердын. у. въ говорѣ русскихъ, живущахъ «за Камой»: коть, котѣл, корошо, клѣб и др. Отсутствіе *х*, замѣна его посредствомъ образованія для *к*,—вліяніе языка пермяцкаго, не знающаго согласнаго *х*. Русскія заимствованія съ *х* передаются пермяками съ *к*: прикоди, въ гостяк, крѣн Закар, мука (муха) и т. п.[1]) Такимъ же образомъ передается русское *х* и зырянами: kalui, truka, pastuk и т. п.[2]). То же и въ говорѣ черемисъ: коците (хотите), пакать, пастук[3]). Та же судьба русскаго *х* была и въ мордовскихъ говорахъ: kramoj, koz'ejka, kokol. Но въ заимствованіяхъ, относящихся къ болѣе позднему времени, находится *х*[4]). Также у остяковъ: kusch (хошь), kerek (грѣхъ)[5]). Укажемъ еще на одну

---

[1]) Н. Роговъ. Опытъ грамматики пермяцкаго языка. СПб 1860. 4.

[2]) J. Kalima. Die russischen lehnwörter im syrjänischen. 21.

[3]) Учен. Зап. Юрьев унив-та, 1902 г., № 3. Отчетъ Зеленина

[4]) H. Paasonen. Mordvinische lautlehre. Helsingf. 1903. 34.

[5]) Patkanov. Irtisi—osztják szójegyzék. Budap. 1902. 63. A. Ahlqvist. Ueber die Kulturwörter der obisch ugrischen Sprachen (Journal de la Société Finno-Ougrienne, VIII, 17).

мѣстность, на западѣ, въ юго-западномъ углу Островского у. Пск. г., на границѣ съ Витеб. г. Тамъ также *ĸ* вм. *x*: кадить, карашо, Бок, мука; *ĸ* вм. *x*, замѣнявшаго *ф* въ заимствованныхъ словахъ: канарь, кунт, Кедор (с. Бухолово и др.). Обстоятельства, при которых произошла замѣна (фонетическая) *x* посредствомъ *ĸ* въ этихъ русскихъ говорахъ, для насъ не ясны. *ĸ* въ «кодить» и во Псков. у. (Пиников в.).

x вм w, отмѣченное въ говорахъ сѣв.-востока Сибири, появилось не въ Сибири, а унаслѣдовано отъ говоровъ сѣв.-великорусскихъ европ. Россіи : -дѣхка, кузох, х черкох, гнук—по говорамъ Новгород., Вятской, Арханг. г.г. Подробнѣе ср. ниже, въ отдѣлѣ o, f, r, w.

Образованіе для *x* во многихъ славянскихъ группахъ имѣло и имѣетъ широкое образованіе Для прохожденія струи воздуха между мягкимъ небомъ и приподнятой задней частью языка, не было представлено узкой тѣснисны, а потому треніе воздуха было незначительно. Вмѣстѣ съ открытостью такого образованія происходитъ обычно отодвижка зоны преграды дальше къ заду. Въ теченіе времени это небольшое съуженіе вовсе могло утратиться: ср. во многихъ говорахъ болгарскаго и сербскаго языковъ утрату *x*. Но въ отдѣльныхъ діалектическихъ группахъ славянщины происходило и слѣдующее измѣненіе въ артикуляціи широкаго образованія *x* раньше полной ея утраты: она отодвигалась дальше взадъ; съуженіе происходило ближе къ гортани или даже въ области ея; развивался гортанный h или придыхательный элементъ ʿ. Задненебные согласные, въ особенности фрикативные, по славянщинѣ нерѣдко сопровождаются лабіаль-

нымъ элементомъ. То же было пережито и въ судьбѣ открытаго *x* : эта артикуляція сопровождалась активнымъ участіемъ губъ, ихъ округленіемъ и съуженіемъ этого округленія. Вм. x (съ очень слабой фрикаціей) или ° развивался ʷf — билабіальный съ слабо звучащей струей воздуха. Поучительную картину судьбы *ch представляютъ болгарскіе говоры, восточные и юго-западные: тамъ можно наблюдать и образованія съ *x* (преимущественно на востокѣ), или съ *x* очень слабой фрикаціи, или съ °, или съ ʷf. съ неслог. *y*, ʷ v, f, или съ безслѣдной утратой образованія *x*; а въ нѣкоторыхъ говорахъ вм. *x* развился гласный неполнаго образованія, по качеству подобный предшествующему : кожуʸ, дуʸнал, рекоₒме, помолиᵘме... Образованія для v (ʷ,—f чаще всего представлены въ концѣ слова и въ срединѣ передъ согласнымъ [1]). Въ русскомъ языкѣ, въ большинствѣ его говоровъ, наблюдается *x*. Черты образованія этого согласнаго: оно не представляетъ энергичнаго съуженія, оно отодвинуто дальше взадъ; осложняется иногда губной артикуляціей, въ особенности передъ гласнымъ задняго ряда [2]).

По говорамъ и великорусской и малорусской группъ была пережита значительная стадія лабіализаціи x и дальнѣйшее измѣніе въ *ɸ*. Такой процессъ былъ пережитъ многими сѣв.-великорусскими говорами

---

[1]) А. Селищевъ. Очерки по македонской діалектологіи. Т. I, 112—122.

[2]) А. И. Томсонъ. Общее языковѣдѣніе. 2 е изд. 192. О. Брокъ. Очеркъ физіологіи слав. рѣчи. 53 59, 163. H. Sweet. On Russian Pronunciation (Transactions of the Philological Society, 1877—79).

въ концѣ слова. Николь. у., Волог. г. : в окошкаф, на дубаф, иф, этиф, тѣф, худыф. Шенкур. у.: на лугаф, на поляф, тѣф, хорошиф, горькиф, бѣлыф, двёф; также и въ другихъ положеніяхъ : фодит, фаять, фребет (югъ уѣзда). Бѣлозер. у. : иф, хорошиф, на поляф. Кирил. у. : иф, тѣф; а также: фодит форошо, фребет. Череповец. у. : иф, в рукаф, фсѣф. *ф* въ концѣ слова имѣютъ говоры и далѣе къ юго востоку: въ ч. Тверской сѣв.-зап. Москов. гг., въ Рязан. г. (Егорьев. у.). *ф* вм. *х* (изъ **х* и **к* въ группѣ *кк*) передъ согласнымъ (*т*, *н*, *к*) имѣется не только въ говорахъ вышеуказанныхъ областей, но и въ говорахъ съ *х* въ концѣ слова и передъ гласнымъ: фто, лофтор (дофтур), ифной, лёфкой.

*chw, f.

Въ южно-славянскихъ діалектическихъ группахъ, въ частности въ болгарскихъ говорахъ chw и f въ заимствованныхъ словахъ совпали въ одномъ звукѣ и испытывали одинаковыя измѣненія. chw замѣнилось однимъ билабіальнымъ звукомъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ это былъ билабіальный f или w. Вслѣдствіе нахожденія этого билабіальнаго звука въ началѣ слова передъ гласнымъ, утраты его не произошло. Но въ тѣхъ говорахъ (на сѣв.-востокѣ придунайской Болгаріи), въ которыхъ утрачивалось въ опредѣленныхъ случаяхъ начальное w, утратѣ подвергся и начальный слабый спирантъ вм. chw или онъ сохраняется въ видѣ придыхательнаго элемента: $^{c\acute{}}$аркът. Съ теченіемъ времени вм. билабіальныхъ f—w, не подвергшихся утратѣ, стали произноситься губно-зубные согл. Но и билабіальное образованіе нѣкоторыми говорами до

сихъ поръ еще удерживается. Вм. придыхательнаго ° по говорамъ (на востокѣ) развился *x* (ванът, фанът, ханът...) [1]). На востокѣ славянства въ измѣненіи chw не произошло утраты губной артикуляціи: это сочетаніе замѣнилось или однимъ согласнымъ *ɸ*, переживъ процессъ, сходный съ намѣченнымъ выше для болгарскихъ говоровъ; по говорамъ существуетъ, вѣроятно, и стадія съ билабіальнымъ *ɸ* : ср. передачу посредствомъ *ɸɸ*: ффост (Слобод. у. Вят. г). Съ *ɸ* представлены сочетанія многими сѣв. великорусскими говорами. Встрѣчаются они и въ прочихъ русскихъ областяхъ (великорусскихъ и малорусскихъ). -фос, форо*ба, фалить. Или же вм. chw представлена звуковая группа *хв* (xw), *хɸ*. Такъ въ разныхъ русскихъ говорахъ на сѣверѣ, югѣ и югозападѣ.

Что касается *ɸ* заимствованныхъ словъ, то его: передача не одинакова по русскимъ говорамъ : *ɸ*, *хв* (*хɸ*), *х*. При этомъ послѣдовательности въ передачѣ его въ однихъ и тѣхъ же говорахъ очень часто не представлено. Для сѣв.-великорусскихъ говоровъ можно отмѣтить слѣдующее условіе нахожденія *хв* : передъ ударенным гласнымъ. Встрѣчаетси *хв* и въ неудар. слогѣ, но рѣже. Съ другой стороны, по говорамъ подъ удареніемъ представлено и *х*. Кирил. у. канхвора, Охвонасій, хвуражка, Панхвил, Хома, хыркает, Бѣлозер. у.: хонарь, сарахан, хунт, хартук, кахтан, Хиля, шарх. Соликам. у. : Хилип; *ɸɸ* для *chw: форой, фастать. Слобод. у: Мархва, Агахвон, хворма, хунт; *ɸ* для *chw: фост, форал, фастать, фалить. Среди сѣв.-великорусскихъ говоровъ имѣются

---

[1]) А. Селищевъ. Очерки по макед. діал. I, 122—125.

такіе, которые знаютъ *ф*. Таковы говоры, напр, въ Тотем. у. : Митрофан, Ф одор, картофел' Офонасей: *хв* для *chw : хворос, хвастат' (опис. О. Брока). Нѣкоторые изъ этихъ говоровъ, имѣющихъ *х* вм. *ф*, представляютъ ясное указаніе на то, что *х* такого происхожденія не совпадало въ своей исторіи съ исконнымъ *х*: вм. **х* многіе изъ этихъ говоровъ имѣютъ *ф* или во всѣхъ случаяхъ, или при опредѣленныхъ условіяхъ. Ср. говоры Кирил., Бѣлозер. уу.: фодит, фаять, фто, лефко, иф; но—хома, хыркаетъ; хонарь, хартук, сарахан... Для уясненія физіологическаго пути *ф* ⟶ *х* примемъ во вниманіе, что въ этихъ говорахъ *х* замѣняетъ собою также w изъ *wъ, *wь съ утраченными ъ, ь: дѣхка, х черкох, крох,... х[г]дохцю... Слѣдовательно, необходимо полагать въ судьбѣ *ф* стадію безголоснаго билабіальнаго *ф*, при образованіи котораго задняя часть языка приподнималась противъ задней части мягкаго неба. Въ дальнѣйшемъ пріобрѣтала большее значеніе артикуляція заднеязычная; губная же артикуляція, становилась менѣе активной:— развилось образованіе лабіализованнаго *х*. Такой же процессъ переживался и w передъ согласнымъ или въ концѣ слова; глухой заднеязычный спирантъ былъ вызванъ ассимиляціей къ слѣдующему глухому согласному или положеніемъ въ концѣ слова. Но передъ звонкимъ согласнымъ и предъ глас. находится звонкій фрикативный: гнук, гдом, гызбу (въ избу).— Сравните аналогичный процессъ по говорамъ болгарскаго языка: съ одной стороны 'аркат-хвъркат или утрата ˢ, съ другой ch въ—охци.

Передъ согласнымъ въ сѣв-великорусскихъ говорахъ вм. *ф* находится *х*: Онохрій, Хлор, Агахья

хлигерь. Отсутствуетъ губной неслоговой звукъ въ этихъ случаяхъ не только въ говорахъ съ *х* вм. *ф* передъ гласн. и въ концѣ слова, но и въ другихъ говорахъ,—съ *хв (ф)* въ этихъ положеніяхъ. Отсутствіе губного неслогового звука между согласными (xw+согл.) вызвано ассимиляціями въ этихъ звуковыхъ группахъ. Это явленіе свойственно всѣмъ русскимъ діалектическимъ группамъ.

Въ прочихъ русскихъ языковыхъ группахъ, южно-великор., бѣлорус., малорусской, вм. *ф* передъ гласнымъ находится обычно *хв* или *xw* или *хф*—съ *ф* билабіальнымъ, или *х*. Наличность двухъ звуковыхъ передачъ для *ф* могла находиться не только отъ положенія въ словѣ, подъ удареніемъ (*хв*) или внѣ ударенія (*х*), отъ сосѣдняго гласнаго (*ху*—вм.—*фу*—), но и въ зависимости отъ источника, откуда перенималось данное звуковое сочетаніе съ f: одни сочетанія переходили къ носителямъ даннаго говора черезъ такое діалектическое посредство (русское и нерусское), гдѣ слышалось chv (chw) вм. f; въ другихъ случаяхъ, то или иное сочетаніе шло такимъ путемъ, что воспринималось носителями даннаго говора билабіальное f, передававшееся ими соотвѣтствующимъ образомъ. Дальнѣйшія измѣненія, происходили внутри отдѣльныхъ русскихъ говоровъ. Внѣ фонетическихъ процессовъ передача чужого f оставалась въ тѣхъ заимствованныхъ словахъ, которыя приходили позднѣе и приходили разными путями: ср. напр. *хунт* и *хвурашка* въ одномъ и томъ же говорѣ.

к—х.

Въ говорахъ Сибири отмѣчено *х* вм. предлога *к* и указаны обстоятельства этой смѣны. То же явленіе,

представлено очень многими сѣв.-великорусскими и средне-великорусскими говорами. Изъ европ. Россіи и вынесли предки нынѣшнихъ сибиряковъ сочетанія съ предлогомъ *х* вм. *к*. Передъ звонкими зубными—*г*. По говорамъ *г* является иногда длительнымъ (передъ нѣкоторыми звонкими согл.). Нѣсколько примѣровъ: Холмогор. у.: х торгу, х кузнецу, х попу, г дереву, г дому, г жилью. Вологод. у.: х попу, х тибѣ, х [?] дому (Оларев. в.). Николь. у.: иду х попу, г дереву. Камышлов. у.: х попу, х часам... Слобод. у.: х черю, г залѣзу. Бѣлозер у.: х царю, не г добру (с. Лихачево и др.). Костром. г.: х кузнецу, г (Омст.) городу (Чухлом. у.). х приходу, г березѣ, г деревнѣ, г землѣ (сѣв.-зап. ч.). Владим. г.: х попу, х хузнецу, х царю. Москов. у.: х баушти, х празнику (с. Радомля). Въ говорахъ съ *х*⟶*ф* находится *ф* (*в*) вм.—*х*⟵*г*—*к* : ф Павлу, в дереву (Бѣлозер. у.).

По говорамъ на сѣв.-западѣ европ. Россіи представлена иная судьба предлога *к* : вм. него находится *т*. *т* отвлечено отъ сочетаній *кк*—(к-коню...), въ которомъ, вслѣдствіе диссимиляціоннаго процесса, произошла передвижка затвора въ первой части сочетанія взадъ: *кк*⟶*тк*. Если этотъ процессъ не отразился на *кк* срединномъ (лекко, мякко...), то это потому, что въ послѣднихъ случаяхъ *кк* представляло собою одинъ согласный *к* болѣе длительной выдержки, при двухъ напорахъ или уже при одномъ напорѣ струи воздуха, а *кк*-въ предложномъ сочетаніи не представляло такого образованія, вслѣдствіе того, что чувствовалась въ сочетаніи и часть, относящаяся къ предлогу, и часть, относящаяся къ имени. Бѣлозер.

у.: т кузнецу, т крышѣ, т корыту. Тихвин. у: т коню, т хозяину. Псков. у.: т Богу т писарю, т полю.

к', г', х'.

к', *г'*, *х'*, вм. *к*, *г*, *х* послѣ j и мягкихъ согласныхъ (чайк'у, Ван'к а...), отмѣченные въ отдѣльныхъ говорахъ Сибири были унаслѣдованы отъ говоровъ европ. Россіи. Таковы говоры въ юж ч. Вятской г., въ большой ч. Вологод. г., въ ч. Пермской г., въ вост. ч. Новгор., въ ч. Костромской, въ Ярославской и нѣк. др. Напр. изъ Волог. у.: копейкя, чайкю, Ванюшкя, дочкя, столькё, банькя. Грязовец. у.: дерьгять, зерькяло, деньгям, на верьхю, доцькя, петачкю. Камышл. у.: Варькя, дочкя. О другихъ говорахъ см. въ изслѣдованіи Д. К. Зеленина: «Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ заднеязычныхъ согласныхъ» (Спб. 1913).

к' ⇝ *т'*, *г'* ⇝ *д'*, встрѣчающіеся по говорамъ Сибири, находятся также въ связи съ такимъ же явленіемъ, представляемымъ нѣкоторыми говорами на сѣв.-востокѣ европ. Россіи. Напр., въ Шенкур. у.: Мартел, анделы, Сердѣй. Елабуж. у: бастяе. Шире и значительнѣе такое образованіе *к'*, *г* отражается въ говорахъ средне великорусскихъ.

v, w, неслоговое у.

Неслоговое *у*, а не губно-зубное *в*, въ концѣ слога, представляемое отдѣльными говорами въ Сибири, находится въ родственной связи съ такимъ же образованіемъ въ тѣхъ или иныхъ говорахъ на сѣв.-востокѣ европ. Россіи. Неслоговое *у* въ этомъ положеніи имѣютъ говоры Вологодской губ., и далѣе на

сѣв. западъ въ Новгор. и Олонец. губ. и на сѣв. востокъ въ Арх. г., и на востокъ, въ Вят. г.[1])—дѣwка, owця, sawcё, поддёwка, dawno krow, korow. Въ однихъ и тѣхъ же говорахъ отмѣчены при сочетаніяхъ съ w (w—*y* неслог.) и сочетанія съ v. Напр. korow и короф въ Тотем. у. (Мольскій прих.), любоф dewka въ Вологод. у, товарow и товароф въ Великоустюж. у.

На неслоговое *y* въ говорахъ Вологод. и Арх. г.г можетъ указывать и передача зырянами русскихъ заимствованій: javka, lavka, съ v.[2]),

Стадія съ неслоговымъ *y*—w вм. *wъ, *wь была пережита и тѣми сѣв.-великорусскими говорами которые имѣютъ *x* (*г*), а не *ф* (*в*) передъ согласнымъ или въ концѣ слова. Неслоговое *y* или билабіальное w измѣнялось въ этихъ говорахъ въ направленіи, одинаковомъ съ измѣненіемъ билабіальнаго f: вмѣсто нихъ развивались образованія длительнаго *г* или *x* (передъ глухимъ согл. и въ концѣ слова): ср. выше замѣчанія о ch и f. Бѣлозер. у.: дѣхка, верёхка, хлѣх, кузох, х черкох крох, любох х[г?]дохцю, охторник, глѣсѣ, гуглу. Кирил. у.: гнук, гдовец, глѣво, гдом гызбу... Борович. у.: оны г ворота въѣжжали. х поѣздѣ, г [h] рѣки, х угороду. Шенкур. у. мужикох (на югѣ). Орлов. у. Вят. г. х Полянах неглубоко тожё. Ср. въ русской рѣчи чебоксарскихъ чуваш: во творох, около [в] лѣсах рублехка. *x* въ этихъ случаяхъ не относится къ «неправильностямъ рус

---

[1]) А. А. Шахматовъ. Очеркъ древн. періода исторіи рус. языка. 289—290.

[2]) Ialo Kalima. Die russischen lehnwörter im Syrjänischen. 102, 171.

ской рѣчи у чувашъ», какъ полагалъ В. А. Богородицкій[1]), а есть отраженіе соотвѣтствующаго явленія русскаго говоренья той мѣстности. То же явленіе представляютъ и говоры Касимовскаго у. Ряз. г., обслѣдованные Е. Ѳ. Будде [2]). Пережито было это измѣненіе и нѣкоторыми другими русскими говорами (напр. г лісі, х сой баби г воду, трёх сынох—въ говорахъ галичскихъ и угорскихъ лемковъ)

Въ говорахъ сѣв.-великорусскихъ областей съ неслоговымъ *у* въ концѣ слога, неслоговое *у* или слоговое *у* находится вм. начальнаго сочетанія *wъ, *wь передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія. —wдрук, усѣм, усѣх, у дорогѣ, ураг (*у*—неслог. ?), урёш (Въ Устюж. у. Волог. г.). унук, удова или wдова, w других мѣстах (Бѣлозер., Демян. уу.).

При слѣдующихъ условіяхъ, неслоговое *у* было извѣстно не только говорамъ съ неслоговымъ *у* (w) въ концѣ слога, но и другимъ сѣв. великорусскимъ говорамъ, имѣющимъ *в* (*ф*) въ этихъ положеніяхъ: 1) между гласными передъ гласнымъ *у*, а по говорамъ и перецъ другими гласными; 2) передъ *с, з*. Въ этихъ положеніяхъ произошла затѣмъ утрата неслогового *у*. Эту черту унаслѣдовали и сибирскіе говоры. Нѣсколько примѣровъ. 1) трау, дѣушка, короушка, лоушка, соушка, зоут, жиут, криули свекровку журлиу. Такъ по разнымъ сѣв.-великорусскимъ говорамъ. раздаила, заивать (Грязовец. у.). жыjот (Глазов. у. Вят. г.), безъ *в*, какъ и въ—жыут, жыjи. how, борow..., но—нои (им. мн.), короа, бороа крои, ниа, Паел (Кирил. у., д. Пиксимова).

---

[1]) Учен Зап Казан. Унив-та, 1900 г. XII.
[2]) Учен. Зап. Каз. Унив-та, 1896 г., VШ—IX, 177—179

Неслоговое *у* передъ *а* въ Бѣлозер. у. Новг. г.: слаwа (д. Лихачева). 2) ws⟿s, wz⟿z: стану (встану), стань, спомянешь спомнил, сток (востокъ), здумал, здор, здвиженьё; по говорамъ—с'о (все). Но съ *в (ф)*: стриц'а при фстриц'а фстан', вздор (Тотем. у.; опис. О. Брока). фсеих фсеим (Верхотурье Перм. г.).

ws⟿s въ срединѣ слова: москоськой, терехоськой, остроськой верхоськіе такоськой и т. п.

л въ образованіи *трелога* предки сибиряковъ принесли изъ европ. Россіи. «трелога», «треложить» можно отмѣтить въ говорахъ Арх., Волог., Вят., Перм., Новгор. гг.

w—b, w^b или b^w. То образованіе w, какое отмѣчено на востокѣ Сибири (въ колымско-анадырской группѣ, а также въ Верхоленскомъ у.) появилось въ Сибири, въ связи съ иноязычнымъ элементомъ.

b^w или w^b свойственно фонетикѣ многихъ языковъ сѣв.-восточной и юго-восточной Сибири.

Такой неслоговой звукъ, представляетъ одну изъ чертъ звукового состава монголо-бурятской группы. По отношенію къ говорамъ восточной Монголіи имѣется указаніе у А. Д. Руднева: *б*—губогубной слабый смычный звукъ *б*, нерѣдко имѣющій характеръ спиранта, чередующійся съ w. Такой звукъ произносится не только въ положеніи между гласными, но и въ началѣ слова и передъ согласными. Передъ сильными смычными наблюдается даже *ф*. Ср. и опредѣленіе природы w: «w—губогубной слабый спирантъ (между *у в, б*) (въ русской грубой транскрипціи нужно передавать черезъ *б*, такъ какъ акустическое впечатлѣніе русскаго зубо-губного *в* совершен-

но другое)» [1]). Такой же слабосмычный b находится въ бурятскихъ говорахъ [2]).

Въ русскихъ заимствованіяхъ или въ русской рѣчи вообще вм. v подстанавливается свое w^b: бор'бло, бор'бjo (воробей) и др. въ хорибурятскомъ говорѣ; дбʷа, дебʷет, въ говорѣ с. Баяндай отмѣчены были выше (41). Поэтому, «сколько труда и времени долженъ употребить инородецъ на усвоеніе такихъ буквъ, какъ *б* и *в* (вм.: вѣдь, весна бурятъ говоритъ: бѣдь, бесна).»—жалуется одинъ дѣятель по народному образованію въ Забайкальѣ [3]).

Слабосмычный b, чередующійся съ w находится также по говорамъ тунгусской группы. Объ этомъ можно заключать на основаніи слѣд.: въ однихъ записяхъ употребляется *б* (b), въ другихъ *в* (w). Такъ, для говора кондогирскихъ тунгусовъ (въ Киренскомъ окр, въ области между Ниж. Тунгуской и устьемъ Илимпеи) сообщено: awdénna (листъ), awdú (мощь, скотъ), awgará (здоровъ). Въ записяхъ для другихъ тунгусскихъ говоровъ соотвѣтствующія образованія переданы съ *б* (b): abdänna—у вилюйскихъ тунгусовъ, abdu—у анадырскихъ и нерчинскихъ тунгусовъ, abgara—у нерч. тунгусовъ[4]). Для говора тунгу-

---

[1]) А. Д. Рудневъ Матеріалы по говорамъ восточной Монголіи. Спб. 1911. 169, 182. Ср. также у G. J. Ramstedt'a: Über die konjugation des Khalkha Mongolischen. Helsingfors. 1902, стр. XI.

[2]) А. Д Рудневъ Хори—бурятскій говоръ. В. I. Птгр. 1913—14. 20.

[3]) «Забайк. Областныя Вѣдом.», 1900, № 69.

[4]) A. Czekanowski's tungusisches Wörterverzeichniss, herausg. von. A. Schiefner (Bulletin de l'Acadmèie des sciences de St.-Ptb. t. XXIV, 94).

совъ Нерчинскаго окр. Кастренъ наблюдалъ «мѣну b и w: kubun, kuwun (пухъ) suwgin subgin (дымъ, паръ) [1]).

Существуетъ bw и по говорамъ якутскаго языка. «Б schwächt sich bei einigen stämmen der Iakuten zwischen zwei Vocalen nicht selten zu в oder vielmehr zu englischen w.[2]). Въ русскихъ замствованіяхъ находится *б* вм. рус. *в*: голобо, кулуба (голова), бінтіаппа (винтовка) Уібан или Ыбан (Иванъ), чарба (черви), сібінія (свинья), доробо (здорово), сібатаі (святой) и др.

Имѣютъ b^w или w^b и юкагирскіе говоры. Юкагирское *б*—«звукъ средній между *б*—*в*», по наблюденію В И. Іохельсона. «Въ тундряномъ нарѣчіи встрѣчается звукъ, похожій на англійское w. Между двумя гласными *б* очень близко подходитъ къ *в*»[3]). Въ русскихъ заимствованіяхъ *в* передается посредствомъ *б*: бобча (вовсе), Мітріабіч' (Митревичъ), кобородa (сковородa); олуба (олово), бінна (видно); также и съ рус. *б*: lубу (либо), пролуба (пролубь) [4]). Въ матеріалахъ же собранныхъ бар. Г. Майделемъ, русскія заимствованныя слова переданы съ w вм. рус. *в*; повидимому

---

[1]) A. Castrén. Grundzüge einer tungus. Spachlehre. Stb. 1856 4.

[2]) O. Böhtlingk. Jakut. Gram. Spb. 1851. 158.

[3]) В. И. Іохельсонъ. Образцы матеріаловъ по изученію юкагирскаго языка и фольклора Спб. 1898 (Отт. изъ Изв. Ак Н, т. IX, № 2), 153.

[4]) Взято изъ сбор. Іохельсона: «Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собран. въ Колымскомъ округѣ». Спб. 1900; 114, 194 155, 65, 33, 46.

w=w^{b}, lowùska, prawidai (править); рус. *б*—b. kabú (кабы) [1]).

Такой же звукъ, w^{b}, b^{w}, имѣется и въ чукотскомъ языкѣ [2]). Ср. *в*, w въ передачѣ заимствованій съ *б* (b) и *в*: tawach, taakh (табакъ), чајван (сайба), kopowalrhын (корова) [3]).

Извѣстенъ этотъ звукъ и въ эскимосско-анадырскихъ говорахъ. Сочетанія съ *в* (w или неслог. *у*) встрѣчаются тамъ рѣдко. См. въ матеріалахъ, собр. Н. Л. Гондатти и обработанныхъ Вс. Миллеромъ [4]).

Воздѣйствію той или иной иноязычной группы (кромѣ эскимосской) обязано присутствіе слабосмычнаго *б* вм. *в* въ русской рѣчи на сѣв. востокѣ Сибири.

Плавные.

Въ великорусскихъ говорахъ Европы въ рядѣ отдѣльныхъ сочетаній употребляется *р* твердый вм. мягкаго. Это въ слогѣ *ры*. Нѣкоторыя слова съ *ры*

---

[1]) Über Baron Gerh.. von Maydell's jukagirische Sprachproben von A. Schiefner. (Bulletin de l'Acad. des Sciences de StP., t. XVII, 187).

[2]) См въ статьѣ Радлова: Über die Sprache der Tschuktschen und ihr Verhältniss zum Korjakischen (Mémoires de l'Acad. des Sc. de StP., t. III, № 10 ; у В. Г Богораза: «Образцы матеріаловъ по изученію чукотскаго языка и фальклора» (Изв. Ак. Н., 1899, мартъ, т. X, № 3)

[3]) Изъ вышеуказанныхъ статей и изъ сборн Богораза: «Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собр въ Колымскомъ окр.». Спб. 1900.

[4]) Ж. Стар., VII, в. 2, 149—150.

являются широкораспространенными по великорусскимъ говорамъ Такъ. *скрып*, *крыло*, *грыбы*, *крынка*, *прынец* извѣстны во всѣхъ великорусскихъ областяхъ. *крык*, *крычит* и т. п употребляются во всѣхъ, кажется сѣв.-великорусскихъ говорахъ. Такъ и въ Устюженскомъ словарѣ 1757 г. Въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ употребляются еще слѣдующія слова съ *ры*: товарыщ рыскнуть, рынуться, скрыпка, стрылѣть (и—стрилить). Въ Шенкур. у. и -рымское царьсво. Въ Буйскомъ у., Костром. г. -капрызный. По сѣв.-великорусскимъ говорамъ встрѣчаются, хотя и рѣже, и сочетанія съ *ри* : скрип, кринка (напр. въ Грязовец. у.), крик при -крычеть товариш (въ Тотем. у.), крык и крик, скрыпѣть и скрипѣть, грыбы и грибы, стрычь и стричь, крынка и кринка, Ґригорей и Грыгорей (сѣв. зап. ч. Костром. г.). Во всѣхъ этихъ случаяхъ *ры* вм. *ри* не представляетъ собою отраженія результата фонетическаго отвердѣнія *р'* : *ры* вм. *ри* появилось въ однихъ изъ этихъ сочетаній въ связи съ родственными образованіями, имѣвшими твердый *р* (товар -ищ), или въ связи съ образованіями, близкими не этимологически, а по значенію (крычать—рычать), или же на *ры* отражается звукоподражаніе (скрып). *ры* въ заимствованныхъ словахъ передаетъ собою чужой, зап.-европейскій твердый г : рым, прынец капрызный... Съ *ры* передавались нѣкоторыя изъ этихъ заимствованій и раньше : рымъ, прынць.

Тѣ особо-раскатистые и болѣе задніе плавные *р'* и *р*, а также фонетическое отвердѣніе *р'*, представляемое говорами восточной Сибири, не извѣстны великорусскимъ говорамъ европ. Россіи. Указанное явленіе фонетики сибирскихъ говоровъ, развилось толь-

ко здѣсь, въ Сибири. Происхожденіе этого явленія, обязано, вѣроятно, сибирскому иноязычному воздѣйствію. Сильно раскатистый r имѣютъ говоры монгольской группы Такой r находится по говорамъ восточной Монголіи [1]), въ халхаскомъ говорѣ [2]). О бурятскомъ r не располагаю свѣдѣніями Знаю о немъ только по говоренью Цибена Ж. Жамцарано (агин.): его r близокъ по своему образованію r русскихъ говоровъ. Совсѣмъ ничего не знаю объ образованіи r въ тунгусскихъ говорахъ.

l⇒j. Въ говорѣ Попонаволоцкаго и Сюмскаго приходовъ Шенкур. у., какъ сообщилъ мнѣ старый народоволецъ М. П. Овчинниковъ архангельскій уроженецъ, утрачено образованіе плавнаго l : вм. него выступаетъ j : јавка. Населеніе этой мѣстности и по своему внѣшнему виду отличается отъ прочаго населенія: высокіе, блондины съ большимъ орлинымъ носомъ. Наблюденіе М. П. Овчинникова относится къ 50—60 г г. прошлаго столѣтія Въ описаніи говоровъ Шенкур. у., сдѣланномъ В. Мансикка («Изв. Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н.» 1912 г., т. XVII, кн 2), не имѣется указанія на j⇐l, Затѣмъ въ сѣв. восточной части Гдовскаго у. въ мѣстности Сомро, представлено то же явленіе: бояля, бояля—да и языкъ заболѣлја (болѣлъ, болѣлъ, даже языкъ заболѣлъ [3])).

---

[1]) А Д. Рудневъ, Матеріалы, 170.

[2]) Ramstedt. Über die konjugation des khalkha-mongolischen, X.

[3]) Какъ видно, причастная форма муж. ед. ч. оканчивается на —*л'а* внѣ ударенія вм. *ле*; ср. еще: кань-то (конь то) побѣгля, да сам прискаколя; подъ удареніемъ вм. *о* находится *а*. соцыла (—Іа?), соцыла и не нашле; ср. подъ удар.—*ле*

Въ рус. говореньѣ *пермяковъ* вм *л*(*л'*) встрѣчается также j: куда ты взъетѣлъ мой сокойчекъ, оставъя ешь. оставій, икъ (ликъ), опай (опали), съ поя (поля), на бѣвокаттанномъ на войокѣ, рукодѣйце[1]).

Въ говорахъ Сибири было отмѣчено j не только вм. l, но и вм r. Такъ въ говорахъ на Колымѣ и у береговъ Охотскаго моря съ одной стороны, и въ говорѣ женщинъ Минусинскаго и Канскаго окр. съ другой. М. - б. j вм. плавныхъ занесено было въ Сибирь изъ Европ. Россіи. Но и въ теченіе жизни въ Сибири были обстоятельства, при которыхъ могъ появиться j вм. плавныхъ И въ Европ. Россіи и въ Сибири появленіе j вм. плавныхъ обязано было иноязычному элементу. Въ Европѣ это вліяніе исходило вѣроятно отъ финской среды.

l→j извѣстно по говорамъ самоѣдской группы. ennel, innei, kalmel, kaimel, kaimei, iral, irai; akal, akai (енис діалектъ). kol'a, koja (остяк-самоѣд. діалектъ)[2] . Если то же явленіе представлено въ говорѣ тамошнихъ русскихъ, то оно могло быть обязано самоѣдскому воздѣйствію.

Обстоятельства происхожденія колымскаго «сладкоязычія» неясны. Отмѣтимъ только, что j вм. r часто встрѣчается въ чукотско-коряцкой группѣ. «r ...im Korjakischen wird es in der Regel zu j, [g, h] i, i»: muju (чукот. muri), tuju, (чук. turi), ojak'an (чук. horatk'ik)

(Ж. Стар. VIII. кн. 2, 235—236). Недавно Н. М Каринскій указалъ на прич. формы м. ед. съ окончаніемъ *л е* въ говорѣ селенія Мда Гдов. у. Съ тѣмъ же окончаніемъ употребляется форма и для ж. р. ед., а также и во множ. ч. для м и ж р. («Журн. М. Н, Пр.» 1916 г., февр , 234).

1) Ж. Стар. XIII, 1—2, 93, 87, 81.

2) A. Castre'n. Gram. der samojed. Sprachen. 100,99.

и др. [1]). Въ языкѣ юкагировъ встрѣчается j вм. l [2]). Съ другой стороны, появляется l вм. j: ср. юкагирскую передачу русскаго заимствованія «пай»: пal [3]) Но если колымское «сладкоязычіе» мѣстнаго происхожденія, то подъ какимъ воздѣйствіемъ развилось такое же явленіе въ говорахъ Канскаго и Минусинскаго окр., отражающееся въ рѣчи тамошнихъ женщинъ? Указать, хотя бы предположительно, иноязычную группу, которая могла бы оказать вліяніе въ этомъ отношеніи, совсѣмъ не можемъ. Приходится пока ограничиться вопросомъ: не изъ Европы ли занесено j-канье вм. l, r этихъ говоровъ?

Тому плавному *рл* который былъ указанъ въ русскихъ говорахъ Туруханскаго края («мѣрлой альсинъ»), имѣется соотвѣтствіе въ енисейскомъ самоѣдскомъ діалектѣ -хантаи: въ этой діалектической группѣ выступаетъ особаго образованія плавный: r и l-«wie ein einziger untrennbarer Laut und auf die Weise ausgesprochen, dass r das Übergewicht behält». Этотъ плавный представленъ вм. финноугор. l и r между гласными [4]).

l вм. r въ русскихъ говорахъ Туруханскаго края также находится въ связи съ тамошнимъ иноязычнымъ говореньемъ,—воздѣйствіемъ носителей самоѣдскихъ говоровъ. Ср. напр. самоѣдскую передачу: lûsa, lûca вм. «рус—(скій)».

---

[1]) Radloff. Über die Sparche der Tschuktschen. 15.

[2]) Bulletin de l'Ak. der Sc., t. XVII, 99.

[3]) Матеріалы, собр. Іохельсономъ, 111.

[4]) A. Castrén. Gram. der samojed. Sprachen. 11, 88. Ср. также въ Keleti szemle, XIII, № 3 (1912, Budapest), 261, 274.

л⟿w. Неслоговое *у* вм. *л* въ концѣ слога—наслѣдство русскихъ говоровъ европейскаго сѣв.-востока [1]). Это явленіе представляютъ говоры Вологод. г., сосѣднихъ областей Арх. г., Тихвин., Устюжен., Кириллов. у.у., Новгор. г., говоры Олонец. г., въ ч. Солигаличскаго и въ ч. Буйскаго у.у. Костром. г., въ Соликамскомъ у. Перм. г.—гowчу (w—неслог. у), на тѣлѣ шowк, въ брюхѣ щowк; дowго, ходиw, видяw, мowвиw; лv измѣнилось фонетически въ v, а лw⟿w: братewко, замовь словечушко за мня (Шенкур. у.); мовити, промовь (Каргоп. у.); указано для Вологод. г. и «мowвиw» (Собол. 15). Въ Тотем. у., въ разныхъ мѣстностяхъ, встрѣчаются сочетанія съ *л* и w въ концѣ слога.

Имѣются и такіе сѣв.-великорусскіе говоры, которые имѣютъ неслоговое *у* (и *в*?) вм. *л* и передъ гласнымъ: вариwа, миwово, шwа, и даже—тавь[w?] яноцьку (Новг. г. Пятниц. прих. на Вешарѣ). пойво (*в* или неслог. *у*?), *в* даже передъ гласнымъ передняго ряда: шавить (Каргоп. у. «Ж. Ст.» II, 3, 157).

Въ звуковомъ составѣ сѣверо-западныхъ говоровъ пермяцкаго языка имѣется плавный l': жöлj, пелj, вілj. Употребляется l и передъ гласными e, i, но не послѣдовательно: вм. него выступаетъ *в*(v). Передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слога находится *в* (v): ванjтöтны (ю.-з. ланjтöтны), вебзіны (ю. з. лебзины), вöг (ю. з. лöг), вым (ю.-з. лым) кыв (ю. з. кыл), керавны (ю.-з. кералны)... То же отражается и на русскихъ заимствованіяхъ: кöбыва (ю.-з. кобыла),

---

1) Къ началу стр. 47-й Неслоговое *у* вм. *л* (даw...) отмѣчено мною и въ говорѣ женщины изъ с. Урикъ, недалеко отъ Иркутска.

ковпак (ю.-з. колпак), вошадj (ю.-з. лошадj), кодів (ю.-з. коділ), вомав (ю.-з. ломал) и др. [1]). То же и въ русскомъ говореньѣ пермяковъ: и любива ты и бива ученича [учительница] моя! на бѣвокаттаномъ на войокѣ; бвагосъовъенница, бвагосвовъяйте, рукодѣьйице, въ поѣ[2]). «дѣдъ Пилипъ не става обѣдать, а бабка сидѣеу, обѣдалъ и никого не видѣулъ.— звукъ л въ концѣ слова нельзя передать на бумагѣ, онъ представляетъ изъ себя переходъ отъ «елъ» къ «улъ» и къ «олъ»[3]), т. е. неслоговое *у* или *л*. Но не ясно то же ли значеніе имѣетъ *в* вм. *л*. Эта фраза, какъ повидимому, и другія записи относятся къ пермякамъ Инвинскаго края (по обоимъ берегамъ Инвы). Цитируемая статья помѣчена: «с. Юсьва Соликам. у.». Передъ *о* неслоговое образованіе вм. *л* утрачено; но гласной *о* въ слоговомъ отношеніи къ предшествующему согласному не примкнулъ.: бвагосъовъенница, войокѣ.

Въ этомъ говореньѣ, какъ видно, вм l‘ говорятъ j (или неслог. i): рукодейице .. По всей видимости w, в вм. *л* передъ гласнымъ въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ представляетъ собою результатъ воздѣйствія финскаго элемента.

Въ говорахъ Арх., Вологод., Вят., Перм.. Новгор. въ рядѣ образованій находится *л* вм. *л‘* (*ль*). Таково образованіе *болшой* и т. п. *л* вм. *л‘* въ указанныхъ

---

[1]) Н. Роговъ. Опытъ грамматики пермяцкаго языка. Спб. 1860 V--VI, 7—8 и въ другихъ мѣстахъ. Ar. Genetz. Ost-permische Sprachstudien (Journal de la Soc. F.-Ougr. XV). 50.

[2]) Ж. Стар. XIII, 1—2, 94, 87, 88, 82, 81.

[3]) Тамъ же, 53.

областяхъ имѣется и въ другихъ случаяхъ передъ *ш*: *долше*. Въ тѣхъ же говорахъ представлено *л* передъ суф. *н* (прежнее *ьн*): болной, болно, силной, волно, свитилна, осталной, колоколна.—болше, болной—и въ с. Ивановскомъ Кубанской обл. (при яканьѣ и иканьѣ, при неслог. *у*←ш*л* въ концѣ слога). *малчикъ* въ Волог., Перм., Вят г.г. *палцем*, *шелма*, *полза*, *палто* и др. въ Грязовец. у.[1]). львов, толко въ Тотем. у.[2]). столько въ Яхреньгѣ Никол. у. Нѣкоторыя изъ этихъ образова ній съ *л* твердымъ принесены были въ Сибирь. Твер дый *л* смѣнил собою мягкий *л* въ указанныхъ соче таніяхъ при одномъ изъ слѣдующихъ двухъ обстоя тельствъ. 1) *л'*ш→*л* подъ вліяніемъ артикуляціи со сѣдняго согласнаго: болшой болно... Ср параллельное явленіе въ болгарскомъ языкѣ: болен съ *л*—среднимъ, болна—съ *л* твердымъ. 2) Дѣйствовала аналогія,— вліяніе родственныхъ формъ съ *л* твердымъ: коло кол-на, мал-чик... Появленіе *л* вм. *л'* (ль) относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ *л*ш→*у* неслог.: въ говорахъ съ неслоговымъ *у* вм. *л* передъ согл. и въ концѣ слова имѣется *л* въ—болшой, болной, коло колна и др.

l. По говорамъ сѣверо-восточной европ Россіи, преимущественно въ говорахъ Вологод. г. а так же въ Вятской г, въ Солигал. у. Костром. г. вм. *л* велярнаго находится образованіе «средняго», «евро пейскаго» l, т.-е. такого l, при образованіи котораго языковое тѣло не отодвинуто далеко взадъ. Такой l произносится передъ гласнымъ звукомъ.

---

[1]) Рус. Ф. В 1912, № 4, 273.

[2]) Матер. IX, 671. Но въ юго-западной части уѣзда—л'': колокол'на, бол'ной, тол'ко. О. Брокъ. 147.

Напр., изъ говора Грязовец. у.: дала, lапти, милая, шкоly, маслодѣlом, но—маслодѣw; l и въ—lва. Этому переходу не подвергся велярный *л* въ концѣ слога: вм. него произносится неслоговое *у*: моwнея, поwк, поwзат, маслодѣw. Въ сторонѣ отъ этого процесса (л⇒l) и твердый *л* вторичный, замѣнившій собою прежній *л'*: болно, болшой и др. Какъ видно, появленіе l относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ *л*⇒неслог. *у*, но болѣе раннему, чѣмъ замѣна или вытѣсненіе *л'* посредствомъ *л*: болшой, болной... Итакъ:

1) вълкъ, дала, бол'ьна.
2) волк, дала, бол'на.
3) вожк, дала, бол'на.
4) воwк, дала, бол'на.
5) воwк, дала, болна.

л' (l') находится по говорамъ и передъ согласнымъ, вм. велярнаго *л* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по какимъ-то обстоятельствамъ не представлено *л*⇒неслог. *у*: дольго, дольги, мольнія при--вожк, моwва, рубиw и др. (Тотем. у. Куракин. в.).

l вм. велярнаго *л* извѣстенъ въ отдѣльныхъ ли говорахъ или въ индивидуальномъ произношеніи въ Тульской и Орловской г.г.—хадила, правадила, вал'нка; звукъ l часто слышится въ рѣчи женщины из. д. Трыковой Драгун. в Карачев у. [1]). *л*, близкое къ французскому l, «слышимое особенно въ женскомъ говорѣ»: пришла, была—въ Елецкомъ у. [2]). l или

---

1) Е. Ѳ. Будде. Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. т 76, стр. 69—71.

2) Стаховичъ. Исторія, этногр. и статистика Елец. у. М. 1858. Соболевскій. Очеркъ р. діал. 16.

«нѣсколько мягче французскаго l» передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слова записано Е. Ѳ. Будде въ Новосильскомъ у. Тульской г. отъ женщины изъ с. Зарѣчья: пълатном карьмила, налобник, кич'ка на hолую hолâву, с полу, три пакlона паlожыть на пâl, за́ стol, пълажыl и др. [1]). «мы заблудилис там»—отмѣчено въ Новоторжскомъ у. Твер. г. [2]). Происхожденіе l въ говореньѣ лицъ Орлов. и Тул. г.г. по всей видимости иное по сравненію съ l *на свз.-востокъ*. Для орловской и тульской областей (—не говоря уже о единичности примѣра для Новоторж. у.) необходимо узнать, какъ широко распространено въ той мѣстности употребленіе l: говоренью всего ли населенія оно свойственно, или оно ограничено рѣчью дѣтей и женщинъ, или вовсе это—черта индивидуальнаго произношенія? На основаніи имѣющихся данныхъ приходится считать l чертой женской (и дѣтской) рѣчи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тул. и Орлов. г.г. М. б., манера произношенія l вм. *л* появилась внутри этихъ говоровъ, внѣ связи съ иноязычнымъ говореньемъ. Что же касается сѣв.-востока, то тамъ появленіе l, какъ и ɯ вм велярнаго *л* передъ гласнымъ задняго ряда, развилось въ связи съ иноязычнымъ воздѣйствіемъ,—финскимъ. Сравните образованіе l, напр., въ мордовскихъ говорахъ: «l postdentaler l-laut, der nicht so hell wie das gewöhnliche finnische l lautet, anderseits aber sich entschieden von dem dunklen russischen *л*

---

[1]) Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. 76, стр. 15—18.

[2]) Труды М. Діал. К. 1, 338.

unterscheidet» [1]). Сравните съ этимъ и русское говоренье мордвы съ l вм. рус. *л*. То же и у черемисъ: *продаль*, забуль (Яранскій у.) [2]).

По говорамъ восточной Сибири употребляется передъ гласнымъ «среднее» l вм. велярнаго *л*. Такого образованія l могъ быть унаслѣдованъ отъ сѣв.-великорусскихъ говоровъ Европы. Но возможно, что л→l развилось только во время пребыванія русскихъ въ Сибири,—развилось въ связи съ иноязычнымъ элементомъ. На сѣв.-востокѣ, въ чукотскомъ языкѣ, плавный l «произносится, какъ романо-герм. l» (Богоразъ), «l scheint immer weich gleich dem deutschen l ausgesprochen zu werden» (Radloff). Такое же l на востокѣ и юго-востокѣ, въ нѣкоторыхъ бурятскихъ діалектическихъ, напр. въ Агинской группѣ. «У моихъ знакомыхъ бур. Аг. я наблюдал въ сочетаніи съ болѣе задними гласными средній l, т. е. вродѣ англійск. л въ all—всѣ, и кромѣ того, конечно, л'. Интересно, что у этихъ лицъ въ ихъ русскомъ произношеніи не было л, а всегда l или даже л'» [3]). Такое же l извѣстно говорамъ восточной Монголіи [4]).

Среднее l, при велярномъ *л* (?) и при *л'* существуетъ также въ тунгусскихъ говорахъ.

ч. ц.

Образованіе согласныхъ *ч*, *ц* въ сибирскихъ го-

---

[1]) H. Paasonen. Mordvinische lautlehre. Helsingf. 1903. 2.

[2]) Учен. Зап. Юрьев. Унив-та, 1902 г., № 3. Въ отчетѣ Зеленина.

[3]) Рудневъ. Хори-бур. говоръ. I, стр. XII.

[4]) Его же, Матеріалы, 170.

ворахъ такое же, какое представляютъ отдѣльные говоры на сѣверѣ и востокѣ европ. Россіи.

ч→*ш* Ослабленіе затворнаго элемента въ образованіи *ч* и утрата его, отмѣченная въ нѣкоторыхъ говорахъ Сибири, имѣетъ соотвѣтствіе себѣ на сѣв.-востокѣ европ. Россіи.—ношь (ночь), шьистить, шеловѣк, шясы, рушей—въ Перм. г., Камышл. у. *ч*→*и*: не к шему—въ Яранскомъ у. Вят. г. То же отражается на нѣкоторыхъ заимствованныхъ русскихъ словахъ съ *ч* у зырянъ: *шлен*, при обычной передачѣ зыряна-ми русских *ч*, *ц* по средством *ц'*.

Въ отношеніи *ш* вм. *ч* въ говорахъ Сибири замѣтимъ и то, что въ нѣкоторыхъ говорахъ на Востокѣ сочетанія съ *ш* вм. *ч* могли появиться только здѣсь въ Сибири въ связи съ иноязычнымъ элементомъ. Ср. русское говоренье ясачныхъ Верхоленскаго у: шашка, шетыре и др. Такъ же передается русское *ч* и въ говорѣ бурятъ въ Забайкальѣ. То же явленіе въ говорахъ остяковъ, вогуловъ. шај (=чай; ост.), саj вог.); с'ос' (=часъ; ост. и вог.); калас' (калачъ; ост.) и др.

ц→*с* Ослабленіе и утрату затвора при образованіи *ц* наблюдаемую въ говорахъ Сибири, встрѣтимъ и на сѣввостокѣ европ. Россіи, Холмогор у.: цариса дѣвиса. Вят. г: сэрква, сэловальник, сарь, половиса, мельниса, купсы, куриса, отес (Сарапуль., Малмыж., Яран., Уржум., Слобод. у.у.) Костром. г.: не сарапай стѣну-ту (ок. Костромы). сарапать, купес палес, солуй, улиса, лисо—въ разныхъ мѣстностяхъ Перм. г.

Мѣна *ч*—*ц* или *ч*→*ц* также унаслѣдованы отъ сѣввеликорусскихъ говоровъ европейской Россіи. М.

б, въ отдѣльныхъ говорахъ сѣввостока Сибири на употребленіи *ц* вм. *ч* отразилось иноязычное вліяніе.

цело. «ціело—лобъ или у печи устье»,—въ в. устюжском словарѣ 1757 г «цело» (передняя часть печки) зашло и не въ цокающіе говоры. Такъ, напр. въ Пошехонскомъ у и въ другихъ мѣстностяхъ.

чн. чн→шн—явленіе общерусское. Но въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ, имѣвшихъ аффрикату $т^{'ш^{'}}$— съ очень мягкимъ фрикативнымъ элементомъ *ш'*, близкимъ къ *с'* ($ч^{'ц^{'}}$) или совсѣмъ совпавшимъ съ *с'* (мягкое, палатальное ц'), результатъ измѣненія такой аффрикаты передъ *н* былъ иной: какъ было указано выше, на стр. 56, по утратѣ затворнаго элемента въ $ч^{'ц^{'}}$ или въ $ц^{'}$ получились звуковыя группы $с^{'ш^{'}}н \leftarrow ч^{'ц^{'}}н$ или *с'н←ц'н*. По сѣв.-великорусскимъ говорамъ до сихъ поръ сохраняются сочетанія съ *с'н*. Но про исходило и дальнѣйшее измѣненіе: отвердѣніе *с'* подъ воздѣйствіемъ слѣдующаго образованія для твердаго *н*. Съ другой стороны, по говорамъ, имѣвшимъ $с^{'ш^{'}}н$, результатъ отвердѣнія $с^{'ш^{'}}$ передъ твердымъ *н* выразился въ сторону образованія для *ш*: *шн*. Нѣкоторыя образованія съ *сн* распространялись далеко за предѣлы діалектической области съ фонетическимъ *сн←шн*. Такова была судьба образованія ***молосной***: съ *сн* оно извѣстно всѣмъ сѣв.-великорусскимъ говорамъ; съ *сн* оно распространено и по говорамъ средне-великорусскимъ. Въ большомъ распространеніи и—***пшенисной***; съ *сн* это слово извѣстно не только многимъ сѣв.-великорусскимъ говорамъ, но и ряду средне-великорусскихъ; ср. напр., «пашаниснай» въ с. Радомлѣ Москов. у., при *шн* въ другихъ случаяхъ: тирпишнай, привышны... Съ другой

стороны, возможно, что образованія съ *шн* однихъ говоровъ вытѣсняли *сн* другихъ говоровъ.—Нѣсколько примѣровъ по областямъ. Холмогор. у.: наросьнё, мусьной, русьной. Онеж. у.: русьник, дѣвисьник, яисьница, наросьнё. Шенкур. у.: при—молосной, пшонисной—указаны: сердецьной, привыцьно, руцьная (опис. Мансикка). Вѣроятно, *цьн* въ этихъ случаяхъ является подстановкой къ книжному *чн*. Вытегор. у.: сердесьней. В. Устюж. у.: ясная мука, пшонисьник. Въ в.-устюж. словарѣ 1757 г.: ярушникъ. Грязов. у.: загранишной, рушная, привышно, но—молосной, пшенисной. Тотем. у.: привышно, рушник, пшёнишная, нарошно и наросно (по говорамъ), но только—молосной. Вят. г.: яисьниця, дивисьник, молосной, гасник. Въ Яранскомъ у. Вят. г. *ш'н*: сошьни, пешьная, ношьною; но здѣсь *ш'* вм. *с'*: шьмѣх, черемишин. Красноуфим. у. Перм. г.: пасня. Кунгур. у.: роскосной. *ш'н* въ Камышл. у.: сошьный (въ этомъ говорѣ *ш*←*сш*: ношь и др.). Кириллов. у.: молосьной. Бѣлозер. у.: конешно, сердешный, привышно, пшанишной, цигарошник. Буйскій у. Костром. г.: гасник, молосной.

ш, ж, с, з.

То или иное образованіе согласныхъ *ш, ж*, «мягкими» или «отвердѣвшими» эти согласные были вынесены предками сибиряковъ изъ европ. Россіи.

ш-с, ж-з, с', з'. Говоры на востокѣ и сѣверѣ Сибири представляютъ мѣну *ш-с, ж-з* или замѣну согласныхъ *ш, ж* посредствомъ *с, з*. Для выясненія происхожденія этого явленія сдѣлаемъ обозрѣніе судьбы ряда согласныхъ *ш-с, ж-з с', з'* въ великорусскихъ говорахъ европ. Россіи, а затѣмъ въ языкахъ Сибири.

Мѣна въ рядѣ шипящихъ и свистящихъ согласныхъ представлена русскими говорами разныхъ мѣстностей европ. Россіи, на сѣверѣ, сѣв.-западѣ, юго-востокѣ.

1) Памятники письменности XIV—XVI в в., относящіеся къ Псковской области отражаютъ это явленіе [1]). Тѣ же памятники представляютъ также примѣры, свидѣтельствующіе о мѣнѣ *ц* и *ч*. Изъ другихъ чертъ языка этихъ памятниковъ укажемъ на характерную черту его—*кл, гл:* ᵕсоуцрѣкли, привегли.. Въ настоящее время мѣна *ш-с, ж з* въ говорахъ Псковской области представлена немногими случаями. Согласный *сш* (с^{ш}) или *с* вм. *ш* и наоборотъ отмѣченъ для говоровъ южной ч. Псков. г.: сшкап, мясоцик, полшотни [2]). Тамъ же представлено *ц* вм. *ч*. Въ Опочецкомъ у. (въ д. Глазкахъ) указано *ш* вм. *с*, но въ сочетаніи *ст—*, гдѣ эта передвижка въ образованіи *с* могла быть обусловлена группой *ст—*: штакан, штякло, штановой, штрашная [3]); въ послѣднемъ случаѣ появленію начальнаго *ш* благопріятствовала ассимиляція съ *ш* въ слѣдующемъ слогѣ. шпашибо, шяштра, шени, вшю; музик, сазал, цуза старана [4]).

соустрѣкли

---

[1]) А. И. Соболевскій. Очерки изъ исторіи рус. языка К 1884. Н М. Каринскій. «Языкъ Пскова и его области въ XV в.» СПб 1909. Его же. «Изслѣдованіе языка псковскаго Шестоднева 1374 г.» (Ж. М Н. Пр. 1916, февр.). А. А. Шахматовъ, «Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи рус. языка», стр. 327, 328. Его же «Грамота псковскаго князя Ивана Александровича» (Изв. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н, т. XVII, кн. 3).

[2]) Ж. Стар I, в. 3, 204.

[3]) Р. Ф. Вѣст. 1909, № 1. 24.

[4]) А. А. Шахматовъ. Очеркъ. 328.

Слѣды же отъ прежнихъ сочетаній съ *кл, гл* въ современныхъ говорахъ Псковской области и смежныхъ съ нею совсѣмъ незначительны. Отмѣчена лишь въ говорѣ с. Мда Гдов. у. форма «привегла» [1]); да въ сказкѣ, записанной въ Псковскомъ у. указалъ А. А. Шахматовъ «перецок» (перечелъ), въ Великолуцкомъ у.—«прицклась» [2]).

2) Въ Вологодскомъ у. также отмѣчена мѣна *ж-з, ш с*, а также *ч-ц*. жнаю (и—знаю), жаботливой (и—заботливой), блишко (и—блиско) и др. *ш ж, ч ц* «произносится мягко». Мѣна эта «чаще наблюдается въ говорѣ женщинъ и дѣтей» [3])

3) По говорамъ между Тотьмой и Никольскомъ «можно у нѣкоторыхъ женщинъ при произношеніи замѣтить польскіе звуки s и l; первый въ словахъ цуещь цась» [4]). т. е. вм. *ш* и *с* произносится согласный мягкій, палатально-дорсальный, какъ польскій ś [5]).

4) Въ Солигаличскомъ у. Костром. г. Населеніе, живущее въ этой части Чудцовской вол., которая находится по правой сторонѣ р. Тутки, имѣетъ въ своемъ говорѣ *ц'* вм. *ч. ч'* вм. *ц, жс'* вм. *з, ш'* вм. *с*: дожжицёк, невелицка, зацинать; ожимь, пожябла, жемля вожношила, божяр, желеный попрошитчя, шпасибо, ворошьки (воровски), гоштить, шперва, швидѣтель, шмалачиваютчя, ошталишя, обшіялишь (обсѣялись),

---

[1]) Ж. М. Нар. Пр 1916 г., февр., 233

[2]) Очеркъ древн періода ист рус яз. 101.

[3]) Матеріалы для изуч великор. говоровъ. IX, 47.

[4]) Ж. Стар. IX, в. 2. стр. 231.

[5]) М. б., иного происхожденія *с'с'* въ вел.-устюженскомъ говорѣ: сьс'от, пересситаш (Ж. Стар, III, в. 3, 394): вм. *сц ← сч*.

кошили, вщё, шовшѣм, шештра и т. д. [1]). Не указано, есть ли передвижка *ш*⟶*с*, *ж*⟶*з*. Въ говорѣ населенія лѣваго берега Тутки *ш*, вм. *с*, *ж*' вм. *з* не имѣется. «Какъ отрѣзало», говорятъ мѣстные жители по поводу этой рѣзкой границы указаннаго языковаго явленія и вѣрно объясняютъ ее тѣмъ, что населеніе праваго берега было раньше «за господамъ» и приведено сюда изъ какой-нибудь отдаленной вотчины помѣщика. По чертамъ говора Чудцовская волость находится въ ближайшемъ отношеніи къ вологодскимъ говорамъ.

5) О говорѣ Переяславскаго у. Владимир. г. Даль въ 1852 г. замѣтилъ: «*с* вм. *ш* и наоборотъ; яс[ч|ной пирогъ, яшно на небѣ; *с* вм. *ч*, *щ*' молосное, пости такъ, свѣты и твѣты» [2]).

6) Та же мѣна (*с*—*ш*, *з*—*ж*) была отмѣчена и для говоровъ Самарской губ. «Въ самомъ городѣ (Самарѣ) женщины, жеманясь, картавятъ: *щ*, *ж* вм. *с*, *з*; онѣ поютъ въ хороводахъ: Рожанъ мой, рожанъ, виноградъ желёный!» [3]). Въ г. Ставрополѣ и с. Моркваш ахъ «нѣкоторыя женщины замѣняютъ *з* и *с* (особенно *з*) черезъ *ж* и *ш*: жнаю» [4]). Говоръ этотъ—окающій

7) Казанская губ. Въ д. Бѣлой (въ 30 в. отъ Казани) мѣну *ш*—*с*, *ж*—*з* наблюдалъ В. А. Богородицкій [5]). «Замѣна свистящихъ шипящими мною замѣ-

---

[1]) Жив. Стар. VII, в. III-IV, 450.

[2]) «О нарѣчіяхъ рус. языка» при Словарѣ, 1 изд. XXXVII.

[3]) Даль. Тамъ же, XL.

[4]) А. Н. Соболевскій, Опытъ рус діалектол. (1897 г.), 42.

[5]) Учен. Зап. Каз. Унив та, 1895 г, V—VI, 116, 122, 123, 130—131.

чалась, говоритъ Вас. Ал., чаще всего въ говорѣ маленькихъ, въ говорѣ же взрослыхъ чаще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ». Такое говоренье одинъ мѣстный парень объяснялъ модничаньемъ.—шама, жабор, ид'от баба ждровамі, в'з'ала кожла зърога, пъв'ола кожла на бажар; повадилша; ус ты шат, ты мой сат, уш чево повял? всеё травыньку примял, вшу шолкову притоптал; штало шонче на закат, повезли Ваню в кажамат.—*ш*, *ж* въ этомъ говорѣ тверды. Изрѣдка находится мѣна *ч*—*ц*.

Недостатокъ діалектологическаго матеріала не позволяетъ отмѣтить другія мѣстности на сѣверѣ и въ Поволжьѣ, говорамъ которыхъ извѣстна передвижка въ образованіи согласныхъ *ш*—*с*, *ж*—*з*. Параллельно съ этой передвижкой представлена и передвижка въ *ч*—*ц*. Не ясны только свѣдѣнія о Самарской губ. Сообщенныя выше данныя до нѣкоторой степени опредѣляютъ звуковой характеръ тѣхъ *ш*, *ж*, которые замѣнили собою *с*, *з*. Въ однихъ случаяхъ, м. б., передъ согласными, это—обычнаго образованія для даннаго говора *ш*, *ж* (жнаю, штакан...). Въ другихъ случаяхъ эти *ш*, *ж* были «мягкими» согласными (ср. въ Вологод. у., Солигалич. у.). Но отличались ли такіе «мягкіе» *ш*, *ж* отъ *ш*, *ж* вм. *с'*, *з'* (ж'емля, вш'о), не извѣстно. Въ Псковской области *ш*, *ж* вм. *с*, *з* не совпадаютъ съ *ш*, *ж* обычнаго для шипящихъ согласныхъ образованія: это звуки, средніе между *ш*—*с*, *ж*—*з*, т. е. *ш*, *ж*, произносящіеся при такомъ укладѣ языка, при которомъ резонаторъ является меньше и струя воздуха, идущая къ зубамъ по желобку спинки языка, уже, чѣмъ при образованіи обычныхъ *ш*, *ж*. При такомъ образованіи «получается

звукъ не то *с*, не то *ш*» [1])

Въ отдѣльныхъ случаяхъ мѣна *ш—с*, *ж—з* встрѣчается и въ другихъ областяхъ. Но въ этой мѣнѣ не отражается процессъ общаго фонетическаго измѣненія въ рядѣ согласныхъ *ш—с*, *ж—з*: она вызвана или благопріятной артикуляціонной обстановкой въ данномъ словѣ, или аналогіей. Не ясно только сообщеніе о Вятской г., о «спорадическомъ» *с* вм *ш*: списъ [2]).

рзать (с. Златоуст. Красноуф. у. Перм. г). Смѣна *рж* посредствомъ *рз* представляетъ явленіе фонетическое,—диссимиляцію въ отношеніи мѣста артикуляціи кончика языка.

презный (Бѣлозер. у.), ***порозный*** (Борович., Бѣлозер., Николь., Тотем., Каргопольск., Кемь, сѣв.-зап. ч. Костром. г, Слобод. у. Вят. г), ***дорозной*** (Тотем. у.) Въ этихъ образованіяхъ появленіе *зн* формальное,—отъ образованій съ прежнимъ суффиксомъ *зн*.

зоской (въ разныхъ говорахъ); *жс→з* по ассимиляціи съ свистящимъ *с*.

зользо (въ разныхъ говорахъ),—съ начальнымъ *з* по ассимиляціи съ *з* въ конечномъ *-зо*. Дѣйствовала и еще какая то аналогія, благопріятствовавшая смѣнѣ *ж* на *з*.

рогоза (повсюду)—сюда не относится, имѣя изъ давна *з* (ср. это слово съ *з* въ другихъ слав. языкахъ).

шешнадцать (Холмогор. у. и въ другихъ мѣстахъ); возможно и сочетаніе *шешшой*. Появленіе *ш*—результатъ ассимиляціи съ *ш* въ начальномъ слогѣ.

---

[1]) А. И Томсонъ. Общее языковѣд., 2 изд. 195—196

[2]) А. И. Соболевскій. Очеркъ рус. діалект. (Ж. Ст. II, 22).

Этой ассимиляціи благопріятствовала артикуляція твердаго затворнаго *т, н*. Отъ такихъ сочетаній возможно отвлеченіе *шеш*; ср. въ с. Пышакъ Орлов. у. Вят. г.: шешъ (шесть) шэш нядѣль—въ Касимов. у. Ряз. г. (То же явленіе отмѣчено мною въ одномъ македонскомъ говорѣ; ср. въ «Очеркахъ по макед. діалектол.» I 161; тамъ же и замѣчанія объ указанномъ процессѣ *с→ш*).

шушить, шажи, Шаша (въ разныхъ говорахъ). Здѣсь *ш* по ассимиляціи съ *ш, ж* въ слѣдующемъ слогѣ. Связь съ *ш* въ одномъ изъ слѣдующихъ словъ ясно обнаруживается на такомъ примѣрѣ: *шолнышко*, но *сончё* (Пышакъ Орл. у. Вят. г.). *шолнышко* и въ другихъ мѣстахъ (напр. въ Бѣлоозер. у.).

почюх (посохъ; сѣв.-зап. ч. Костром. г.), съ *ш* м. б., по ассоціаціи съ *ш* въ *шол* или *шах, шахать*.

шабля (Чердын., Соликам. у.у.). М. б., уже съ *ш* это слово занесено было сюда.

Не ясно обстоятельство появленія *ж* въ *жмпья* (Бѣлозер., Соликам., Чардын у.у.). По ассоціаціи съ *ж* въ *жалить*?

шпички, шпирт, пишталет; и въ другихъ заносныхъ словахъ находится *шп, шт*.

И еще одинъ примѣръ: *дзидовка* (жидовка; Бѣлозер. у.).

с'ш' з'ж'. Болѣе многочисленны и болѣе компактны діалектическія области, имѣющія мягкіе «шепелявые» *с' з'* (с'щ', з'ж', или ш'с', ж'з') вм. мягкихъ *с, з*. Кромѣ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ представлено *с→ж, з→ж*, шепелявые *с', з'* знаютъ и многіе такіе говоры сѣв. великорусскіе и средне-великорусскіе, въ которыхъ нѣтъ передвижки въ рядѣ согласныхъ *с—ш, з—ж*. Мяг-

kіе c^{ι}, $з^{\iota}$ «индивидуально стоятъ недалеко отъ *ш, жс*» въ говорахъ Шенкур. у. [1]). Шепелявы c^{ι} ($з^{\iota}$) въ рѣчи уральскихъ казаковъ: вщё, ащётр, совщём... [2]) Такіе же $с^{(ш)}$, $з^{(ж)}$ по говорамъ Вят. г.: дэс^{ш}ить, кос^{ш}ить, з^{ж}дис^{ш}ь, вз^{ж}ял, с^{ш}ё равно, шьмѣх, черемишин. [3]) То же по говорамъ Казан. г. [4]). $с^{(ш)}$, $з^{(ж)}$ вм. мягкихъ $с$, $з$, я наблюдалъ въ говорѣ лица изъ с. Алтышева (ок. Алатыря Симб. г.). Въ Керенскомъ у. Пензенск. губ.: здѣсь не только—гущь (гусь), щвинья, но и—іцин (сынъ) [5]). Въ другихъ средне-великорусскихъ областяхъ находятся $с^{(ш)}$, $з^{(ж)}$ въ Касимовскомъ у. Ряз. г. [6]), въ Бронницкомъ и Клинскомъ у у Моск г., въ Тверскомъ у. [7]).

Обращаясь къ юго-востоку русской области въ Европѣ, можно отмѣтить въ двухъ районахъ передвижку въ рядѣ согласныхъ *с—ш*, *з—ж*, какъ черту фонетики этихъ говоровъ: 1) въ Курской губ., въ говорѣ саяновъ и подгородныхъ слободъ г. Курска, 2) на Дону, въ говорѣ казаковъ станицъ Елисаветинской, Гниловской, Аксайской, Старочеркасской, Александровской, хутора Рыкова.

---

[1]) Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Н., т. XVII, кн. 2, 101.

[2]) Рус. Ф. В. 1914, № 1, 253. Даль, О нарѣчіяхъ, XLI.

[3]) Учен. Зап. Казан. Унив та 1896 г. X, 32 (зап. Е Ѳ. Будде). Учен. Зап. Юрьев. Унив та, 1902, № 3 (Отчетъ Зеленина).

[4]) Е Ѳ. Будде. «Діалектич. замѣтки» (въ Сборн статей, посвящ. Ф. Ѳ. Фортунатову. Варш 1902).

[5]) Рус. Ф. В 1909, № 1, 36.

[6]) Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи великор. говоровъ (Уч. Зап. Каз Унив-та, 1896, VIII—IX), 156—157.

[7]) А. А. Шахматовъ. Очеркъ, 330 348

1) Саяны, живущіе въ Курскомъ, Фатежскомъ, Щигровскомъ и во Льговскомъ у.у., по своему говору принадлежатъ къ южно великорусской группѣ. Аканье, по говорамъ ъ или ы въ предударномъ слогѣ: стыял пыслушаю, удыва (с Будановка Кур у.), г=h; моють, w передъ начальнымъ *о* (вон, вана...), *у* (или неслог *у?*) въ начальномъ слогѣ, но въ концѣ слога—*ф*: удофка, дефки. *ц*→*с*: серса, атес. *ч*—мягкое. *jка*→*jк'а*: тройкю, няделькю; но есть и сочетанія съ *jка*: Танька, чайку. Род.-вин. на *ва*: старыва. Тв. ж. ед. *-ук*: тихую вадою. М. Г. Халанскимъ указанъ былъ одинъ примѣръ падежной формы для мѣстн. ед. на *-зъ*: у вастрозѣ (Будановка). Въ текстахъ эта форма передается съ *к*, *г*, *х*. Форма наст. 3 на *т'* и на гласный основы; замѣны тематическаго *е* посредствомъ *о* не представлено. Характерной чертой говора саяновъ является мѣна согласныхъ *ш—с*, *ж—з* хотя проведена она не послѣдовательно.—развишёлая была, завшигда, сиштра, распызнаю пра вшё горя; рашта**ю**сь сь м**и**лам; на чятыри шажня, жа ним, жал**е**жными, доззык. поставь лошадь къ шѣну,—она шѣнца шъѣстъ (ь), а я по шаянкамъ побѣгу, можетъ которая вынешетъ тебѣ шороку то золотную.--Для опредѣленія образованія *ш,ж* ср. написанія: *шы*рокая, да*жы*дай и т. п.

Къ иной южно-великорусской группѣ относится говоръ саяновъ дер. Ясенки Щигр. у.—*ч*=*ч'* съ длительнымъ элементомъ, приближающимся къ *с'*: ч$^{ц'}$ или ц$^{ч'}$: рец^{ч}каю, смотривц^{ч}и, Яхимавиц^{ч}ь, Стихванавиц^{ч}ь палуц^{ч}и и палучц^{ч}и, забавц^{ч}итан. Въ одномъ случаѣ въ записи находится ц^{ч}ь вм. *ц*: шильмец^{ч}ь. Но на основаніи этого примѣра нельзя опредѣлить, какъ произносится *ц* въ прочихъ случаяхъ, въ обычной

рѣчи. *ш* произносится мягко передъ согласнымъ въ окончаніяхъ; мягкость согласнаго *ш* отъ сочетаній передъ мягкимъ согласнымъ сохранена въ родственныхъ формахъ и передъ твердымъ согл.: Иванушька, Марьюшька ..; отмѣчена мягкость *ш* и въ концѣ слова: альнишь у Кеяви, и передъ гласнымъ: хорошё, но— ишшо. Окончаніе род.-вин. м. и ср. на -ho: «кагокаютъ». *с, з'* произносятся шепеляво: с^{ш}, з^{ж}: уш^{с}я, девушьки ш^{с}еннаи.

Мѣна согласныхъ *ш—с, ж—з* имѣется и въ говорѣ женщинъ въ слободахъ Стрѣлецкой г. Курска, Жилой и Савиной г. Бѣлгорода: на бажару привижли вожь капушты; купила шудака; шматритя, идуть новаи шлавари (—словари; такъ звали въ Бѣлгородѣ словесниковъ, учениковъ 1-го кл. Дух. Семин.), зук (жукъ) [1].

2) Говоры донскихъ казаковъ принадлежатъ къ южно великорусской группѣ. На югѣ, въ говорѣ низовыхъ казаковъ отражаются элементы не великорусскіе, а малорусскіе, вошедшіе въ рѣчь казаковъ вслѣдствіе сосѣдства съ малоруссами. Малорусскіе элементы находятся въ лексикѣ, въ формахъ и отчасти въ звукахъ. Въ послѣднемъ отношеніи ср. непослѣдовательно проведенное аканье, *и* вм. *ы* и *и*. Но относительно *ы* и *и* слѣдуетъ замѣтить, что ихъ совпаденіе въ одномъ гласномъ *и* могло быть вызвано вліяніемъ не славянскимъ, а греческимъ. Экономическія а иногда и родственныя связи съ тамошними греками кладутъ значительный отпечатокъ на быто-

[1]) М. Г. Халанскій. Народные говоры Курской губ. (Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. 76). И. С. Абрамовъ. О курскихъ саянахъ. (Ж. Стар. XV, в. III).

вой укладъ жизни городскихъ и пригородныхъ казаковъ. Результатъ этихъ связей могъ найти себѣ отраженіе и въ языкѣ (ср. напр. греческіе элементы въ лексикѣ: кандель=лампада и др.). Говоръ низовыхъ казаковъ вышеуказанныхъ мѣстъ представляетъ мѣну въ рядѣ согласныхъ *ш—с*, *ж—з*. Но мѣна эта, хотя весьма часто встрѣчается въ рѣчи, но все же не проведена послѣдовательно. *ч*⇝*ц*. Нѣсколько примѣровъ:—доцерю замуз отдал; прихазу, а он укролса адѣялаю да лизыть, а я ни галеная да шна; мой шин (сынъ) цин палуцил; риби против прослава году далека меньси; нижовка ис двох чисов учерась падула, а типерь узе вода збуваить; кали не па насаму, нихай будить по-васаму; пошиди хучь трошки (и—троски); шимейства у ниво бальсая; єта усё с Ажова пріѣззаи; було када-та и у наш вшё, а типерица вшё шкуднѣя стала; жванія кажач'чя, да жисть шабач чя [1]).

Мѣна *ш—с* указана и для Орлов. у. Орлов. г.: швита ш воротником.. Другихъ примѣровъ не дано [2]).

Въ отдѣльныхъ словахъ мѣну *ш—с*, *ж—з* можно встрѣтить и въ другихъ говорахъ. Причина мѣны *ш—с*. *ж—з* въ этихъ случаяхъ та же, какая была отмѣчена для такой же мѣны въ отдѣльныхъ словахъ въ сѣв.-великорусскихъ и средне-великорусскихъ говорахъ: ассимиляція, аналогія. Въ Гжатскомъ у (с. Алексино) Смол. г. *с*⇝*ш* фонетически передъ *п*: шпички, шпицы; такъ и въ другихъ русскихъ говорахъ.

---

[1]) Матеріалы, собр. П. А. Левочкинымъ (Варш Универтскія Ивв. 1914 г. VII, 3—16). В. Ѳ. Соловьевъ. Особенности говора дон. казаковъ. Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. н., т. 68

[2]) Труды М. Діал. Ком. I, 349.

Но въ Гжат. у. и—шпать и др. [1]). «шшюкъють», «пришапельвъють» по говорамъ западной части Орловской г.: во Мценскомъ у. (д. Фролова), въ Брянскомъ у. (с. Мужилово, д Дорошева), с^{ш}истра, с^{ш}вёкру, с$^{ш'ш'}$вита, хаз$^{ж'ж'}$яин... (Мужилово) [2]). Отмѣчены *ш'* (*ж'*) вм. *с'* (*з'*) и по говорамъ бѣлорусской области [3]).

По вопросу о происхожденіи шепелявыхъ *с',* *з'* вм *с, з* замѣтимъ прежде всего, что это измѣненіе представляетъ собою ф о н е т и ч е с к о е явленіе: ср. переходное состояніе говоровъ въ Шенкур у. въ отношеніи образованія *с'*, *з'*, которое можетъ съ теченіемъ времени подойти къ стадіи в с е о б щ а г о въ томъ районѣ усвоенія шепелявыхъ *с'*, *з'*. Такая именно стадія уже достигнута во многихъ великорусскихъ говорахъ. Затруднительно сказать то же о говорахъ, относительно которыхъ мы располагаемъ лишь немногими примѣрами (о нѣкоторыхъ говорахъ Орловской, Тверской г.г). Другой вопросъ: внутри ли самыхъ діалектическихъ русскихъ группъ въ теченіе времени развился фонетически переходъ *с'*, *з'* въ *с$^{ш'ш'}$*, *з$^{ж'ж'}$* и далѣе въ *ш$^{с'с'}$*, *ж$^{з'з'}$*, безъ вліянія иноязычнаго, или же эта передвижка, укладъ языка въ образованіи мягкихъ *с, з* былъ вызванъ иноязычнымъ воздѣйствіемъ, иноязычной средой? Полагаемъ, что въ рядѣ русскихъ областей, въ Вятской, въ Поволжскихъ и сосѣднихъ съ ними районахъ развитіе образованія для шепелявыхъ *с'*, *з'* находилось въ

---

[1]) Рус. Ф. В. 1909, № 3—4, 189.

[2]) Зап. Е. Ѳ. Будде. Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н. т 76; стр. 55, 57, 84—86. Труды Моск Діал. К. I, 359.

[3]) Ср. соотвѣтствующія мѣста у Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы». т. II. Рус. Ф. В. 1909, № 3—4, 208 и др. описанія.

связи съ иноязычнымъ элементомъ, растворившимся въ русскомъ населеніи. Наблюденіе за русскимъ говореньемъ финскихъ представителей въ Поволжьѣ толкаетъ на мысль, что въ говореньѣ послѣднихъ— исходный пунктъ замѣны мягкихъ *с'*, *з'* посредствомъ *с'(ш')*, *з'(ж')* на сѣверовостокѣ и востокѣ европ. Россіи. Но иной источникъ происхожденія с'(т'), з'(ж') или ш'(с'), ж'(з') былъ на западѣ, по говорамъ бѣлорусскаго нарѣчія: вліяніе польскаго языка. Это вліяніе отражается и на сѣв.-востокѣ бѣлорусской области: въ говорахъ Порѣчскаго и Бѣльскаго у.у. Смолен. г.: ср.— шѣрый шѣдая,—съ *ш* какъ въ западно-славянской языковой группѣ.

Что касается передвижки въ рядѣ согласныхъ *ш—с, ж—з* (шам вм. сам и т. п.) то она также вызвана иноязычнымъ вліяніемъ. Если для западныхъ пограничныхъ говоровъ малорусской области можно указать на вліяніе польскихъ мазурующихъ говоровъ, какъ на причину передвижки въ рядѣ согласныхъ *ш—с, ж—з*, то это объясненіе не приложимо къ говорамъ разныхъ областей великорусскаго нарѣчія. Надлежащее обслѣдованіе русскаго говоренья среди финскаго населенія европ Россіи, можетъ быть, дало бы ключъ къ объясненію явленій въ области *ш—с, ж—з* Но этой работы до сихъ поръ не произведено. Что касается говора низовыхъ казаковъ въ Подоньѣ, то относительно ихъ мѣны *ш—с ж—з* слѣдуетъ предварительно опредѣлить: была ли эта мѣна вынесена ихъ предками изъ центральныхъ областей Россіи, или она развилась только здѣсь, на нижнемъ Дону. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы ее объяснять вліяніемъ языка тамошняго греческаго населенія. Мѣна *ш—с,*

ж—з въ рѣчи курскихъ саяновъ и мѣщанскаго населенія курскихъ пригородовъ идетъ изстари. будучи принесена сюда ихъ предками,—заселенцами этой части Курскаго края, выходцами изъ какого-нибудь пріокскаго края.

Въ какомъ отношеніи находится передвижка въ рядѣ согласныхъ *ш—с, ж—з* сибирскихъ говоровъ къ европейскимъ? Весьма вѣроятно, что среди раннихъ русскихъ поселенцевъ въ Сибири были такіе, въ языкѣ которыхъ была представлена мѣна *ш—с, ж—з*, вынесенная ими изъ Европы (къ примѣру изъ Вологод. у. или изъ мѣстностей, лежащихъ далѣе къ сѣв.-западу). Но, имѣя въ виду области, гдѣ находятся въ Сибири говоры съ мѣной *ш—с, ж—з* и шепелявые *с', з'*, а также нѣкоторыя другія явленія этихъ говоровъ, приходится утверждать слѣдующее. Если въ говорѣ нѣкоторыхъ группъ русскихъ колонизаторовъ Сибири мѣна *ш—с, ж—з* и шепелявость *с', з'* и были унаслѣдованы отъ европейскихъ говоровъ, то все же во многихъ другихъ русско-сибирскихъ говорахъ передвижка въ рядѣ согласныхъ *ш—с, ж—з* шепелявость, палато-дорсальность въ *с', з'* появилась въ Сибири, при обстоятельствахъ, обусловленныхъ иноязычной сибирской средою. Мы видѣли выше (стр. 58—65), на какихъ огромныхъ пространствахъ сѣвера и востока Сибири находятся русскіе говоры съ мѣною *ш—с, ж—з* и съ шепелявыми *с', з'*. Низовье Оби—Охотское море—южное Забайкалье—Ангара—вотъ общіе предѣлы областей этихъ говоровъ. Во многихъ мѣстностяхъ группы носителей этихъ говоровъ живутъ изолированно однѣ отъ другихъ. Тѣ этническія группы, съ которыми приходили и приходятъ носители этихъ говоровъ въ различныя

взаимоотношенія,—это группы преимущественно инородческія. Разумѣется, въ густо заселенныхъ мѣстностяхъ, напр., въ Пріангарьѣ или въ южномъ Забайкальѣ, общеніе было не съ одними инородцами, но и съ русскими, позднѣйшими поселенцами. И тѣмъ не менѣе, говоры этихъ послѣднихъ вовлекались въ общее направленіе въ измѣненіи звукового состава и воспринимали мѣн *ш—с, ж—з*, шепелявость *с', з'*. Это ясно отражается, напр., на говорѣ забайкальскихъ старообрядцевъ, семейскихъ Но сосѣдство или общеніе съ носителями русскихъ говоровъ, не охваченныхъ общимъ измѣненіемъ *ш—с, ж—з* или не проведшихъ этого измѣненія послѣдовательно накладываетъ свою печать и на говоры населенія съ мѣной *ш—с, ж—з*, нарушая послѣдовательность этой мѣны.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о рядѣ согласныхъ *ш—с, ж—з, с', з'* въ языкахъ Сибири.

Остяцкая и самоѣдская группы. Въ языкѣ остяковъ находятся согласные *дж (ж). ш, ч, ц, с, с' дз. ж* въ однихъ говорахъ отсутствуетъ, въ другихъ встрѣчается рѣдко вм. *дж, ш*. Рѣдко употребляется и *ц*: ему соотвѣтствуетъ по говорамъ согласный *т'*: цедак | т'едак (питейная посуда). Діалектически вм. *ч* встрѣчается *ш, с*. Звуковые варіанты сочетаній съ *с* или съ *ш* представляютъ иногда близкіе одна къ другой діалектическія группы а иногда встрѣчаются и въ одномъ и томъ же говорѣ. Сочетанія съ *с* находятся обычно въ обдорской группѣ. Нѣсколько примѣровъ: чуп (верх. Демьян.), чоп (Сургут.), шуп (Березов.). соб" (Обдор.; кусокъ). пурэш (верх. Демьян.), порэс (Сург.), пурэс' (Березов.), порэс (Вах.). кіш (верх. Демьян., Березов.), кэч

(Сург.), кіс (Обдор.; наростъ). чебан (верх. Демьян.) чіпан (Сург.), шепан (Берез.), себан, (Обдор.; колдовство). соур, шоур (Берез.; заяцъ), пеш, песи (Берез; молодой олень, олененокъ), кеси кеши (Берез.; ножъ); сӧкінг, шӧкінг (Сург.; красиво). Сравните затѣмъ передачу *ч*, *ш* въ заимствованіяхъ изъ русскаго языка: т'ас, ч'ас (въ Демь.), с'о^{a}с (Берез.), с'ас (Обдор.; часъ); кірпэш кэрпіт' (Васъюг.), кірпэс' (Обдор.; кирпичъ). мушн'а (Иртыш.), мосна (Вах.; мошня). парэш (в Демь.), па°рэш' (Сург.), па°рэш (Берез.), парэс (Обдор.; барышъ). па°рэс (Сург.), паршіс (Вах.), по^{a}рэш (Берез.), парэс (Обдор.; парусъ). тус (Конд.), тущ' (Сург.; тузъ). Въ матеріалахъ Кастрена: се, ше (рус. же). ус, уш (рус. ужъ), стоба, стоби (рус. чтоба, -бы).

Слѣдуетъ принять во вниманіе и образованіе мягкихъ *с'*, *з'* въ говорахъ Березовскаго и Обдорскаго областей: mit sehr konvexer Vorderzunge [1]). Возможно что явленія въ рядѣ согласныхъ *с—ш*, *з—ж* русскихъ говоровъ Обдорско-Березовскаго края вызваны вторженіемъ въ томъ или иномъ видѣ остяцкаго элемента въ русскую среду или русскаго эле

---

[1]) Данныя по остяцкимъ говорамъ извлечены изъ слѣд. описаній: «Laut und Formenlehre der süd-ostjakischen Dialekte, von S. Patkanow bearbeitet von D. R. Fuchs». Budap. 1911. A. Castrén. Versuch einer ostjakischen Sprachlehre. StP. 1858. K. F. Karjalainen. Zur ostjakischen Lautgeschichte. I. Helsingf. 1905. A. Ahlqvist. Ueber die Kulturwörter der obisch-ugrischen, Sprachen Къ прискорбію я не могъ воспользоваться трудомъ H. Paasonen'a: Die finnisch-ugrischen s-laute.

мента въ остяцкую среду,—скрещиваніемъ разныхъ діалектическихъ сочетаній съ *ш* и съ *с* Несомнѣнно, отъ сѣв.-остяцкаго говоренья привилось шепелявое произношеніе *с'* (*з'*) тамошнихъ русскихъ говоровъ.

ш извѣстно южнымъ самоѣдскимъ говорамъ. Въ другихъ говорахъ находится *с'*, чередующееся съ *си*. Вм. русскаго *ш* произносятъ *с*: haска (каша. Castrén. Gram. der sam. Spr. 15). *с* и вм. русскаго *ч*: сюлки [1]) Въ разныхъ говорахъ сочетанія съ *с* чередуются съ сочетаніями съ *с'*, на югѣ съ *ш* вм *с*: сис, с'ис (муравей); маес, маес' (довольно), сеан, с'ан (сколько), сиу, с еу (семь); остяки-самоѣды: косар, кошар (мамонтъ), сиба, шипа (утка) [2]).

Такъ называемые «енисейскіе остяки». Между Енисейскомъ и Туруханскомъ существуетъ до сихъ поръ, изъ году въ годъ уменьшаясь въ количествѣ, особая этническая и языковая группа,—такъ наз. «енисейскіе остяки» [3]). *с'* находится только въ

---

[1]) Ю И. Кушелевскій. Сѣверный полюсъ. СПб. 1868 «Словарь».

[2]) A. Castrén. Gram. der samojed. Spr. 79 99.

[3]) Въ 40-хъ гг прошлаго столѣтія А Кастренъ насчитывалъ ихъ ок. 1000 душъ. (A. Castrén. Versuch einer Jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. StPb. 1858). По переписи 1897 г., ихъ количество опредѣляется приблизительной цыфрой 988 душъ. (С. Паткановъ. Статист. данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири. I, 108). Анучинъ же въ 1905–06 г. насчиталъ всего 160 лицъ. (?) (Journal de la Société Finno Ougrienne. XXIV, въ статьѣ Рамстедта. По мнѣнію Рамстедта, «енис остяки» принадлежатъ къ индо китайской языковой группѣ и въ ближайшемъ отношеніи находятся съ тибетской вѣтвью (указанный выше Journal de la Soc. F.-ougr., 2.—8).

говорахъ имбатской группы. При этомъ имѣется тенденція замѣнять *с'* посредствомъ *ш. ас, ас'* (шесть), сур. с'ул (кровь). Въ другихъ случаяхъ *ш* не встрѣчается.

Тунгусская группа. Въ тунгусскихъ діалектическихъ группахъ явленія въ рядѣ согласныхъ *ш-с-с'* (*дж-дз*) многими своими чертами соотвѣтствуютъ явленіямъ русскихъ говоровъ сѣвера и востока Сибири. Но въ тунгусской группѣ явленія въ области *ш-с-с'* полнѣе характеризуютъ процессъ измѣненій этого ряда согласныхъ, чѣмъ это представлено въ русскихъ говорахъ. Прежде всего, *с'* обычно по всѣмъ тунгусскимъ говорамъ имѣетъ «шепелявое» произношеніе: $с'^{ш'}$ или *ш'*: ишим (достигать), исцаф—перфектъ и т. д. Въ параллель съ этимъ отмѣтимъ, что *т'-д'* произносятся съ палатальнымъ фрикативнымъ элементомъ: $т'^{с'}$, с' или $т'^{ш'}$, ш': $т' \rightarrow т'^{с'}$, т'с' или $т' \rightarrow т'^{ш'}$, т'ш'. Соотвѣтствующія голосовыя образованія имѣются вм. *д'*. Употребляются *т'*, *д'* и безъ фрикаціи. Всѣ эти звуковые варіанты не связаны съ тѣми или иными діалектическими группами: въ говорѣ однихъ и тѣхъ же лицъ находятся разныя звуковыя стадіи въ измѣненіи *т'*, *д'*.—Ср. съ этимъ соотвѣтствующее явленіе въ русскихъ говорахъ восточной Сибири. Далѣе, что касается *с—ш*, то всѣ тунгусскія діалектическія группы представляютъ передвижку въ образованіи этихъ согласныхъ. Передвижка эта заключается въ слѣдующемъ. Вм. *с* представленъ *ш* или *х*, h. Въ началѣ слова и между гласными h можетъ отсутствовать. $с \rightarrow ш \rightarrow х$, h распространяется и на русскія заимствованныя слова съ *с*, *ш* (*ж*): hахар (сахаръ), наhива (нажива). Нѣкоторые говоры совсѣмъ забыли

образованіе *с*. Такова тунгусская анадырская группа. Въ другихъ говорахъ имѣются всѣ три стадіи въ передвижкѣ *с—ш—х* (или h). Опредѣлить въ какихъ случаяхъ употребляется тотъ или иной согласный, пока невозможно: въ одномъ и томъ же говорѣ отсутствуетъ послѣдовательность употребленія согласныхъ *с—ш—х* (h). Нѣсколько примѣровъ. шаман и саман (Охот. обл., гольды), саман (Ниж. Тунгуска, Енис. тунг., Нерчин. тунг., Сунгар. гольды), с'аман (Амур. тунг., орочены, Анадыр. т.), haман (Вилюй. т., Кирен. т.);—ср. коренное «сам», «с'ам»—знать; манджур. сама, саман, са—знаю. Въ мандж.-тунг. *с* (*ш*, h) въ этихъ сочетаніяхъ отражается *к' [1]). суко, huко (топоръ; Н.-Тунг., Нерч.), шуко, с'укӧ (Н.-Тунг., Якут., Охот.). ішункта, сункта (глубина; Н.-Тунг.), сункта (Охот.), сунгта (глубоко; гольды). сен, сен' (ухо; Н.-Тунг., Якут.), се (орочены), с'ен (Охот.). еса (глаза; Н. Тунг. Нерч.), еша (чапогир.), äha (Вилюй.). ашаткан (дѣвочка; Н. Тунг., Анад.), ас'аткан (Амур.), асаткан (Нерч., Енис.): асаткан амаски (Енис.), ашаткан амаски (Кирен. окр.). ошикта (звѣзда; Н.-Тунг., Нерч.), ohикта (Вилюй.), осикта, hос'икта (Амур.), осäкта (сред. Амур.), хосикта (орочены) и мн. др. [2]).

---

[1]) См. въ статьѣ J. Németh'a: Ueber den Ursprung des Wortes S c h a m a n («Keleti Szemle», XIV, № 3, 245). Не указанъ звуковой варіантъ съ h: haman.

[2]) Данныя извлечены изъ слѣдующихъ работъ по тунгусскимъ говорамъ. A. Castrén. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. SPt. 1856. Матеріалы, опубликован. въ «Bulletin de l'Académie.» des sciences de St.P.» т. XVI, XX, XXIV. G. Huth. Die tungus. Volkslitteratur und

По всей видимости, тунгусскій элементъ, замѣшавшійся въ русской или обрусѣвшей средѣ, вызвалъ или поддержалъ и расширилъ мѣну *ш—с* (*ж—з*) въ русскихъ говорахъ. На эту мысль толкаетъ и слѣдующее обстоятельство: въ настоящее время области, занятыя тунгусами, не обширны. Гораздо большія пространства были заняты тунгусами ранѣе. Въ XVII мъ в. ихъ области простирались отъ Енисея до береговъ Охотскаго моря [1]). Въ теченіе XVII—XIX вв. значительная часть тунгусовъ ассимилировалась преимущественно съ русскими, а отчасти съ бурятами и якутами. Эта ассимиляція отразилась не только въ соматическомъ отношеніи, но и въ языковомъ. Воздѣйствіе тунгусскаго говоренья и отразилось на явленіяхъ въ рядѣ согласныхъ *с—ш—с'*. Области, гдѣ находятся русскіе говоры съ мѣной *ш—с* (*ж—з*) и съ «шепелявыми» *с' з'*—тѣ самыя, гдѣ жили раньше или живутъ и до настоящаго времени тунгусскіе роды.

Монголо-бурятская группа. Въ монгольскихъ говорахъ существуютъ съ шипящимъ или свистящимъ элементомъ согласные *о͡ж* и *о͡з*, *ч* и *ц*, *ш* и

---

ihre ethnologische Ausbeute («Изв. Ак. Н.», т. XV, № 3, 1901 г). В. Котвичъ. Матеріалы для изученія тунг. нарѣчій («Ж Стар », XVIII, в. II—III). W. Grube. Goldisch-deutsches Wörterverzeichniss» (Schrenk. Reisen und Forschungen im Amurlande. т III, II-е прил.). П. Протодьяконовъ. Гольдско-русскій словарь («Изв. Вост. Института», т. II, в. III. Владив 1901). А. Протодіаконовъ. Краткій рус.-ороченскій словарь. Казань 1888 г

[1]) С. Паткановъ. Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири. Ч. I, в. 1 и 2. Спб. 1906 г. См. и карту тунгус. поселеній, прилож. къ III-ей ч.

с (*ш'—с'*). Аффрикаты *дж* и *дз*—«съ сильнымъ началомъ и слабымъ заключеніемъ обыкновенно сильно палатализованы и акустически близки другъ къ другу». *ч* и *ц*—мягкія (палатальныя или палатализ.) аффрикаты, «очень близки другъ къ другу поэтому часто чередуются». Вм. *ч'* находятся по восточнымъ говорам *ш, ш', с, с'* и рѣдко *ц*. Палат. *ч* является и вм. *т'* передъ *і*: чіме ← тіме. *с* нерѣдко образовано съ сильнымъ суженіемъ, такъ что акустически воспринимается согласный средній между *с* и *ш'* (Рудневъ). Въ группѣ халхасской вм. ю.-вост. монгольскаго *дж* находится *дз*. Но передъ *і—дж*; а вм. ю.-вост.-монгольскаго *ч* находится *ц*; передъ *і—ч*. Передъ *і* и вм. *с* произносится *ш*. Такъ по всей монг.-бурятской группѣ, какъ и у тунгусовъ.

Въ бурятскихъ говорахъ аффрикаты *дж* и *ч* не существуютъ. Вм. ю.-вост. монгольского *дж* въ хори-бурятскомъ (Забайк.) и въ хотодорскомъ (Балаган.) говорах находится *з*, а передъ *і—ж*; въ говорахъ єхеритовъ и булгатовъ (Кудин., Верхолен., Ольхон.)—*з* или j. Вм. ю.-вост. монгольскаго *ч* разныя бурятскія группы имѣютъ *ш, с*.—ю.-в.-монг. джам халх. дзам, хори-бур. и хотод.-б. зам, єхерит.-б. jам (дорога). ю.-в.-монг. буджар, халх. будзар, бур. бузар (поганый). ю. в.-монг. хаджар, халх. хадзар бур. хазар (земля). ю.-в.-монг. чус, джус, бур. шуһа [нһ]. ю.-в.-монг. часонһ, халх. цасонһ, бур сaһанһ (снѣгъ). *ш* и въ русскихъ словах вм *ч*. Такъ и въ Забайкальѣ такъ и въ Предбайкальѣ (бешһнһ=печь, шашка=чашка и т. п.). Вм. ю.-вост.-монгольскаго *с* у бурятъ представлено һ.—монг. суни и шуни, бур. һуні (ночь), монг. сунес [у] бур. һунеһенһ (душа).

монг. сара, бур. hара (луна). *ш'* представлено и бурятскими говорами. Только въ ɛхер.—бур. находятся *ш* и *с*. Нѣсколько примѣровъ сочетаній съ *ш'—ш—с*: ю.-в.-монг. кешіг, бур-,хэшіг (богатство); ю.-в.-монг. таіші хори-бур таіша ɛхер-бур. таіса (титулъ); хори-бур. шазгhаі, ɛхер.-бур. ирк. сазгhаі (сорока); хори-бур. шонhхор, эхер-бур., и ирк. санhхор (соколъ). И въ русскомъ говореньѣ бурятъ смѣшанно передаются сочетания съ *ш* и *с*. «Сколько труда и времени долженъ употребить инородецъ на усвоеніе такихъ буквъ какъ *б* и *в* (вм. вѣдь, весна бурятъ говоритъ: бѣдь, бесна), *ч* и *ш* (учитель—ушитель, чашка—шашка), *с* и *ш*...., жалуются въ Забайкальѣ (см. выше).

Обозрѣние ряда *дж—дз ч—ц, ш—с—с'* говоровъ монголо-бурятской группы приводитъ къ положенію что представители и этой группы могли оказать вліяніе на измѣненіе русскихъ согласныхъ *ш—с* [1]).

Якутская группа. Въ якутскомъ языкѣ согласные *ш, ж* отсутствуютъ. Встрѣчающіяся заимствованія изъ русскаго языка имѣютъ *с* вм. *ш, ж*.—хасы (каша), сäрäбаі (жеребей), пысык (пыжикъ), ыстан (штаны), Öлöскö (Алешка), лоску (ложка) и др. Посредствомъ *с* передается и рус. *з*: усуор (узоръ), Насар (Назаръ). Вм. рус. *щ*, говорятъ *жс*: джöксö (еще); вм. *ц—кс, с*: улукса (улица), бäтінсä (пятница), сібінäс (свинецъ) [2]). Отмѣтимъ еще одну черту, на

---

[1]) Данныя извлечены изъ цитированныхъ выше работъ А. Руднева и Г. Рамстедта, а также изъ устныхъ сообщеній Цибена Ж. Жамцарано.

[2]) Данныя извлечены изъ труда O. Böhtlingk'a Jakut. Grammatik. Stp. 1851.

которую обратилъ внимание Böhtlingk, какъ на явленіе новое въ якутскомъ языкѣ: c⟶h. «c wird seit nicht gar langer Zeit von vielen Jakuten, namentlich von den Bewohnern der stadt Jakutsk, zwischen zwei Vocalen wie h gesprochen» (158—159). Если принять во вниманіе общераспространенность въ Якутской области между русскими якутскаго языка и предпочтеніе, отдаваемое иногда русскими этому языку, если принять во вниманіе, что языкъ матери часто является языкомъ якутскимъ (—женитьба русских на якуткахъ—обычное явленіе),—то вѣроятно будетъ предположеніе о воздѣйствіи якутскаго въ томъ или иномъ отношеніи на языкъ русскій. Въ частности касательно ряда согласных *ш* (*ж*)—*с*(*з*) это вліяніе могло отразиться на объединеніи артикуляцій этихъ согласныхъ въ рядѣ *с* (*з*). На такой ступени стоитъ говоръ с. Маркова на Анадырѣ. Говоръ марковцевъ имѣетъ рядъ особенностей общихъ съ рѣчью колымчанъ (подробнѣе въ гл. IV-ой). Эти языковыя черты съ несомнѣнностью свидѣтельствуютъ, что марковцы—переселенцы съ Колымы. Къ этому же положенію приводятъ и историческія данныя относительно колонизаціи Анадырья [1]).

Въ судьбѣ *с—ш, з—ж, ц—ч* нынѣшніе колымчане представляютъ смѣшанное употребленіе ихъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, послѣдовательно ли проведена тамъ эта мѣна. Указаніе В. Г. Богораза неопредѣленно (ср. выше). Въ сообщенныхъ имъ матеріалахъ эти согласные употребляются этимологически. Воз-

[1]) А. В. Олсуфьевъ. Общій очеркъ Анадырской округи («Зап. Приамур Отд. Р. Г. О.», т. II, в. 1, СПБ. 1896) 2, 20 21, 23.

можно полагать, что наличность *ш* (*ж*) въ колымскомъ говорѣ обязана скрещиванію съ тѣми русскими говорами, которые не представляли *с*, *з* вм. *ш*, *ж* (ср. непослѣдовательность и «сладкоязычія» въ говорѣ колымчанъ). Разумѣется, благодаря этому скрещиванію,—скрещиванію съ давняго времени,—колымское населеніе совсѣмъ могло не проходить стадіи съ полной утратой *ш* (*ж*). Иная судьба была изолированнаго говора марковцевъ или ихъ предковъ

Юкагирская группа. Русскіе поселенцы на Колымѣ и на Анадырѣ вступали въ тѣсныя и интимныя связи не только съ якутами, но и съ юкагирами. Въ нѣкоторыхъ чертахъ вліяніе юкагировъ отражается и на языкѣ русскаго или обрусѣвшаго населенія. Возможно, что и на рядѣ согласныхъ *ш—с—с'* въ русскомъ говореньѣ той или иной тамошней группы отразилось это вліяніе. Въ языкѣ юкагиръ употребляются, хотя и при извѣстныхъ условіяхъ, *ш* (вм. *ч*?) а также *дж* (*ж*). Но нерѣдко встрѣчается и *с* вм. *ш*, *ч* (въ началѣ слова?): саімеја (гнѣздо), сокоlа (лисица), сорома (человѣкъ) и др. Съ другой стороны, въ интересной передачѣ представлены у колымскихъ юкагировъ русскіе *с* (*з*), *ш*, *щ*, *ч*, *ц*: эти согласные передаются посредствомъ *ч*,—согласнаго палатальна го; иногда вм. *ч* находится *ч*,'—палат. согласный съ ослабленнымъ затворомъ; передъ согласнымъ имѣется образованіе *ш*.—бобчä (вовсе), чакчäм (совсѣмъ), чіlä (сила), чäткä (сѣтка), чäрäч (черезъ), ічто (сто), м'ачтä (мѣсто), шäчтох (шестокъ), карбач (карбасъ) біч (бишь), кіlächі (клещи), нічач (на часъ), кlапча (кляпцы); ушнäjä (усы, борода). Въ матеріалахъ Майделя и Іохельсона въ русскихъ заимствованіяхъ на-

ходится и *ш*, не только передъ согласнымъ, но и передъ гласнымъ.—Lowúschka, siwodúschka, кóушера (ковшъ), хашä (каша), парашä (Параша), мóшон (мошонка), пушä (пуще), jáшiк (ящикъ), кáшнäi (каждый). *ж*: джäрабä (жеребей) [1]).

Чукотская группа. Въ чукотскомъ языкѣ есть *ч* и *ц*, распредѣляющіеся по говорящимъ такимъ же образомъ какъ и у юкагировъ: *ц* говорятъ женщины, *ч*—мужчины. Имѣется палатальное *с*, которое «произносится какъ среднее мéжду *ш ч* и *сь*». Оно употребляется передъ согл. *к*, *м*, *н* вм. *ч*. «Звуки *б*, *с*, *ш*, *ф*, *з*, *ж*, *х* чукотскому языку не свойственны». Въ заимствованныхъ словахъ находится *ч* вм. рус. *ж*, *ш*, *з*, *с*; передъ согл.—*с*. чol (соль), Ченóвej (Зиновій); прекáчык, чумэн (сума), Вас'ка [2]).—Какъ видно, система чукотскаго консонантизма въ отношеніи измѣненія согласныхъ *ш—с*, *ж—з*, какъ оно представлено въ русскихъ говорахъ, не отражается.

Изъ предложеннаго краткаго обозрѣнія согласныхъ *ш—с—с'*, въ языкахъ Сибири видно, въ какой лингвистической средѣ распространялся или обращался русскій языкъ. И на сѣверѣ, и на востокѣ тѣ или иныя лингвистическія связи съ иноязычными груп-

---

[1]) Über Bar. G. von Maydell's jukagirische Sprachproben von A. Schiefner («Bulletin de l' Akad. des Sc. de StP.», t. XVII). В Іохельсонъ. Матеріалы по изученію юкагирскаго языка и фольклора, собр., въ Колым. округѣ. СПб. 1900. Его же. Образцы матеріаловъ. (Изв А. Н., т. IX, № 2).

[2]) В. Г. Богоразъ. Образцы матеріаловъ по изученію чукот. яз (Изв. Ак. Н., 1899, мартъ, т. X, № 3). Его же. Матеріалы. СПб. 1900.

нами могли отразиться и отражались на русскомъ языкѣ въ измѣненіи его звукового состава, звуковыхъ чередованій. Однимъ изъ такихъ явленій были измѣненія, пережитыя и переживаемыя въ рядѣ согласныхъ *ш—с—с'*, *ж—з—з'*. Въ связи съ иноязычнымъ же элементомъ находилась въ нѣкоторыхъ говорахъ и мѣна *ч ц*. Но нельзя отрицать того, что среди раннихъ поселенцевъ въ Сибири были и такіе, въ языкѣ которыхъ мѣна *ш—с*, *ж—з*, *ч—ц* была вынесена изъ Европ Россіи. А мѣну *ч—ц* или *ч→ц*, какъ европейское наслѣдство, имѣли говоры и нѣкоторыхъ другихъ раннихъ колонизаторовъ Сибири. Но въ Сибири оказались благопріятныя обстоятельства для удержанія этой мѣны или для развитія ея въ говорахъ сохранявшихъ до того безъ измѣнения *ш—с—с'*, *ж—з—з'*. Обстоятельства эти—привхожденіе иноязычнаго элемента въ русское говоренье. Повторяемъ, въ говорахъ съ мѣной *ш—с*, *ж—з* имѣется и мѣна *ч—ц*. По аналогіи съ сибирскими говорами слѣдуетъ полагать, что и въ говорах Европ. Россіи мѣна *ш—с*, *ж—з* представляетъ собою результаты воздѣйствія иноязычнаго элемента.

Согласные передъ гласными передняго ряда.

Въ образованіи «мягкихъ» *т*, *д* во многихъ великорусскихъ говорах взрывъ происходитъ при такомъ укладѣ (формѣ) кончика языка,—кончика, слегка загнутаго книзу,—что имѣется условіе, при которомъ струя воздуха при открытіи затвора проходитъ между верхними деснами и верхними зубами, производитъ треніе,—получается въ акустическомъ отношеніи легкій свистящій шумъ: $т^{(с)}$ $д^{(з)}$. Такое образованіе мягкихъ *т д* свойственно моему родному южно велико-

русскому говоренью Ливенскаго у., Орлов. г.,—но не во всѣхъ случаяхъ образованія *м'*, *д'*. Помню, что раньше, въ мои ученическіе годы, этотъ свистящій элементъ выступалъ иногда въ моей рѣчи довольно значительно: *м'*=*ц'*. О. Брокъ о произношеніи *м'*, *д'* въ разныхъ великорусскихъ говорахъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, весьма важное для надлежащаго освѣщенія діалектическихъ данныхъ: «въ великорусскомъ языкѣ можно слышать всевозможные виды и ступени, т', д' съ переходнымъ звукомъ ряда *х* ...но также т'—д' съ болѣе или менѣе яснымъ свистящимъ элементомъ, а далѣе *м'*—*д'*, развившіяся уже въ явные аффрикаты. Сопровождающій данные согласные фрикативный элементъ имѣетъ въ образованной великор. рѣчи чаще всего, какъ кажется, характеръ свистящій, т. е. *с'*, *з'*—въ различіе отъ польскаго шипящаго элемента. При томъ разные оттѣнки встрѣчаются безъ возможнаго разграниченія: въ *дядя, дно* и под. произношенія *дя*—*д'з'а*—д'з'а, д'е—д'з'е идутъ бокъ-о-бокъ. Несомнѣнно, діалектическая разница вліяетъ на выборъ оттѣнка. Однако, даже у дѣтей одной и той же мѣстности можно, по моимъ наблюденіямъ, слышать не мало разницы. Вмѣшивается, по-видимому, аффектъ и стиль» [1]). Опредѣляя физіологическую сторону *м'*. *д'* говоровъ юго-восточной Сербіи, О. Брокъ сравниваетъ ихъ образованіе съ *м'*, *д'* московскаго произношенія: «только въ южно сербскихъ *м'*—*д'* по большей части нельзя констатировать слѣдовъ того краткаго шипящаго звука (шума отъ тренія—Reibungsgeräusches), который легко появляется и

---

[1]) О. Брокъ Очеркъ физіологіи слав. рѣчи, 159—160.

въ Москвѣ послѣ мягкого *т—д*» [1]). Повидимому, болѣе значительный длительный (свистящій) элементъ при *т'*, *д'* представляютъ другіе говоры: въ Бронницкомъ, Волоколамскомъ и Клинскомъ у.у. Моск., г., въ Касимов. у. Рязан. г., въ Поситьѣ (въ Молож. у. Яросл. г.) и въ Пошехоньѣ [2]), въ Меленковскомъ у. Владим. г. [3]) «мѣстами дзекаютъ» въ Судогдѣ Влад. г., «къ Вязникамъ тшакаютъ и дзекаютъ: тшарь (царь)... дзеньги [4])», по говорамъ юж, ч Нижегородской г. (дзеньги, знаць...) [5]), въ Бѣлозер. у. Новг. г.; здѣсь (въ Хилецкой вол.) отмѣчено *т'* вм. *ц'*: тѣлое лѣто [6]).

т'^{с} д'$_{з}$' представляютъ и говоры Псковской и Тверской гг. Но цеканье и дзеканье этихъ говоровъ по своему происхожденію иное сравнительно съ параллельнымъ явленіемъ въ указанныхъ выше діалектическихъ областяхъ: псковско—тверскіе говоры судьбой мягкихъ *т*, *д*, какъ и нѣкоторыми другими явленіями въ звукахъ, формахъ и лексикѣ, объединяются съ говорами бѣлорусскими. А въ бѣлорусскихъ говорахъ на судьбѣ *т' д'* отразилось польское вліяніе. Разсматривать же *т' д'* съ длительнымъ (свистящимъ)

---

[1]) O. Broch. Die. Dialekte des südlichsten Serbiens. Wien. 1903 (Schriften der Balkankommission, III). 37.

[2]) А. А. Шахматовъ. Очеркъ, 347—348, 330.

[3]) Матеріалы, IX, 36.

[4]) Даль. О нарѣчіяхъ, XXXIX.

[5]) Даль. Тамъ же, XL. Для Княгининскаго у. см. въ «Очеркѣ» А. И. Соболевскаго (Ж. Стар. II, в. 2, 19), о Лукояновскомъ у. въ очеркѣ Б. М. Ляпунова: «Нѣсколько словъ о говорахъ Лукоянов. у.» (Ж. Стар. IV. в 2, 161).

[6]) Рус. Ф. В. 1909, № 3—4, 189, 188.

элементомъ прочихъ великорусскихъ говоровъ въ связи съ ляшскимъ элементамъ отказываемся; великорусскіе *т'* *д'*—фонетически развились внутри великорусскихъ говоровъ, независимо отъ ляшскаго элемента.

Встрѣчающіеся по Сибири, въ частности въ Иркутскѣ *т,'* *д'* отражаютъ манеру европейскаго великорускаго говоренья. Для иркутскаго говоренья, м. б., особенностью является та болѣе усиленная артикуляція небнозубныхъ согласныхъ о которой говорилось на стр. 69.

Другое дѣло говоры въ Пріангарьѣ и на сѣверовостокѣ Сибири: на Колымѣ, Индигиркѣ: тамъ при сочетаніяхъ съ *т'* (*д'*) употребляются и сочетанія съ *ц' ч' т'ш* (*д'з, д'дж', д'ж*,]: см. стр. 68. Такая судьба *т',д'* находится въ зависимсти отъ иноязычнаго сибирскаго вліянія.

Какъ характерную черту самоѣдскихъ говоровъ, отмѣчалъ А. Кастренъ «особенно большое изобиліе мягкихъ согласныхъ». Среди мягкихъ согласныхъ являются *т', д'* При сочетаніяхъ съ *т' д'* находятся сочетанія съ *ц', дз'* или (у остяковъ-самоѣдовъ) съ *ч, дж* вм. *т , д'*. Юраки: haевит', haевиц, (короткій), сабт', сабц' (слюна), т'иу, тиу (чесать). Остяки-самоѣды: т'ел, чел (день) т'и, чи (котелъ), мат', мач' (лѣсъ), колд'а, колджа (свинья) [1].

Такая же подвижка въ образованіи *т', д'* составляетъ обычное явленіе въ тунгусскихъ говорахъ (ср. выше); при этомъ, въ говорѣ одного и того же лица могутъ быть разные звуковые варіанты *т', д'*: *т', д'*, т͡ц', д͡з', т'с'—д'з', т'ш'—д'ж', т͡ш'—

[1]) A. Castrén. Grammatik der samojedischen Sprachen. SPв. 1854. 13, 14, 78—79; 99.

д‘ж‘. т‘идаки, т‘с‘идаки, т‘ш‘идаки (икра; въ одномъ и томъ же говорѣ), кат‘икан, кат‘ш‘икан (собака), угд‘и, угд‘а‘и, угд‘ш‘и, угд‘ж‘и (рожокъ), уд‘ик, уджик (волдырь), д‘у (д‘о), дз‘у д‘ж‘у, (юрта).

То же встрѣчается и въ якутскомъ языкѣ: сiлдjер и сыjджар, ijчijгäi и ijтijö, iчiгäс и iті.

Въ языкѣ юкагировъ палатальный *ч* очень близокъ къ *т‘а* д‘ж‘ къ *д‘*. Въ записяхъ наблюдается колебаніе въ употребленіи *ч* и *т‘*, *дж* — *д‘* : т‘ед‘е и чед‘е, ajінуд‘al и ajінуд‘ж‘al. Ср. передачу *т‘* въ русскимъ заимствованіи: чäла (тѣло). Ср. *ч*, *ц* вм. *т‘*, *дз‘* вм. *д* въ русскихъ колымско-анадырскихъ говорахъ. Отвердѣніе согласныхъ представляемое колымско-анадырской группой, развито было ею въ теченіе жизни въ Сибири.. Не можемъ ставить въ связь этой черты вост.-сибирскихъ говоровъ съ соотвѣтствующимъ явленіемъ нѣкоторыхъ сѣв великорусскихъ и средне-великорусскихъ говоровъ [1]).

---

[1]) Такъ, напр., по говорамъ Вят. г. О говорахъ Нолинскаго у. см въ отчетѣ Е. Ѳ. Будде (Уч. Зап. Каз Унив та, 1896, X). То же и въ говорахъ Слободского у. Раньше, на стр. 57—58, сдѣлана ссылка на говоръ дьякона Благовѣщенской церквивъ Иркутскѣ. Онъ—«бѣженецъ» изъВят. г.; уроженецъ Слобод. у.; служилъ въ Глазов. у. Черты его говора: 1) *ч*=*ч д‘* или *ц ч‘*. 2) среднее l : pomilyj, miloc‘t‘jy usliш‘и и pomilyj, 3) *ш*, *ж*—мягки передъ *і*, *е*; но мягкость передъ этими гласными неодинакова: ясно обнаруживается приспособленіе артикуляціи *ш*, *ж* къ *і* или къ *е*: передъ *і* мягкость очень значительна: *ш‘і*, *ж‘і* или *ш‘с‘і* *ж‘з‘і*; въ меньшей степени палатализованы *ш*, *ж* передъ *е*. Передъ твердыми согласными *ш*, *ж*—тверды. То же приспособленіе артикуляціи *ш*, *ж* я наблюдалъ и въ говорѣ селенг. села Троицкаго въ Забайкальѣ. 4) *щ*=*ш‘с*. 5) Твердость согласныхъ передъ *е*, *ä* нэбо, во вэки, рэку.

Общее—въ характерѣ обстоятельствъ, при которыхъ происходило отвердѣніе согласныхъ на востокѣ европ. Россіи и на сѣв.-востокѣ Сибири: въ европейскихъ великорусскихъ говорахъ дѣйствовала финская среда [1]), въ Сибири—та или иная сибирская иноязычная группа.

Отмѣченное въ анадырскихъ говорахъ раздвоеніе артикуляціи прежняго мяокаго губного согласного (подпъятны зылы) произошло вѣроятно здѣсь, въ Сибири. Правда, соотвѣтствующее явленіе встрѣчается кое гдѣ и на сѣверо-востокѣ европ. Россіи. Такая передача мягкаго губного (губной+j или і неслог.+глас.) находится въ Чердынскомъ у. (Сыпучин. в.) Перм г.: «мъясо, мьясо или міясо.—Что-то среднее между этими формами»; говьядина, робьята, жеребьята. Такимъ же образомъ передаются въ этомъ говорѣ и другіе мягкіе согл.: утьята .. [2])

Такая судьба мягкихъ губныхъ согласныхъ въ великорусскихъ говорахъ Пермской г. обусловлена была тамошней финской средой. Сравните въ русскомъ говореньѣ тамошнихъ финновъ-пермяковъ передачу великорусскихъ мягкихъ согласныхъ: времья, тебья, мьясо.. Такимъ же путемъ измѣнялись и прочіе великорусскіе мягкіе согласные: ср. въ тѣхъ же

---

[1]) Ср, напр., мордовскій консонантизмъ: мягкость согласныхъ слабѣе выражена по сравненію съ мягкостью великорусскихъ говоровъ; въ особенности незначительно смягченіе губныхъ согласныхъ. См. у Paasonen'a: Mordv.Lautlehre.

[2]) Матеріалы, IX, 235.

пермяцкихъ записяхъ: мньѣ, ньету, дерьево, на стѣньѣ [1]).

На сѣв.-востокѣ Сибири мягкіе губные согласные измѣнялись такимъ же образомъ при благопріятствовавшихъ этому обстоятельствахъ: при развитіи тенденціи къ отвердѣнію согласныхъ, охватившей небно зубные согласные передъ гласными передняго и средняго ряда, а губные и въ другихъ случаяхъ; при этомъ мягкость въ образованіи губныхъ утрачивалась и путемъ выдѣленія за губной артикуляціей особой артикуляціи для j (неслог. i).

tje.

По утратѣ редуцированнаго гласного, бывшаго послѣ согласнаго и передъ j (или неслог. i), оказавшееся сочетаніе—согласный+j (или неслог. i), +гласный—подверглось по говорамъ русскаго языка дальнѣйшему измѣненію. Это измѣненіе состояло въ тѣсной ассимиляціи согласнаго и j: вм. сочетанія—соглас.+j—развивался мягкій согласный съ болѣе длительной артикуляціей, чѣмъ соотвѣтствующій мягкій согласный въ обычномъ образованіи. Этотъ процессъ былъ шире и переживался послѣдовательнѣе сочетаніями —*н,т, д, л*+j+гласный.—Не чужды этому процессу были сочетанія и съ другими согласными передъ j. Всѣ славянскіе языки пережили стадію ассимиляціи согл. съ j передъ глас. Южная и западная славянщина пережила и дальнѣйшую стадію: упрощеніе артикуляціи этого мягкаго (палатальн.) согласнаго: онъ становился обычнымъ для даннаго языка мягкимъ согласнымъ, безъ особаго, болѣе длительнаго образованія. На востокѣ славянщины, въ русскомъ языкѣ, также были

[1]) Ж. Стар XIII, в. 1—2, 122, 128, 146, 147

пережиты разныя стадіи этого процесса въ судьбѣ сочетаній—согл.+j+гл.—Процессъ развитія «двойного» мягкаго согласнаго былъ общераспространеннымъ на югѣ и на западѣ: въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. По областямъ этихъ нарѣчій «двойной» мягкій согласный замѣнялся обычнымъ мягкимъ согласнымъ. Но невозможно въ этомъ процессѣ измѣненія сочетаній—согл.+j+гл.—видѣть черту, свойственную только этимъ русскимъ говорамъ. Тотъ же процессъ дѣйствовалъ (конечно, независимо отъ малорус. и бѣлор.) и въ другихъ русскихъ діалектическихъ областяхъ,—въ отдѣльныхъ говорахъ великорусскаго нарѣчія. Результатъ этого процесса, хотя и не отразившагося еще на всѣхъ случаяхъ сочетаній—согл.+j+гл.—, можно отмѣтить пока въ слѣдующихъ областяхъ. Московскій у.: ильяндя масла (с Радомля) [1]. Касимов. у.: с пахмеля,—съ л'а'а'→л' (с. Акулово) нал л'уть, сё се'лён'н'а (с. Шастья) [2]. Холмогор. у.: свинння, крылля. Въ этомъ же говорѣ л'л' вм. сочетанія лj, получившагося в результатѣ перестановки: гл.+jл+гл'→гл+лj+гл.: назóллив, нахáллив [3]. Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ и имъ подобныхъ сочетаніяхъ л'л' могло появиться безъ перестановки, вм. jл вслѣдствіе обратнаго направленія ассимиляціи. Сравните также н'н', т'т', л'л'... въ русскихъ словахъ, заимствованныхъ пермяками и зырянами—бвагосъовъенница—у пермяковъ [4]; pravlen n'e

---

[1]) Сборн. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н., т. 68, стр. 19.

[2]) Е. Ѳ. Будде. Къ исторіи... (Уч. Зап. Каз. Унив та 1896, VI—VII, 198, X, 151).

[3]) Сборн. Отд. р. яз. и слов. Ак. Н., т. 83, стр. 38.

[4]) Ж. Стар. XIII, в. 1—2, 88.

и pravlen jé, nakazan'n'e, kut't'a и kut'ja, sud'd'a, zel'-l'a pokmel'l'a, kel'l'a и др. у зырянъ; у нихъ же n'n' и вм. jn и вм. n передъ e: naschen'n'ik (нашейникъ), pökön'nik (покойникъ), budden' (будень) [1]) Но не ясно слѣдующее: отражаютъ ли пермяцко-зырянскія $\widehat{n'n}$, $\widehat{t't'}$... соотвѣтствующую черту русскихъ говоровъ, или же эти $\widehat{n'n}$,... развились только въ передачѣ пермяцко-зырянской. На возможность второго обстоятельства указываетъ фонетика этихъ языковыхъ финскихъ группъ: j ассимилируется съ предшествующимъ, а иногда и съ слѣдующимъ небно-зубнымъ согласнымъ. völt't'i вм. völt'ji (покрывать), kat t i вм. katji (мотать) и др.—въ пермяцкихъ говорахъ [2]).

Не сообщаю о—свин'н'а, суд'д'а, Васил'л'евич, ал'л'аной Ил'л'уша...—въ говорахъ Брянскаго и Сѣвскаго уу. Орлов. г., въ говорахъ Курской г. и низовыхъ казаковъ на Дону: $л'л'$, $н'н'$... въ этихъ говорахъ могутъ находиться въ связи съ бѣлорусскимъ или малорусскимъ элементомъ.

Сибирскіе $н'н'$, $м'м'$, $л'л'$... могли быть унаслѣдованы отъ сѣвъеликорусскихъ говоровъ европ. Россіи Въ нѣкоторыхъ же говорахъ несомнѣнно t't'e вм t'je развилось только въ теченіе жизни въ Сибири.

Группы согласныхъ

Тѣ результаты измѣненій въ группахъ согласныхъ, которые представляютъ говоры Сибири, находятъ се

---

[1]) Kalima. Gie russ. Lehnwörter im Syrjan. 31 и др.; зап. D. R. Fuchs'a въ «Keleti Szemle», 1911, № 3.

[2]) Ar. Genetz. Ost-permische Sprachstudien (Journal de la Soc. F.-ougr., XV), 50—51.

бѣ соотвѣтствіе въ сѣв.-великорусскихъ говорахъ европ. Россіи. Тамъ раньше сибирской колонизаціи и происходили эти измѣненія. Кое-что немногое развилось за время жизни въ Сибири, но развилось въ общемъ направленіи съ европейскими сѣв. великорусскими говорами. *бм* → *мм*, *бв* → *вв*. Это явленіе представлено всѣми сѣв.-великорусскими говорами.—омман оммануть, оммѣнять, оммѣривать, оммокла; оввин. чать, (--цеть), —се (ся), овварить, овворовать. Встрѣчаются и сочетанія съ обычнымъ образованіемъ *м* и *в*: омилел (обмелѣлъ), оворовать при—омман, оввинцеть. Такъ въ Вытегор. у. *м* и *в* въ этихъ случаяхъ допускаютъ двоякое объясненіе: или они представляютъ фонетическую замѣну *мм* и *вв* (*м* и *в* съ болѣе длительной артикуляціей) или эти сочетанія новой формаціи: *о*, какъ префиксъ, съ глаголомъ *мелть*, *воровать*.

Представлена и иная передача образованій для «обман-»,—такая же, какъ въ говорѣ селенгинскаго с. Троицкого: *одман-*[1]). Так въ г. Яренскѣ и его окрестности, въ Слобод. у. Вят. г. При—одман въ этих говорахъ имѣется сочетаніе съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ *дм* въ *гм*: огмануть, огман (Яренскъ В.Устюжск. у.).

Въ передачѣ заимствованныхъ словъ книжнаго происхожденія: «обязывать», «обѣтъ», въ Сибири, какъ и на сѣв.-востокѣ европ. Россіи, находится *бв*: обвѣт, обвязанность. *бв* и въ своемъ образованіи: обвязать, обвязана—обвяжана: появленіе здѣсь *бв*-

---

[1]) Затѣмъ мнѣ указано было такое же сочетаніе для говоровъ нижней Ангары, въ районѣ Братскаго Острога адман и амман.

позднее, вторичное, подъ воздѣйствіемъ образованій съ префиксомъ *об* съ одной стороны и образованій «вязать», «по вязать» и т. п. съ другой.

дн⟶*нн*, *дд* (*тт*)⟶*нд* (*нт*). Ассимиляція *дн* въ *нн*, представленная говорами Сибири, вынесена тоже съ сѣв-востока европ. Россіи, гдѣ она составляетъ общую языковую черту.—обѣння, ро́нной, ронния, онна, винно—по всему сѣввостоку европ. Россіи. «и обинно и досанно, ну да ланно, всё онно!» (Кирил. у.). Можно наблюдать и дальнѣйшую стадію: *нн*⟶*н*: онъ ⟶оннѣ⟶однѣ (Бѣлозер. у.).

Процессъ диссимиляціи въ передачѣ группы *дд* извѣстенъ и на сѣверѣ европ. Россіи.—о́ндал (Николь. у., Яхреньга и въ др.). Для *нт*←*тт* располагаемъ примѣрами изъ средневеликорусской области: антэда (Москв. у., с. Радомля и др.).

мн⟶*вн* (wн)—обычная черта сѣввеликорусскихъ говоровъ европ. Россіи: вного, гувно (но—гуменникъ), тёвно, повню (по говорам: помлю).

вн (wн)⟶*мн*. То же представлено въ сѣввеликорусскихъ говорахъ.—мнук, деремня, Θедоромна, дамно.

бн⟶*мн* или⟶*вн* (wн),—надомно (Бѣлоз. у.), надоwно (В. Устюжс. у.), «надомно» и «надовно» въ Шенкурс. у., въ Костром. у.

пт⟶*мт*—во многихъ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.—мтица, мташка, мчела (напр., въ Грязовец., Тотем. у.у., Каргополь. у., Череповец. у., въ Галичѣ, въ Буйскомъ у. и др.).

гл. кл. гл въ *гля* (*гле*) въ передачѣ предлога «для»—общераспространенное явленіе въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.—глячо? (напр., въ

Костром. г.). я роботаю гля богачев (напр., въ Череповец у.). Такъ же и въ прочихъ областяхъ. Рѣже *гл* вм *дл'* (*д'л'*) въ другихъ случаяхъ.—глинной (длинный; Малмыж. у.), глиннѣе и длиннѣе (Шенкур. у.).

кл вм. *тл* ср. въ заимствованномъ зырянами русскомъ словѣ «петля»: пекл'а [1]).

Отсутствуетъ второе *б* въ *баушка* во всѣхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ.

Въ начальномъ слогѣ *г*: *гумага* знаютъ всѣ сѣвеликорусскіе говоры.

гмимо вм. *мимо* по всѣмъ говорамъ сѣввосточной европ. Россіи.

Утрата начальнаго *р* передъ слогомъ съ *р*: ебро (напр. Борович. у.).

лергчия (напр. Шенкур. у.).

По говорамъ сѣввостока европ. Россіи произошла утрата *д* между гласными.—даим, сваебной, гли-ко (гляди-ка; Шенкур. у. и въ нѣк. др.).

ств. Въ этомъ сочетаніи передъ гласнымъ утрачена затворная артикуляція: *ств* ⟿ *св*.—знакомсво, царсво (Грязовец. у.); балосьво (Шенкур. Холмогор. у. у.), богáсьво, довóльсво, балосьвó (Николь. у.), богатсво, сиротсво (Тотем. у.), хрёсьянсво (Новгор. у.), царьсво, Рожесьво (Бѣлозер. у.), пьяньсьво (Тихвин. у.), сросвенник (Малмыж. у.), зрасвуй (Вытегор. у.). Но представлено и другое образованіе этой формы: «здрáстуй», повидимому съ новой основой: здрастова-(ть).

ст, зд., жт. Утрата *т* в указанныхъ звуковыхъ группахъ въ концѣ слова и въ срединѣ передъ j + гл.

---

[1]) Keleti Szemle, 1911, № 3, 252.—J. Kalima. Die russ. Lehnwörter, 103.

представлена говорами Сибири, какъ результатъ процесса, пережитаго вмѣстѣ съ говорами на сѣверѣ и востокѣ европ. Россіи. И тамъ повсюду *с, з* въ этихъ случаяхъ вм. *ст. зд.* мос, пос, вёрс, оддас, придас, стрась, укрась, чесь-цесь, болѣсь, жись, волось, грусь, кись, сись (сѣсть), усьё, лисья, гвозья-гвозьё, хресьянин, тросью, «захолусье—темное мѣсто» (въ в.-устюж. словарѣ 1757 г.). Имѣются и такія сочетанія въ которыхъ *с* вм *ст*, появилось по ассоціаціи съ родственными формами на конечный *-с*. чéсен (Холмогор. у.)—прилагат. новой формаціи,—къ существ. *чес*. персень (Борович. у.)—производное отъ имени *перс*+суф. *ен*ъ.

Тотъ *же* процессъ отразился и позднѣе, на заимствованномъ словѣ «трактъ»: *трах*. Такъ и въ Сибири такъ и на сѣверѣ европ. Россіи (напр., въ В. Устюж. у.; тамъ и для прочихъ формъ обобщилась основа на *-х*: по тра́ху).

ст-, зн-. Утрата начальныхъ *с, з* въ этихъ сочетаніяхъ извѣстна отдѣльнымъ сѣввеликорусскимъ говорамъ.—тупай (Камышл. у.), мотри-ко (Устюж. у. Новг. г, сѣв.-зап. ч. Костром. г.), не наю (Уфим. г. . Такъ и въ средневеликорусскихъ говорахъ.

«Двойные» согласные. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ по говорамъ Сибири являются «двойные» (долгіе, вѣроятно, съ двумя экспираторными напорами) согласные. Обстоятельства, при которыхъ развились эти согласные, были отмѣчены выше. «Двойные» согласные такого же происхожденія представляютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и сѣввеликорусскіе говоры. —шротти (В. Устюгъ), эття, эттака (повсюду), инна́я, поинно́му (Бѣлозер. у.), инныя прочія (сѣвзап. ч.

Костром. г.). Въ Кадников. у. отмѣчено: *отэтти*, *натти*. *т'т* явилось въ данныхъ формахъ въ результатѣ перенесенія основы наст. вр. на *·д* въ форму инфинитива: найдти⟶найтти; по утратѣ j передъ слогомъ *т'т'и* получилось *нат'т'и*. Менѣе вѣроятно объясненіе ассимилляціей j съ *т*. О сочетаніяхъ tl'+гл вм. tj+гл. говорилось выше.

Глухіе согл. вм. звонкихъ. Для говоровъ Сибири отмѣчены были формы съ глухими согласными вм. звонкихъ передъ гласными. Глухіе согласные въ этихъ случаяхъ вызваны аналогіей съ родственными формами, гдѣ за согл слѣдовалъ глухой согл. То же явленіе извѣстно и въ разныхъ областяхъ сѣвера и востока европ. Россіи. Нѣсколько примѣровъ изъ Вологод. г.: лоток, слатости, бутошник, лошок, лошечкю (·цкю), воточка; позднѣйшаго происхожденія «флаком», съ *к*, какъ въ именит. «флак». Такъ же по говорамъ Арх. г., Перм. г. и др.

мошно въ сѣввеликорусскихъ говорахъ Европы и Сибири. Здѣсь *ш* не вм. *жс*, а вм. *ч* передъ *н*: моч'но⟶мош'но, мошно. (*мош'но* при твердомъ *ш*: *шыло*, напр., въ Кунгур. у., с. Троельга). По аналогіи съ этимъ образованіемъ появилось *-шн* [*о*] и въ *долшно*, *другшно* (напр. въ Красноуфим. и Соликам. уу.).

Формы.

Существительныя.

Образованія съ суф. *·ище* въ болѣе широкомъ употребленіи на сѣввостокѣ европ. Россіи, чѣмъ въ прочихъ европейскихъ областяхъ ея. Напр.: рипище (полосы, засѣянныя рѣпой; Шенкур. у), гороховище

(мѣсто, засѣянное горохомъ; Кадник у.), печище (место, гдѣ было жилье; Николь. Тотем. уу.).

Образованія съ суф. *ан*: братан, Петрован—въ разныхъ сѣввеликорусскихъ областяхъ.

Образованія съ суф. *елж-о*: брателко (братёлко), зятелко (зятёлко)—также въ разныхъ сѣввеликорусскихъ областяхъ.

Повсемѣстное въ сѣввеликорусскихъ областяхъ употребленіе образованій именъ родства на *-о*: батюшко, брателко, лѣдушко.

Повсюду на сѣввостокѣ европ Россіи употребляются въ рѣчи образованія съ обобщившимся звуковымъ видомъ основы съ гласнымъ *о* вм. *ъ* въ такихъ случаяхъ, какъ *роту*, *в ротѣ*, *лоба*, *лобу*, *моху*. Удержалось съ прежнимъ *'о* (изъ *е) или м. б. вторично появилось сочетаніе *л'од*-у, *л'од*-ом. Такъ почти во всѣхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ. Но въ Череповец. у. льдём, льдю. Такъ же, какъ въ *л'оду*.. слѣдуетъ объяснять *ло* и въ *потолоку*...; съ гласнымъ *о* послѣ *л* (лок—локу...) эти формы извѣстны многимъ сѣввеликорусскимъ говорамъ. Но употребляются и такія образованія: с потолку (Холмогор. у.).

урки—съ утратой *о*, нѣкогда бывшаго въ корнѣ.

коровод—сѣввеликорусская передача этого слова.

Форма род. ед. м. и ср. на *у* (внѣ ударенія и рѣже подъ ударенiемъ) въ широкомъ распространеніи на сѣверѣ и востокѣ европ. Россіи—кругом дому, с краю-ту, с потолоку, из городу, из лѣсу—повсюду; вереду нѣт, наварили киселю, изъ свиньцю—въ Шенкур. у. Тамъ же формы на *-у* вытѣсняютъ и формы на *-а* при числит. «два»: два билету, два и

три году, безосну, с потолку (Холмог. у.) отосну (Печора).

Форма род. ед. для «день» въ сѣввеликорусскихъ говорахъ *-дни*: дни, с Миколина дни—въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ. Въ Шенкур. у. отмѣчено и *дне. дни* и новое *дню* употребляются въ сѣввеликорусскихъ говорахъ для дат. п. Для мѣстнаго служатъ новыя формы *дню, днѣ* или же старая передача: *дни*.

камени—род. ед. (Шенкур. у.) *каменя* (Сольвычегод. у.). *кореня*; *огни*—род. ед. (Шенкур. у.).

Въ передачѣ мѣстнаго ед. м. сѣввеликорусскіе говоры имѣютъ въ частомъ употребленіи формы на *у*: в лёсу и в лйсѣ, в вечеру в лобу, в песку, в городу, въ Херту. Также: на каменю.

Имена родства на *-о*. батюшко (им.), батюшка (род.), -у (дат.) -ом (тв.). ужо дай Боже сватушку ёму на пецѣ заблудитисё (напр въ Кадник у.). Съ такими окончаніями формы для этихъ именъ употребляются въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ.

Формы для именит. множ. въ говорахъ Сибири тѣ же, что и на сѣверѣ и на востокѣ европ. Россіи.

-jo ударенное или неудар. (по формальнымъ элементамъ—форма ед. ч.; значеніе собирательное): гвозьё (род. гвозья), зубьё выпало, камѐньё, ко́льё (моё), одно корёньё, колосьё, братьё. *-jo* можетъ быть употреблено въ передачѣ формъ собират. значенія и для жен. р.: коровьё, бабьё.

-ja: братья, шурья, деверья, ко̀лья. сучья, волосья, пестерья, поясья, окунья. Въ формѣ род. *-ей* или *ез* (*ов*): братьей, братьев.

-овjo, *-свja*: братовьё и братовья, зятевья, клоповьё,

сноповьё, сватовья, мужовья, шуровья. Род.—мужевей, братовей.

Далѣе къ югу, напр., въ Меленков. у. Владим. г. вм. *о*, *а* находится *и*, по аналогіи съ формами на *-и*: бра́тьи, ко̀льи, сыновьѝ, поясьи.

а: хресьяна, миряна, прихожана, дворяна, мѣщана, поѣзжана, Котошана, ба̀ра, тата̀ра. Съ окончаніемъ *а*, но съ ударенным *а*, сталъ употребляться въ сѣвеликорусскихъ говорахъ и рядъ другихъ именъ съ прежней основой на *-о, на *-и и вообще муж. р. на согл. въ именит. ед.: дьявола́-тѣ, анделá пластыря, мѣсеця, сходá, мостá, полá, морокá На удар. *а* оканчивается форма для именит. множ. и для сред. р: «масло» «пиво» «жито», «сѣно», «плечо», «поило»: «маслá, «пивá житá, сѣнá, (напр. въ Шенкур. у.), плечà, поилá (Холмогор. у.); но съ удареніемъ на первомъ слогѣ: плѐця—въ Бѣлозер. у.

е: баре (при—бара, баря), татаре, цыгане.

и, ы: сусиди, биси (въ Шенкур. у.), пи́сари, снѣги, дòмы и домы, пòясы, сыны, вòлосы.

Родит. мн. Окончаніе для род. мн. *ов* оказалось весьма продуктивнымъ въ сѣвеликорусскихъ говорахъ.—братов, волосов, сапогов, солдатов, ключов (клюцов), ножов, кирпичов (кирпицов), огнёв, приятелев (-'ов). родителёв ('ов); телёнков, робёнков. Употребляются съ этимъ окончаніемъ формы и для сред. и жен. р.: окнòв, мѣстóв, селòв, пивòв полёв, имев; избов, иконов, усатьбов, птицов, лошков, пàлков, чàшков.

Но въ тѣхъ же говорахъ употребляется и окончаніе *-ей*: зятьей, братьей,—братьей—братей—братовей, мужевей, отцей, купцей. огурцей, мѣсяцей, кон-

цей. ударили душей красных дѣвицей (послѣднее изъ Шенкур. у.).

Дат. и тв. множ Среди сѣввеликорусскихъ говоровъ европ Россіи имѣются такіе, въ которыхъ различаются формы дат. и тв.: дат. на *-м*, тв на *-ми* или на *-ма*, *-мы*. Таковы, напр говоры Шенкур у. (формы тв. на *-ми*, *-ми*). Но въ сочетаніяхъ съ предлогами *с*, *за*, *под* все же въ ходу фо́рмы на *-ми* за грибам, с людям, под ногам. Форма тв. въ говорахъ Шенкур у. оканчивается на *-ами*, *-'ами* съ ударенным *а*, или на *-ыма*, *-има* внѣ ударенія: столя́ми, огнѐми, ко̀нима, братьима, ухва́тыма, това́рыма. Такъ по описанію В. Мансикка. Но въ другихъ матеріалахъ по Шенкур. у. имѣются и такія передачи формы тв. мн.: с собак*ими*, с большима палк*ами* (Благовѣщ. в), дѐт*кама*, корѐньям*а́* (Соболев 15). Форма тв. на *-ма* употребляется и въ Холмогор у: рука́ма, нога̀ма. Во многихъ областяхъ Вологод. г. эта падежная форма также оканчивается на *-ма* (*-има*, *-ыма*): за коровыма, огородыма, за чашкима, коним а (В. Устюж, Сольвычегод. уу.). Въ Чердын. у. Перм. г.: с палк*има* и—с палк*ыма*, с лодкыма; деньгима все купишь, с дѣвкыма весело, а со старухыма не ба́ско; сва̀хима; с работникима и *-ыма*; за кон*яма*; но и на *-м* (послѣ предлоговъ): с лошадям, подъ ногам (Сыпуч. в.) На *-ма* форма тв. и въ Бѣлозер. у. Новг. г. и въ другихъ мѣстностяхъ. Это окончаніе для формъ прилагательныхъ и мѣстоименій употребляется и во многихъ другихъ областяхъ при формахъ на *-м*, *-мы* для именъ существительныхъ. Такъ, напр, въ Олонец. г.: слезам горюцима (Вытегор. у), дубовыма столамы (сѣв. зап Пріонежье); такъ по говорам Арх., Волог., Новг. гг.

Форма тв. на *-мы* представлена по говорамъ Арх. г. (деньгамы, грибамы—въ Кеми; белыма рукàмы—въ Печор. краѣ), Перм. г. (слезами и слезмы—въ Чердын. у., Сыпуч. в) Новг. г. (Бѣлозер. у.) Олонец г. (Пріонежье). На *-мы* употребляются формы прилагательныхъ и мѣстоименій и въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ говоровъ, въ которыхъ форма тв. оканчивается на *-м*: с намы (напр. Вытегор. у.).

Окончаніе *-ми* въ формѣ тв. для именъ существ. представлено всѣми сѣверовеликорусскими говорами по слѣ с о г л а с н а г о: слезми, людьми, госьми (но и—с гостям, слушай ушми, или ушàм (напр. въ Костром. г.), ночмѝ, ушмѝ, рѣчми (Соликам. у.); кормили ягодми, слезми, дѣлаю рукми, но—рубили топорам (Малмыж, Слобод. уу.) с гостьми, костьми, но—рукáма, ногàма (Холмогор. у.). гусьми, глазьми, плецьми (на Печорѣ).

Вм. *-ми* по говорамъ находится *-мы*: ушмы (Онега) слезмы (Чердын. у.), людмы (Новг. г. Эстяны).

Въ сочетаніяхъ съ прилагательнымъ форма тв. для существ. представлена въ прежнемъ видѣ: на *-м*: хвастат кони добрыма (в ъ б ы л и н ѣ, зап. на Печорѣ. Ончуковъ, 114). Такое же образованіе формы тв. встрѣчается и для прилагат.: помѣнелись злачны персни (оттуда же; 251).

Многочисленные говоры на сѣвостокѣ европ. Россіи представляютъ одну форму для дат. и тв.,—прежнюю форму для дат., на *-м*. Такъ во многихъ говорахъ Вологод., Олонецкой, Новгород гг. и др. Нерѣдки говоры, въ которыхъ форма на *м* употребляется для тв., а на *-ми* для дат. Напр., въ Гря-

зовец у.: я людьми даw; дѣтьми давали. Такъ же— и въ мѣстоименныхъ формахъ: вами оно нужно. Въ Верхотур. у. Перм. г.: к столам или—подошли к столами. Въ Слобод., Уржум., Глазов., Орлов. уу. Вят. г: к ласковыми дѣтям, с полным карманам, по лугами, к лошадями, дать корму лошадми, сходить было к людмѝ, царапала кохтям, с мужикам, з боронам и др.

мати, дочи. Весьма многіе говоры на сѣвводостокѣ европ Россіи удерживаютъ прежнія формы для именит ед. ***мати, дочи*** (***доци***). Такъ по говорамъ Арх. г. (Шенкур. у.), Вологод. г (Вологод., В. Устюж., Сольвычегод' Николь. уу.), Олонецкой г. (Каргоп. у.), Пермской г (Оханскій, Чердын. уу.) Вятской г. (Малмыж., Орлов., Слобод. уу.), Новгород. г. (Бѣлозер. у и въ другихъ мѣстахъ; «для ночи, дочи, молчи!») и вѣроятно въ другихъ областяхъ. Въ Ладогѣ «дочы» употребительно для звательн Но, если не во всѣхъ, то въ большинствѣ изъ нихъ при формахъ ***мати,*** *дочи* (*доци*) употребляется дли именит. прежняя форма винит.: *матеръ, дочерь* (***доцерь***). Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ извѣстны и формы *мать дочь* (Каргоп., Николь Бѣлозер. уу). Въ Бѣлозер. у. не только ***доци, дочь*** но и ***доця.*** Употребительны по отдѣльнымъ говорамъ и образованія съ суф. -[ъ] ка, -[ь]ка: ***матка, дочка,*** (*доц'ка*).

Форма родит.—***матери, дочери*** (*доцери*).

Дат. на *-ѣ*: матерѣ, матерѣ, дочерѣ.

Тв: матерьей, матерей, матерью; дочерьей, дочерью.

свекры. Эта форма нѣкоторымъ сѣввеликорускимъ говорамъ извѣстна (напр. въ В·Устюж. у. Волог.

г.).Чаще для именит. служитъ новое образованіе: свекрова (Холмогор., Яран. Бѣлозер, уу.). свёкровь (Бѣлозер. у), свекровка (Шенкур. у).

Судьба прежней формы на -уп'і, бары*ни*, барышни, сударыни (Малмыж. у.); бар*они*, барошни, [во]-сударони (Грязовец., Сольвычегод. В. Устюж. Екатеринб. уу.); бар*ына*, барышна, сударына (Сольвычегод. у.); бар*эна*, сударона (Орлов. у. Вят. г.); бар*оня*, барошня, сударoня (Слобод., Вологод. уу , с. з. Костром. г.) бар*овна*, сударовна (В.Устюж. у.).

Формамъ род ед. на -*ъ* (*е*) сибирскихъ говоровъ соотвѣтствуютъ такія же образованія на сѣверѣ европ Россіи,—у сестрѣ, из рѣкѣ, от женѣ (напр. въ Холмогор. у.).

Дат.—мѣстный на -*ъ* (*е*) подъ удареніемъ и внѣ ударенія (рѣже) въ прежнихъ основахъ на -**ь* (изъ краткаго * і) ж р.—общая черта сѣввеликорусскихъ говоровъ. *ъ* (*е*) перешло и къ формамъ дат.—мѣстн. для *мати, дочи, кровь*. Нѣсколько примѣровъ.—на печѣ (пецѣ), к ночѣ, в волостѣ, в грезѣ, в путѣ, в Кемѣ, в Пермѣ, в Казанѣ, в крѣпостѣ, на лошадѣ, на моей паметѣ к болѣстѣ, по ближностѣ, по горстѣ, жистѣ не рад; в кровѣ; дочерѣ, матерѣ—съ удар. на *ъ* (напр. въ Соликам., Слобод., В.Устюж. уу), или же удареніе на *ма-*, *до-* (Бѣлозер., Тотем. уу). На—ѣ и нарѣчія: назадѣ впередѣ

Имѣются и такіе говоры, въ которыхъ для нѣкоторыхъ именъ съ прежней основой на -*ъ* употребляются формы на -*и* ударенное: в осени, на плоши шади, на лошади, но и—к ноцѣ, поближностѣ... (Грязовец у.). Вѣроятно это *и* появилось не какъ фонетическая замѣна *ъ*, а какъ продуктъ аналогіи,—

подъ вліяніемъ формъ съ прежнимъ **-и** (на земл**и** на душ**и**, пут**и**..). По говорам это *и* (подъ удар.) не смѣнено посредствомъ *ъ*: к родн**и**, на зар**и**, по земли в семь**и**, в душ**и** (Холмогор у.). Съ другой стороны основы съ твердымъ согласнымъ въ формѣ дат — мѣстн. оканчиваются на **-ы** (подъ удар): на горы́, к воды (тамъ же).

Въ сочетаніяхъ съ *двои, трои* (рѣже *двсё троё*), *четверы, пятиры...* существительное передано въ формѣ им нит. множ : двои часы, двои двери, двои ворота (-ы), трои сутки, трои пельмени, четверы сутки, пятеры двери. Такъ въ разныхъ говорахъ на сѣв и востокѣ европ Россіи —двѣнадцатеры сутки и т. п (Буйскій у. Костром г.). Такъ же при мѣстоименіи ***обои:*** обои сутки, обои мужики, обои избы.

Въ сочетаніяхъ съ «два», «три» встрѣчаются и на сѣввостокѣ европ Россіи формы именит. множ. «два рубли» (въ разныхъ говорахъ) три годы (Николь у.); двацыцеть два годы (Шенкур. у. Троиц. прих.); три разы (Бѣлозер. у.). Но обычно въ сочетаніи съ «2», «3», «4» *раз* остается неизмѣннымъ: два раз, три раз, четыре раз (Шенкур. Николь., Слобод., Бѣлозер., Буйскій уу.). Повидимому, эти сочетанія близки къ нарѣчіямъ: кромѣ самаго вида этихъ образованій, на это указываетъ и то обстоятельство, что вмѣсто «два—раз», «три—раз» можно сказать и «по-двою», «по-трою». (Слобод. у.).

Прилагательныя.

Тѣ прилагательныя, въ формахъ которыхъ говоры Сибири имѣютъ твердый согласный, въ такомъ же видѣ существуютъ и на сѣввостокѣ европ. Россіи.—

ближной дальной, здѣшной, зимной, крайной, лѣтной, нижной, осённой, позной, ранной, утрошной, домашной—въ разныхъ сѣверовеликорусскихъ говорахъ. Но имѣются тамъ же и такіе говоры въ которыхъ для нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ прилагательныхъ употребляются формы съ мягкимъ согласнымъ, но съ гласнымъ *а*, по аналогіи съ формами съ *о* послѣ твердаго согласнаго.—зимнёе (Кадник. у.),зимнёва (Соликам. у.), раннёй (с. з. Костром. г.).

Объ окончаніяхъ формы род. ед. м. и ср. *-ого, -ова, -оо, -оа, -ого* говорилось выше.

Форма мѣстнаго ед. на *-ым, -им* свойственна сѣверовеликорусскимъ говорамъ, но не всѣмъ.—въ зелёнымъ саду, въ деревяннымъ сараѣ, на высоким дому (Малмыж., Чердын., Соликам. уу.).

Форма род. ед. жен. оканчивается въ сѣверовеликорусскихъ говорахъ на *-ой, -ые (-ие), -ыё (-иё), -ыя (-ия)*. Формы на *-ые (-ие)*, на *-ыя (-ия)* существуютъ въ однихъ и тѣхъ же говорахъ.—добрые жоны, не давай руки правыя (Арх. г.). Въ тѣхъ же говорахъ извѣстны и формы на *-ой*.—от молодыё жоны, злыё собаки, сѣрой масти (по говорамъ Вологод., Вят., Перм., Костром. гг.). Въ говорахъ дальше къ юго-востоку, въ группѣ Владимирско-Поволжской, эта форма оканчивается на *-ой*.

Окончаніе формы творит. мн. *-ма* находится въ сѣверовеликорусскихъ говорахъ съ такимъ же окончаніемъ и для существит., а также въ говорахъ съ иным окончаніемъ для существ. (см. выше). По говорамъ Вологод. (В.Устюж. у), Перм. (Кунгур., Шадрин. уу.), Вят. гг. находится формы прилаг. тв. на *-мя*. Та же форма можетъ служить и для дат. мн.

—с новымя, за добрымя людьми (Шадрин. у.), к добрымя родителям (Кунгур. у.). с большимя пawка-ми, но и—с большим ногам, с березовым дровами (В.Устюж. у., с. Городишна), худымя рукам (Вят. г).

По отношенію къ говорамъ Сибири пришлось отмѣтить только въ языкѣ пѣсенъ сложныя формы прилагательныхъ. На сѣверостокѣ европ. Россіи такого образованія формы прилагат. и мѣстоименій встрѣчаются не только въ языкѣ пѣсенъ, но и въ обыденной рѣчи.—под вороным конем (Борович. у.). другіим, всякіим, в другоём. в кажинноём, за богатыим (Устюж. у. Новг. г.), молодыех, молодыем и др. (Бѣлозер., Черепов. уу.). горькіех, чужіех (Малмыж. у.). от добрыех людей слыхала, на хозяйскіех харчах (ок. Костромы). на хозяйскіих харчах, сколькіих лѣт (Пошехон. у. Яросл. г.).

Сравнительная степень. Формы сравнит. степени сибирскихъ говоровъ по своему образованію—сѣверовеликорусскія. Въ сѣверовеликорусскихъ говорах эти формы представлены въ слѣдующем видѣ.

1) На *-е*. Въ этомъ *е* отражается чаще всего **е*, давнее, отъ формы именит. ед. сред —1) боле, мене (*boljes -* mьnjes-), краше, короче (короце), крѣпче, шире; 2) добрѣ, смѣлѣ, бѣлѣ, скорѣ и др.—въ разныхъ говорахъ. Если процессъ измѣненія *е* въ *о*—*о* охватывалъ не только *е* передъ твердымъ согл., но и конечное *е* послѣ мягкаго согласнаго подъ ударенiемъ и внѣ ударенія, то отсутствіе *о* въ формѣ сравн. ст. могло находиться въ связи съ слѣдующими обстоятельствами: отъ неударяемости слога въ образованіях 1 ряда (боле...), отъ отсутствія родственныхъ образованій на *о* и связи съ нарѣчіями на

ѣ. Въ рядѣ сочетаній *е* получилось въ результатѣ стяженія *ѣ—е* по утратѣ между ними неслогового і: добрѣ, бѣлѣ скорѣ и др.

2) Въ однихъ и тѣхъ же говорахъ имѣется и иная передача формъ сравн. степени: посредствомъ *—ѣје*. Этимъ сочетаніемъ была пройдена стадія ѣjö Въ такомъ видѣ, съ -ö, оно держится по говорамъ. На чаще вм. -ö находится -*е* ,—обычное явленіе сѣвеликорусскихъ говоровъ въ судьбѣ з а у д а р н а г о ö, произносившагося въ этомъ положеніи при отсутствіи активнаго энергичнаго участія губъ. Что касается *ѣ* подъ удареніемъ, то вм. него представлено *и*,—замѣна *ѣ* передъ мягкимъ согласнымъ. Но имѣется и *е*. Такъ, напр., въ ю.-зап. ч. Тотем. у. Волог. г. (О. Брокъ). Въ прочихъ случаяхъ передъ мягкимъ согласнымъ этотъ говоръ представляетъ *и* вм. *ѣ*: умијот. Вѣроятно, здѣсь *е* подъ вліяніемъ сочетаній для сравн. ст. на *-е* (ср. выше). По говорамъ могъ быть пройденъ и другой путь къ *е* вм. *ѣ*: утрата неслогового і: *ѣје*⟶*ѣ* (ср.: *умѣть* при *—умијет*). јѳ присоединилось отъ формъ на *-а*јѳ.

3) Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ при сочетаніяхъ на *-е* ,*-ѣје* представлены образованія для сравн. ст. и на -'а*јо* (-а*јо*), -'а*је*, -а*ја* или на -'а. а отвлечено отъ образованій сравн ст. съ а (вм. *ē) послѣ ј, ч, ж, ш. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ '*а* появилось въ результатѣ стяженія по утратѣ между гласными неслогового і. -*јо* въ -*ајо* представляетъ м. б. фонетическую замѣну конечнаго -*је*, не вступившаго въ ассоціацію ни съ нарѣчіями на -*ѣ*, ни съ формами сравн. ст. на -*е*. Наиболѣе распространено по говорамъ сочетаніе съ окончаніемъ—*аја*. Возможный

ходъ развитія -*a*ja былъ такой: -aje⟶ajä; дальнѣйшее измѣненіе, jä⟶ja, находилось въ зависимости отъ ассимилирующаго воздѣйствія предшествующаго слога съ *a*: ajä⟵aja. Ступень съ jä возможно полагать и для сочетанія съ -ѣje⟶ѣjä: измѣненія конечнаго -jä въ -ja не произошло вслѣдствіе того, что въ предшествующемъ слогѣ находилось не *a*, но *ѣ* (⟶e, e^i, i) а также и по связи съ образованіями на *e* (боле, мене). Этотъ путь измѣненія -*ѣje* могъ быть пройденъ въ однихъ говорахъ, въ однихъ сочетаніяхъ, при иномъ ходѣ измѣненія (ѣje⟶ѣjö, см. выше) въ другихъ говорахъ или въ другихъ сочетаніяхъ одного и того же говора (судьба конечнаго je въ русскомъ языкѣ не ясна).

4) Рѣдкіе варіанты на -*ѣja* могли быть происхожденія вторичнаго, будучи вызваны наличностью образованій на -'*a*j*a*.

Арх. г., быстряе, веселяе или веселяя, громцяе, свѣжае, тишае, круцяе, даляе, знакомяе, ливяе, скуряе,—при сочетаніяхъ на -*ѣe* (*ие*), *e* (Шенкур. у.). темняя, смиляя, скурие, хитрее (Шенк. у. Благовѣщ.). смеле, скоря (Онега). хитря, бѣля, смѣля, скоря; чаще: смѣлѣ.; изрѣдка: хитряя; отсутствуетъ: хитряё (Холмогор. у.). Вологод. г. сильняя или сильние, порацяя или -ие порняя или -ие. рѣже -*яе* (Кадник. у.). богатеjö, билеjö (или съ -je вм. -jö), умн'аja, тепл'аja, смил'a[j] а поjедрен'аа, скоpеjö и скоp'a[j]a (Тотем. у.; опис. О. Брока). скоряё и скорѣё, смиляё. . (Грязовец. у.). смиляе, скоряе (Вологод. у.). смилие, скорие, билие, и—смиляе, скоряе, биляе и—сильня, миля, крѣпця и крѣпце (ср. мѣсто ударенія; В.Устюж. у.). «сталяя=лутче» въ в.-устюж. словарѣ

1757 г. На—*яя* въ Сольвычегод. у. Олонец. г. скуряе, бѣляе (Каргоп. у.). синяя, красняя (Вытегор. у). Новгор. г. хитряя, зляя (Бѣлозер. у. Лихач. в.), скоряе, волняе, миляе, ловцяе, богацее, шипцея, хужея (Бѣлоз. у. Мишут в.), смилие, скорие, билие (Бѣлоз. у. Боров. в.; *ье* и въ дёшевлие (Кирил. у. д. Ольховица). На - *ье -ие* и на *ья, -ия*, иногда—*ый* у стараго поколѣнія и на—*яе*, *я* (больняе, скоря) въ Тихвин. у. На—яё въ Позерахъ Новг. у. Перм. г.: биляя, хитряя, бассяя (Кунгур. у.). добряя и добря, новяя, миляё (Верхотур.у.), хитря, хитрѣя, смѣлѣ и смѣляе скоряе (Ирбит. у.). скоряе и скорѣ, больнѣ, теплѣ (Шадрин. у. с. Осинов.). скоряё и скоря синяй, добряй (Шадрин. у. с. Першинское). горазно бѣля, скоря, смѣля и скоряе, смѣляе (Чердын. у.). Вят. г. тепляе, миляе, бастае, лѣвяе, ходячяе, поближае, раншѣе (Малмыж., Елабуж., Уржум., Сарапуль., Слобод., Яран. уу.). скориё, бѣляе, синяе (Слобод. у. с. Нагорское). смѣляё, бѣляё (Малмыж. у. с. Б Жирново). Костром. г скоряе хитряе (сѣв.-зап ч.). иди скоряя, а то стемняёт (ок. Костромы).

Родъ.

Тѣ черты въ отношеніи грамматическаго рода образованій для именъ существ., которыя представляютъ говоры Сибири, вынесены съ сѣвостока европ. Россіи.—п у т ь—ж. р. (въ разныхъ сѣвелико-русскихъ говорахъ; ср.: «какую путь-дорожку» (Каргоп. у.); эта связь съ «дорога», —жка» и послужила причиной перемѣны рода въ «путь». Ср. и судьбу «времячко»: «о котору пору—времяцьку» (Каргоп. у.). к о л о к о л о (въ разныхъ сѣвелико-

русскихъ областяхъ), яблок—яблук, ужина, заработка (тоже въ разныхъ мѣстностяхъ). Ср. еще нѣкоторыя сѣввеликорусскія образованія, подков (Шенкур. у., сѣв. з. ч. Костром. г.), жорново (Шенкур. у.), огородь, какъ изгородь (Костром.).

Мѣстоименія.

Формы личныхъ мѣстоименій въ сѣввеликорусскихъ говорахъ представлены въ слѣдующемъ видѣ. Род. вин. ед. Въ повсемѣстномъ употребленіи форма на *-а*: меня (миня), тебя (тибя), себя (сибя). По говорамъ произошла утрата *б*: у тея, у сея (напр. Малмыж. у.), тия (Холмог. у.). Для Холмог. у. отмѣчено также *мене* (рѣдко). Кромѣ этихъ сочетаній употребляются и другія: съ гласнымъ *о* для 2 л. и для возвратнаго: *тобя, собя* (Холмогор., Шенкур., Каргоп., Бѣлоз., Кирил., Чердын., Ирбит. у.у., с.-зап. ч. Костром. г.). Въ тѣхъ говорахъ въ формѣ дательн. 2 л. и возврат. также *о*: тобѣ, собѣ. Отъ этихъ послѣднихъ формъ и перешла основа съ *о* въ формы род.-вин. Въ такомъ же направленіи происходило въ нѣкоторыхъ говорахъ обобщеніе для 1 ед.: *мня*—род., вин. (Вытегор. у., Печорскій край, Малмыж., Яранскій, Борович., Бѣлозер. уу.), *мя, тя* или *те*—въ разныхъ говорахъ,—рожа-та у тя шире масленици (Арх г.). у те (Малмыж., Ирбит. уу.). Дат. ед. Для 1 л. по говорамъ находится *мень, мянь* (Холмогор. Бѣлозер. у). Съ утратой *б*: тиѣ (Бѣлозер. у.), теѣ, сеѣ (Меленков у). *те, се* (въ разныхъ говорахъ). Для 2 л. и для возвратн. во многихъ говорахъ находится форма съ *о*: тобѣ, собѣ.

Дат., твор. мн. Кромѣ обычныхъ формъ *нам*, *намы*, ср.: *намы*, *вамы* (Кемь), к нами, с вами, с нами, с нам (Чердын. Ирбит. уу.).

Он, *јон* јон јона, јоно имѣются во многихъ сѣввеликорусскихъ говорахъ (В. Устюж., Кадник., Вытегор., Устюжен. Бѣлозер, Череповец., Тихвин. Старорусскомъ, Борович. уу.).

Твор. ед. м. и ср. *јим* (Холмогор. Шенкур., Бѣлозер. и др. у у.), *јом*. за јом, с јом (Чердын. у.).

Мѣстн. ед.: јом; в јом, об јом (въ разныхъ мѣстностяхъ). «в ём» и «в им» (Каргоп., Чердын. уу.).

Жен. р. род.—вин.: ие (ије, јије), за ие, у ие, не бейте йіе (Кадник, Сольвычегод., Кирил. уу.). ие, ее, ей (Шенкур. у., Печор. край), у её, бей её (Николь. Грязовец., Камышл. уу.). у её, у ей, сѣв-зап. ч. Костром. г. Малмыж. у. Устюжен—Новг.: иё. *ею* (Позеры Новг. у.), ёю, ею, ю (Бѣлозер. у.). ію, іё, (Борович. у.). её, еѣ, ю, ей (Холмогор у.). ю, ею: нѣт ею краше (Печор. край) ю, ей (Каргоп. Вытегор уу.). Но *ји*, какъ на Колымѣ, не отмѣчено.

Во множ. ч. для именит. служитъ въ сѣввели корусскихъ однихъ говорахъ *оне* (*онэ*), какъ и въ Сибири, въ другихъ—ёне, ёны, *оны*, *они*, *оне*—въ Шенкур, В.-Устюж. уу., въ группѣ Владимирско-Поволжской. *Онэ*—въ Бѣлозер у., ёне—въ Череповец., Вытегор. уу ёны—въ Сторорус. у. *оны*—въ Тихвин., Борович уу, *оне* и *они* въ Шенкур. у. и въ др мѣстахъ.

Дат. тв. мы *им*, *има*, *имя*, (Арх., Волог. гг.) с *ими* (Бѣлозер. у.), с има (Каргоп., Холмог. уу. и др.). с имя (Волог. г.), дал имя, или емя (Вят., Перм гг.); имям (Вят. г.).

Съ формами мѣстоименій «тотъ», «этотъ» си

бирскихъ говоровъ сравните формы сѣввеликорусскихъ говоровъ Европы: особыхъ образованій въ Сибири не имѣется; существующія формы принесены были съ сѣввостока европ. Россіи. Не отмѣчены въ говорахъ Сибири только нѣкоторыя образованія, имѣющіяся въ тѣхъ или иныхъ говорахъ Европы. Род.—вин. ж. ед на—*jo* представленъ говорами Вологод , Костром., Вят., Перм гг.— не тыё муки, с тыё стороны; у тыё бабы; на тыё берёзу; тыё -ту бабу. Въ другихъ говорахъ эта форма оканчивается на—*ѥ*: тыѐ. Въ В Устюж. у. форма вин. ж.—*тою* (-ту).

Форма мѣстнаго м. и ср. ед. по сѣввеликорусскимъ говорамъ имѣетъ тотъ же видъ, что и въ говорахъ Сибири:—в тѣмъ углу (Камышл., Малмыж. уу. и др.). в этѣм углу. Такъ для твор.: за этѣм домом (Кадник. у), в этим дому (Костром. г.). Но и—*тым* (томъ; напр въ Слобод у.).

Именит. мн. *тѣ, этѣ* (Арх., Перм), *тѣи* (Ладож. у.), *тѣ* (Арх г., Тихвин. у. Новг. г.), *тые* (Арх. г. Грязовец., Череповец. Бѣлозер., Крестец. уу.), *тыи* (Крестец у), ти съ *и* вѣроятно вм. *ѣ* (Печор край, ср. *и* въ: в городи, к рѣки, на вини). Родит. *тых* (Арх., Вологод., Новг. и др.), *тыих, тѣих, тѣх* (Крестец., Борович. уу.), *тѣх тѣф* (Шенкур., Холмог., Бѣлозер., Соликам. уу.). *тих*←тѣх (Печор. край). Сложныя формы существуютъ по говорамъ и для дат. и тв. мн: *тыим, тѣими.*

Другія образованія для дат. и тв. мн : *тѣм, тыл. тыим, тѣма, тѣмя, этѣмя.* Формы дат.—тв. на—*мя* въ этихъ и другихъ мѣстоименіяхъ свойственны преимущественно говорамъ Вологод. Вят., Перм гг. (имя, тѣмя, всѣмя).

Образованія съ основой *ты-* употребляются по говорамъ на-ряду съ образованіями съ основой *тн-* *тн* басни да *сн* басни (разговоры; Каргоп. у.) Род. *сех*: по сех пор, до сех мѣс (напр., въ Грязовец. Шенк. уу.). Въ Сибири отмѣчено—до *сях*.

Старая форма *чим* въ употребленіи до сихъ поръ въ сѣввеликорусскихъ говорахъ.

Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ въ ходу мѣстоименныя образозанія съ *не—*: нехто (=никто), некакой (=никакой), хто-небудь, нечего (=ничего), некоторой (=никакой), некогда (=никогда), некуда—въ разныхъ мѣс тностяхъ.—нехто ему велѣл (Николь, Сольвыч. уу.), некуда и ходил (Сольвычегод у.).

Формы для мѣстоименій «мой», «твой», «свой» сибирскихъ говоровъ соотвѣтствуютъ формамъ такого же образованія на сѣввостокѣ европ. Россіи.

Въ мѣстоименіи «ихъ» основа одинакова въ говорахъ Сибири и сѣввеликорусскихъ европ Россіи ихой, иха [я]; ихной, ихна [я]..

Формъ, соотвѣтствующихъ колымскимъ *о-хто*, а также *а-мы*, *а-ты*, съ начальнымъ гласнымъ *о*, *а*, на сѣввостокѣ европ. Россіи не отмѣчено.

Формы для мѣстоименія «весь», представляемыя говорами Сибири, имѣются и на сѣввостокѣ европ. Россіи. Только замѣтимъ о формѣ именит. мн. На сѣввостокѣ европ. Россіи она еще держится съ окончаніемъ *и*: *вси*, (напр. въ Холмог., Каргоп., Борович, Камышл., Слобод. уу.). Вѣроятно, съ этимъ окончаніемъ она употребляется и въ нѣкоторыхъ говорахъ Сибири Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ Европы основа на *и* перешла и въ другія формы: *всих*, *всим*, *всими*. Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ на-

ходятся и другія образованія: *всьмя*, при—*всими*, всим (Слобод. у.), всѣма, *всьмя* при *всим*, *всима* (Холмог. у.).

Всячина (В.Устюж.,Холмог. уу. и др.).

Въ формахъ мѣстоименія «оба» («обѣ») говоры Сибири отражаютъ въ себѣ черты образованія сѣвве ликорусскихъ говоровъ.—*обои* или—обо́и, *обыи* (въ разныхъ мѣстностяхъ), *обы* (Кемь), о́быи (Слобод. у.). о́бое, о́боё (Бѣлозер. у.). Въ другихъ формахъ отражается вліяніе основъ на *-ъ*, или на *-ои* или на *-и*, *-ы*: о́бои, обо́их (напр. въ В Устюж. у.). о́бои, обѣх, обѣм, обѣми, обѣмя (напр. въ Тотем., Николь, Кадник., Слобод, Соликам., Чердын. уу., въ Костром. г.). обо́и (мужики, избы), обѣх, обо́их, обѣм, обѣма (тв.) обо́има, обѣима (Шенкур. у.). обо́и, обих. обѣх, обим, обѣм (Тотем., Слобод. уу.), о́быи, обым, обѣх (Слобод. у.). обы, обых обым (Кемь).

Сходныя образованія представляютъ формы для «одинъ», «одна». Для сѣввеликорусскихъ говоровъ европ. Россіи укажемъ такую форму для «одинъ»: *один си* (один, совсѣмъ одинъ; Тихвин. Ладож. уу). Въ Сибири она не отмѣчена. Вин. ж.: *одиуё* (Ирбит., Крестец уу. и др). Во множ. формы съ *ы* или съ *ъ*: одны, одных; однѣ (оннѣ), однѣх...

Образованія для «два» «двое», «три», «трое» и др. въ сибирскихъ говорахъ тѣ же, что и въ сѣввелико-русскихъ говорахъ европ. Россіи. Основа этихъ формъ различна: 1) обобщилась съ гласными—*ои*; 2) съ гласнымъ *у* не только для «2», но и для «3» и для «4»; въ формахъ для числительныхъ «3» «4» передъ *у* сохранена мягкость согласнаго *р*; по говорамъ мягкость согласнаго (*в*) представлена и въ «2»; 3) съ

гласнымъ *е* не только для «3» и «4», но и для «2»; 4) съ *ы* по мѣстоименнымъ образованіямъ; 5) съ *и* («3»).—двоймя троимя и тримя четыремя (Соликам. у.), двых, двым (В Устюж., Бѣлозер. уу.). двух, двых—двыф, двум, двы двумà, двымà двѣмя; но—трёх—трёф, трём, тримà, трёмá; цетырёх, цетырема (Шенкур. у) двума, трема (Каргоп. у.); двуми, треми, четыреми (Кирил. Слобод уу.), двумá тремà, двоимà (Сольвычегод. у.). двых, двым, двуми; трюх, трюм трюмя, четырюх, -м (Бѣлозер. у.), двёф, трёф и трюф, трюм, (Бѣлозер. у., Боров. в.), трюм, трюк (Малмыж у.), трюми, (Красноуф. у.). двуми, треми и трюмя (Покров. у. Владим. г.), двюх и двех (Черепов. у.); двёх, двём (Борович. у.). трёма, трюм, трюх (Чердын. у.). Какъ видно, въ отдѣльныхъ говорахъ не проведено опредѣленныхъ типовъ образованія для этихъ числительныхъ: въ одномъ и томъ. же говорѣ находятся образованія съ разными основами.

Прежнія формы тв. *двою, трою,... семію* употребляются въ значеніи нарѣчій: дважды, трижды и т. д. (въ разныхъ говорахъ), трою был дож (Слобод. у.) семью помирь, а однажды отрѣж (Кадник. у.).

Членныя формы.

Членныя формы употребительны во всѣхъ сѣв-великорусскихъ говорахъ. Образованіе ихъ то же, какое отмѣчено было въ говорахъ Сибири. Нѣсколько примѣровъ. Вологод. г.: хлѣб-от, баба-та, дѣло-то мать ту (или матерь-ту) носить будут, kowда ты измяw гресь-ту. уж знать паметь-ту у меня отшибло. глину поставиw в корытѣ пот ноги: он думаw, пока мелю муку, той порой глину-ту и стопцю, што в ём

толку-ту, управой-ту. из голов-ту. бабам-ту, коровы-тѣ, лапти-ти, пуговки-ти, робята ти, брёвна ти. Арх. г.: кон'-от. баба та, дѣло-то, болота тѣ, иконы-тѣ, мужики-тѣ, домы-ты, службы-ты, дѣфки-ты, душу-ту рож-ту, жониху-ту, сѣнокосу ту мало; в лѣсу-ту, днём-ту, глаз ту, в мѣшках-ту, жывых тѣ с дѣвки ма-тѣ, сына та (Шенкур. у). Вят. г.: отец-от (ат), отца-та, отцу-ту, отцом-то, об отцѣ-то (-та); палка-та, палки-тѣ (-то), палкѣ-то, палку ту. больно колокольнича та высока,—как это крёст-от и воткнули? Ванчо! скажи моей кобылѣ «тпру»! А сам-от ще? Да у меня в роту-ту кроха. Новгор. г.: хлѣб-от и хлѣб тѣ, масла-тѣ, каша-та и каша тѣ, бабу-ту, парню ту, бабы-тѣ (Бѣлозер. у).

Въ рядѣ случаевъ можно наблюдать на гласномъ членнаго окончанія гармонизирующее вліяніе предшествующаго слога: отцу-ту, роту-ту, парню-ту; ср. и примѣры изъ Вологод. г Вырочемъ, въ Вологод г. *ту* можетъ представлять фонетическую замѣну сочетанія *-то*. Въ зависимости вѣроятно отъ предшествующаго слога съ *ы* находится *ы* въ окончаніи членной формы въ примѣрахъ изъ Шенкур. у.

Родимо-јот батюшко; перво-јот гот и не надо потацьки давать жонѣ (Вологод. г.). По говорамъ въ членныхъ формахъ прилагат. членные элементы оканчиваютъ именную форму: нов от стар от поп (Шенкур. у.)

Глаголъ.

Основы. Черты въ образованіи основъ, отмѣченныя въ говорахъ Сибири, свойственны и говорамъ на сѣверовостокѣ европ. Россіи.

Плов- : плову, пловёш, т.. (напр., въ Арх., Перм. гг.).

Зяб : зябу, озябу, ёш (напр., въ Холмог. у., въ с. з. ч. Костром. г.).

Скать, скет (сучить, свивать; Черепов. у.).

Лев-. И въ сѣверикорускихъ говорахъ образованія съ ***лев-*** въ повсемѣстномъ распространеніи,—налевать розлевать, полевать; «улеваицьце ина слезами горюцима» (Шенк. у., Троиц. прих.). ***л в*** и въ именныхъ образованіяхъ: левень, полёвка, налевка, долев залев, залевной (—повсюду). Эти образованія восходятъ къ основѣ съ *ъ* ср. др. церк.-славянскія, ново-болгарскія и сербскія образованія съ *ъ* или его замѣнителемъ, ср. и древне русскія передачи соотвѣтствующихъ образованій съ *ъ*: кръвь мою пролѣеть (Успен. Сбор, жит. Бор. и Гл.); лѣють вино (Кормчая по сп. 1282 г.'; облѣются квасомъ усниянымь (Лавр. сп. лѣтоп.) и др. Несомнѣнно, на образованіяхъ съ ***лев- а-*** отразилось также вліяніе категоріи формъ съ инфинитивной основой на ***-ова , -ева*** :

Въ основахъ на ***-и*** форма 1 ед. имѣетъ тотъ же согласный (*т, д, с, з,* рѣже губн. согл.), какой находится передъ *и* въ прочихъ формахъ:—колотю, молотю, лудю, кадю, морозю или морозю, косю, храпю, долбю, ломю, пособю (Холмогор., Шенкур. уу.), платю, летю, хватю (Соликам. у.), брошю, колоцю, но—пустю (Красноуф. у.). «только: колотю» (Чердын. у., Сыпуч. в.) колотю; вредю, бросю, пустю (Вят. г.) «гадюся—бранюся», «кудесю—въ уединеніи что-нибудь дѣлаю», «статюсь—хорошимъ кажусь»—въ вятскомъ словарѣ 1772 г.

Образованій съ мягкимъ согласнымъ въ осно-

вахъ на *е—о* (*не—но*) въ ф. 1 ед (станю, будю...) какія представлены на Анадырѣ, въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи неизвѣстны.

Въ формахъ глаголовъ, съ прежней основою на *е—о*, корень которыхъ оканчивался на *к/ч, г/ж* произошли въ сѣввеликорусскихъ говорахъ Европы новообразованія, какія отмѣчены в Сибири. 1) Съ *ч* (*ж*) въ 1-мъ ед. и 3-мъ мн. отъ прочихъ формъ, имѣвшихъ *ч* (*ж*) передъ *е* можу (Слобод. у.). 2) Съ *к* (*г*) во 2, 3 ед и 1, 2 мн отъ формъ 1 ед. и 3 мн: пекёш, стерегёш; но—можош, можут (В. Устюж; Холмог., Шенк. уу.); текёш, текём, стерегём (Тотем. у.), лѐгёт, текёт, мо̀гитё (Грязовец. у.). текёт и текот, стерегёш и стерегош, могош (Чердын. у.). 3) Твердость *к* (*г*) въ основахъ такого происхожденія: лгош, толкош, могот (В. Устюж. у.), жготся, запрягом, текот (Николь. у., Тотем. у. Жевдениц. в); ткот, сѣкот, а также—*несот* (Тотем. у. Великов. в.). *-кош, -гош* по всѣмъ уу. Вят. г. Такія же образованія извѣстны говорамъ и другихъ областей, ближайшихъ къ вышеназваннымъ, а также по говорамъ, группы Владим.-Поволжской.

Встрѣчаются по говорамъ и старыя основы съ *ч, ж*; жжотсе, тичот (В.-Устюж. у. Городичина и др. села), бережош, печош, но—тк'ош (Тотем. у.).

Въ отношеніи гласнаго *е* въ окончаніи формъ 2, 3 ед и 1, 2 мн. въ говорахъ Сибири находится *'о* такъ же, какъ и въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.—бер'ош, бер'оте, проѣд'ош, им'ош (1. иму), им'ом, имитё (*-ите*—внѣ ударенія передъ мягкимъ согл.); толк'ош; и съ новой основой: бѣг'ош...

Въ зап. ч. Новгород. г. отмѣчены формы съ *е*: лгѣш, врѣш, лягет, берѣм..

На *т* твердый оканчивается форма 3 ед. и мн. въ говорахъ Сибири согласно съ сѣввеликорусскими говорами европ. Россіи. На сѣверѣ европ Россіи имѣются говоры съ мягкимъ *т* в ф 3 мн Таковы говоры въ Олонец. г.: дадуть; но 3 ед.: идё, играе (Каргоп. у. Лепшин. прих.). Мягкій *т* въ ф. 3 мн. послѣ *у* имѣютъ говоры въ Заонежьѣ: ѣдуть, придуть, доставають, но употребляются и формы съ твердымъ *т*. Въ 3 ед —*т*. твердый.

Отмѣчены и въ Сибири на низовьѣ Ангары, говоры съ мягкимъ *т*. Но эти говоры принадлежатъ къ акающимъ и якающим говорамъ.

Во многихъ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи въ формахъ 3 ед. и мн. *т* отсутствуетъ, хотя и не во всѣхъ случаяхъ. Таковы говоры Арх. г., Новг. г. (зап. ч.), нѣкоторыхъ мѣстностей Вят. г. Въ Олонецкой г. въ формѣ 3 мн —*т*', а форма 3 ед можетъ быть безъ *т* (см. выше) знаё, гуляё бѣга, буде, выткнё, берё приходя, садя, ѣдя (Шенкур. у.), берё, говори, приходи но—выпиваёт: грузя, ходя, ѣдя, но и—косят (Тихвин. Бѣлозер., Крестец. у.у.) беру, наваливаю (Тихв. у.), гъворя, ѣзьдя, Бох jä знаа; знаат (Нолин. у.). Если же форма 3 мн имѣетъ въ окончаніи гласный *у*, то *т* присутствуетъ: *-ут*: идут, снесут. Такъ въ Шенк. у; такъ и въ отдѣльныхъ говорахъ Новг. г. (Крестец. у.) Но въ Тихвин. у. и—беру наваливаю. Въ Шенк. у. не отмѣчено отсутствія *т* и послѣ *и* въ ф. 3 ед.: ходит..

По говорамъ Шенкур. у. (Троиц. прих) при формахъ 3 ед. и мн. безъ *т* употребляются чаще

сочетанія съ *-то*: бер'ото, носито, сидято. Конечный гдасный *о* отъ этихъ формъ перенесенъ въ форму 2 ед.: идёшо, сидящо (при наличности—идё, идёт, идёто и т. п.).

По говорамъ Новг. г. форма 3 ед. употребляется съ окончаніемъ *та*. Такое окончаніе представлено новгородскими говорами, незнающими аканья. Сомнительно впрочемъ, чтобы это *-та* уцѣлѣло отъ ф. двойств. числа. Вѣроятнѣе, что *-та* въ этомъ сочетаніи находится въ связи съ *-то*, которое представляютъ въ этой формѣ нѣкоторые сѣвеликорусскіе говоры. Измѣненіе конечнаго *то* въ *та* параллельно измѣненію конечнаго *те* → *т о* въ *т'я*: гледитя, пойдетя (Бѣлозер., Борович. уу.). Отъ формы 3 ед на *-та* проникло *а* и въ форму 2 ед. и 1 мн: будеша, помниша, х:дима (Устюж. у. Новг. г.). иде, пье (ок. Боровичъ), будета (въ сосѣднемъ с. Новосилицахъ), идё, идёта, есте (Эстьяны Новг. у.).

Въ говорахъ Сибири отмѣчены формы только съ окончаніемъ *т*; безъ окончанія—*буде*.

Окончаніемъ формы 2 мн. служитъ *-те*. По говорамъ для нѣкоторыхъ глаголовъ удареніе находится на *-те*. Но съ *т'о* формы 2 мн. не отмѣчены въ Сибири. Въ сѣвеликорусскихъ европ Россіи представлены такія же образованія формы 2 мн.: *те* или *т'е*; удареніе находится на *те* обычно для глаголовъ, имѣющихъ въ другихъ формахъ удареніе на личномъ окончаніи. Но на сѣвостокѣ европ. Россіи много и такихъ говоровъ, которые имѣютъ *т'о* вм. *-те* подъ удареніемъ и внѣ ударенія. Вологод. у.: кладитё (удареніе на послѣднемъ слогѣ), деритёсь (уд. на послѣднемъ слогѣ), возьмитё, хотитё и хотитё (удар.

на послѣд. слогѣ). Соликам. у.: неситё, деритёсь (уд. на послѣд. слогѣ). Кунгур. у.: несете, подите, пьите. Малмыж, Слобод уу.: беритё, поитё, пьитё, деритёсь, кладитё (уд. на послѣд слогѣ). Яран. у. дѣспитё, идитё (уд. на послѣд. слогѣ), бѣжите, дожидайте. Костром. г: ходите, берите, придите (уд. на послѣд. слогѣ) но—поставите (Плес и окрест) Новгор. г: вы цяю снацяла попьите (уд. на послѣд. слогѣ), а потом приходите; носите, кладите (уд. на послѣд. слогѣ); ужинайте и ужинайте; мало спите (не—те), пойдите. «Удивительное непостоянство окончанія -те», замѣчаетъ описыватель (Бѣлозер. у., Мишут. в.). спитё, пойдетё (Тихв. у.).

Въ говорахъ Арх. г., по говорамъ Вологод. г. и другихъ мѣстностей конечное *те* подъ удареніемъ и внѣ ударенія представлено съ *е*, а не съ *о*.

Форма 3 мн. оканчивается по сѣверовеликорусскимъ говорамъ сочетаніемъ *уж* не только въ прежнихъ основахъ на *е* (*о*) но внѣ ударенія и въ прежнихъ основахъ на *и*: хвалют, просют...

Въ Сибири отмѣчено *ести*. Но обычно тамъ встрѣчается *ес*, какъ въ сѣверовеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи. На сѣверостокѣ европ. Россіи имѣются и другія передачи для est: *ести*, *есте* (Плесъ и окр. Костром. г.; Бѣлозер. Ладож., Тихвин., Борович. уу.; въ послѣднемъ и—*естя*); *е* (Повѣнец., Каргоп., Тихвин уу.); *ѣся* (Верхотур., Малмыж. уу.).

Даси, продаси (Кадник., Грязов., Вологод., Пошехон. уу.) въ Бѣлозер. у. и—*даси*.

Ѣси, *иси* (Волог, Вытегор. уу. Бѣлозер у; здѣсь и *ѣси*

Что ты милая картошки ни иси?
Неужели ты платочка не даси?

и (ѣшь; Тихвин. у.: що же ты ничего не і. Б.Будогоща). (Бѣлоз. у., д. Солмасъ). Такихъ формъ въ говорахъ Сибири пока не отмѣчено.

Образованія с инфинитивной основою стараго и новаго происхожденія. Образованія съ суф. *ова-* весьма продуктивнымъ въ говорахъ Сибири, представлены, конечно и въ говорахъ европ. Россіи, но не въ такой значительной степени какъ въ Сибири.

Извѣстны по отдѣльнымъ говорамъ сѣвостока европ. Россіи и образованія на *-ува-* : зимувать, ночувать (Холмог. у.). Но той послѣдовательности въ употребленіи суф. *-ува-*, какая представлена на Колымѣ, не отражается въ сѣвеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.

Вліяніе основы наст. вр. на такихъ образованіяхъ, какъ—поклюивать, выплюивать (напр. Каргоп., Холмогор. у. у.), подкуивать, размежуивать, выплюивать (Бѣлозер. Кирил. у у.).

Въ Сибири такъ же, какъ и на сѣвостокѣ европ. Россіи употребительны образованія съ прежней основой наст. вр. вм. инфинитивныхъ *ны-, вы-* : *нолть, воять* (Арх., Волог. Новг г г.).

Одинаково съ сѣвеликорусскими говорами европ. Россіи въ говорахъ Сибири гласный *е* отъ основы наст. вр. перешелъ въ инфинитивныя образованія: *брѣть, брѣться, брѣл.*

Вліяніе основъ настоящ. вр. на инфинитивныя образованія отражается и на такихъ глаголахъ: трать (тереть), сотрать; жгать (жечь), сожгала (въ разныхъ сѣвеликор. говорахъ). Но въ Бѣлозер. у.: зажогли (с. Георгіев). Инфинитивныя образованія, восходящія

къ *chъt : хтѣть, хтѣл (Бѣлозер. у.), —въ Сибири не отмѣчены.

Въ говорахъ Сибири, согласно съ сѣввеликорусскими говорами европ. Россіи, употребляются инфин. т. образованія съ кореннымъ гласнымъ *'а* въ *сясти, сял, сяли* (Печорскій край Кемь, Черепов. Бѣлозер. у у., Галичъ Костром. г., Пошехон. у., Шадрин. у.: *сясть* и *сись*; Оханскій у.; Кунгур. у.: *сясть, систь, сял*; Ирбит. у. и—систь; Малмыж., Слобод. уу.). Но держится въ говорахъ и прежнее образованіе съ *ть→и*: *систи, сьс'* [*т'*] *сис'* (Шенкур., Холмогор., В.Устюж Вологод., Николь., ок. Костромы, Глазов., Орлов., Сарапуль: хлиба бы ись—да некуды сись; Кунгур., Шадрин. у у., при формахъ «сясть»). Какъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ Сибири, имѣется на сѣвостокѣ образованіе наст. вр. съ *е*: *сьду*, при—*систь, сясть, сяла* (Ирбит. у.), сѣдиссе, сѣжусь, сѣжа—въ Шенкур у. Но там же и съ *-и*: сидите сидясь, сижа.

Взаимодѣйствіе въ формахъ съ корнемъ *лег-* (л'ог), *леж-*, *лог-*, *л'аг-*, отмѣченное въ говорахъ Сибири, отражаетъ черту сѣввеликорусскихъ говоровъ европ Россіи:— лягет (Холмог. у.), ляг., ляжь, ляги, лёжись (Бѣлозер у.), легу (Охан. у.), легать (Слобод. у.) лягитѣ (Уржум. у.)

Тѣ глаголы, въ которыхъ инфинитивная основа приняла тематическій гласный *ъ* вм *и* и *а* одинаковы въ говорахъ Сибири и сѣввостока европ. Россіи. По сѣввеликорусскимъ говорамъ употребляются основы на *ъ* (*е*) такого происхожденія слѣдующихъ глаголовъ: говорѣть (говорѣл..) кричѣть, молчѣть, скучѣть, шевелѣть,—ся, вопѣть, печка истопѣлася, шутѣл, разсердѣлись; пастух трубѣл... Такъ повсюду по

говорамъ сѣввостока европ. Россіи. Но встрѣчаются и формы на *-и* Въ отдѣльныхъ говорахъ *-ѣть* имѣютъ и другія глагольныя основы: ходѣл, молотѣл, пилѣл (Бѣлозер у.), любѣть, любѣла (Вят. г). Съ *ъ вынѣть* при образованіи *вынимать*. Существуетъ и *внять*.

Общее явленіе съ сѣввеликорусской діалектической областью имѣютъ говоры Сибири и въ глагольныхъ образованіяхъ съ основами на *'а* вм. *ѣ*, *и*, и въ глагольныхъ образованіяхъ на *и* вм. *ѣ*, и въ сохраненіи давнихъ основъ на *и*. 1) звонять [с]темнять, осырять хоронять, смотрять, видял, загоряться—въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи. 2) жалить, ревить (и наст. съ *-и*: ревит...),ьвисила (=висѣла; В Устюж.); съ *и* и —обманить 3) смотрить, стрѣлить [=выстрѣлить], гонить

Укажемъ еще на любопытныя образованія причастныхъ формъ прош. вр. въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ Россіи: *вижен*, съ основой отъ формы 1 ед. наст. (Арх , Вологод., Новг. гг.). *видла* (Олонец., Новг. гг.) *въсла* (=висѣла, Бѣлозер. у.). Такія образованія въ говорахъ Сибири не указаны.

Въ окончаніи инфинитива говоры Сибири имѣютъ также общія черты съ сѣввеликорусскими говорами европ. Россіи

1) Формы на *-ти* и внѣ ударенія: дати, ходити, играти (Вологод. г.), сказати спати, ругати, съисти (Вят. г.), быти, стерéти... (Новг. г.).

Въ нѣкоторыхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи встрѣчаются инфинитивы на *-ти—т*, итить, вестить (Тотем. у.; сѣв зап. ч. Костром. г, и—плестить).

2) Инфинитивы на *чи* (*ци*) послѣ согласнаго корня *к*, *г* (*ж*→*х*), происхожденіе которыхъ указано было выше — пекчи (пекци), волокчи (-кци), оболокчись, сѣкчи и сѣкчи, толокчи, легчи, стерекчи, запрекчи, жекчи, мокчи, прегчи (наст.: прегут=жарятъ Вят. г.), Такъ въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ. Иногда *-чи* находится и послѣ другого согласнаго корня: ушибчись (ушибиться; Холмогор. у.). Но имѣются инфинитивныя сочетанія и иной формаціи. 1) Сохраняется прежняя форма на *-чи* (*-ци*): немоци, береци, ссячи (наст.: сягу, Черепов. у.); береци, испеци, моць... но и — берекци, пекци (Бѣлозер. у., Мишут. в.), жечи и — жегчи (Тотем. у.), мочи, лечи, жечи (Грязовец. Чердын. уу.), сѣчи и сѣкчи лехчи (Плесъ, Костром. г.), леци и лець, береци, бѣци (Меленк. у. Владим. г.).

2) *-чи* (*ци*) присоединилось къ сочетанію, представляемому прежней формой инфинитива: *ч*+*чи* (*ц*+*ци*): зберецци, стерецци, пецци (Кадник. у.).

3) *-ти* присоединено къ инфинит. на *-ч*: стерешти←стеречти (Охан. у.).

4) Къ основѣ (новой) на *к* присоединилось *-ти*: пекти (Новг., Вят. гг.).

Что касается образованій для инфинитива съ окончаніемъ *-сти* (*с'т'*, *с'*) послѣ гласнаго основы *а* (брасти..), то въ говорахъ Сибири они въ большемъ распространеніи, чѣмъ на сѣввостокѣ европ. Россіи.

Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ Сибири и европ. Россіи причастныя формы на *-ши* (*-вши*, *-мши*, *тши*) на *-ше* могутъ служить для передачи сказуемаго или быть въ составѣ этой передачи — я простудивши; там все стадо ввалив*ши*: поляк-то был

пришо*тши*. эта корова теливши .. (Тихв. у.), приш*етше* (онъ уже пришелъ), посѣдев*шё* (Борович. у.), отрех·нув*ше* (Печора), мос сломившись, лѣти учившись (Николь. у.). взямшись, брамши (Тотем. у), бро́симши, надумшись (Малмыж. у.). мы еще не ѣтьши (Буйскій у.), он был раздѣвши, [самовар] был согрѣвши, но угас (Шенк. у). Въ передачѣ сказуемаго причастная форма является нерѣдко въ сочетаніи съ *быт, была*... По говорамъ только въ такомъ видѣ передачи сказуемаго представлены причастныя формы на *-вши, -мши* (напр. въ Шенк. у.).

Въ говорахъ Новгор. и Псков. причастная форма, употребляющаяся въ значеніи сказуемаго, имѣетъ иной видъ: на *-т*: *ушот*, пришот (Борович., Тихв. Порхов. уу.). Формы эти вторичнаго происхожденія, вм. *ушотчи* ., съ утратой *-чи* вызванной вліяніемъ другой формы, служащей въ роли сказуемаго,—причастія на *-л*.

Всѣмъ великорусскимъ говорамъ извѣстно сочетаніе *кратчи*, въ значеніи нарѣчія «тайкомъ», «украдкой».

Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ держатся причастныя формы на *-учи*, въ значеніи дѣепричастій или просто нарѣчій.-ревит не утихаюци (Шенк. у.), гоняючись,играючись (Холмог. у). бываючи, идучи (Грязовец. у.), живучи (Яран. у.).-*учи* и въ прежнихъ основахъ на -і: глядучи (Каргоп. у.), живучи этого не бывало (Черепов. у.), услышали меня по ступеням идучи (Николь. у.). Въ Кадников. у. отмѣчены нарѣчія *дучи дуци* (въ значеніи «дорогою»), восходящія къ *идучи*. Чаще причастныя формы на-*учи* встрѣчаются въ языкѣ пѣсенномъ, напр: « на цюжой-то на сторонѣ

надо жить-то уміюци, говорить розуміюци, надо серцё покорциво, голова надо поклонцива, малому поклонитисё, старому покоритисё» (Кадник. у.).

Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ встрѣчаются и прич.-дѣепричастія на -'*а* рѣже на -*а*: кого не пòпадя (Костром. г.), гледя, лёжа, любя, погодя, поманя, съ роду родесь, сижа и сѣжа, сидясь, смотря, стóя, ходя (Шенкур. у.), мечляда (мнѣ кажется. Кадник-у.), гляда (=кажется; Тотем. у.). по достаку гле да (Соликам. у.), гляда (Шадрин. у.). нè—смога (Пошехон. у.).

Въ говорахъ Сибири широкое употребленіе глаголь ныхъ образованій на *ся* отражаетъ черту сѣввеликорусскихъ говоровъ. Глагольныя формы на--*ся*, какія отмѣчены для сибирскихъ говоровъ, находятся и на сѣввостокѣ европ. Россіи.—я стиралась (я стирала), шьюсь (шью платье), он молотится, я торговалась (торговала), вѣшаться (вѣшать, напр., лен на вѣшала), полотца ходил звать, я полоскалась (полоскала бѣлье), мыться (мыть бѣлье), искаться (искать вшей в головѣ, а также подавать искъ въ судъ), уловиться малины или грибов (успѣть набрать малины или грибовъ, пока не обрали другіе). Примѣры относятся къ Вятской г. Употребляются они и въ другихъ областяхъ, но, кажется, рѣже.

Въ разныхъ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи будущее время передается не только при помощи *буду*...., но и посредствам *иму*.... съ инфинитивомъ: иму дѣлать, имèш дѣлать... (напр. Тотем., Грязовец. уу.), хоцю здѣсь строить церькву да иму в ей курить ладаном (Череповец. у.).

Нарѣчія, предлоги, союзы, частицы.

Почти всѣ нарѣчія, предлоги, союзы, частицы предки сибиряковъ вынесли съ сѣвостока европ. Россіи. Лишь немногія сочетанія для нарѣчій, предлоговъ, союзовъ, частицъ появились въ рѣчи русскаго населенія только за время жизни въ Сибири. Изъ сѣвелико-русскихъ европейскихъ соотвѣтствій сибирскимъ нарѣчіямъ, предлогамъ, союзамъ, частицамъ отмѣтимъ немногое.

Давнія образованія нарѣчій времени на-*съ* держатся всюду въ сѣвеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.—лонись, вёснусь, осенѐсь, зимусь, лѣтось, ночесь, утрось, утресь.-*с* зашло въ образованія и другихъ нарѣчій; доселесь, досюлесь и др. При *с'* по говорамъ употребляется -*ся* (вёснуся...). Употребительны и образованія съ предшествующей мѣстоименной частью: севогоду, сёгоду, или сей-год, севечер, сеночи (въ эту ночь), сей-ночи или сейночь, сезимы и сей зимы, селѣто, сеосени.

Утре. вечере (вечеромъ; Орл. у.), даве, давеча, давеч, давень. втапоры или втѣпоры, топерь, топере, таперича, завсе. напрок (на будущій годъ). досяпор—досепор. пота (до тѣхъ поръ). дока, (пока; поздо. одинова или однева однажды, однижды,-а, однѣжда. -ы, единожды,-а, единижда, трожды, трижда. тожно (тогда, потомъ. ср. въ Житіи протоп. Аввакума: «таже сѣлъ опять въ корабль свой, поѣхалъ на Лену; таже пріѣхалъ къ Москвѣ»), вдругоряд,-дь, вдругорядь или индредь. Не отмѣчено: «восетъ—недавно» (вят. словарь 1772 г.). Нарѣчныя образованія съ мѣстоименной основой, восходящей къ *he -или *e : эво-

на эттака, эстолько... взадь, позадѣ, впередѣ. Особѣ (отдѣльно, врозь), вмѣстях. взамуж [выходить] этта, эттака, экова, эттаки (здѣсь), взаболь (взаправду въ самомъ дѣлѣ) или—взабыль, иззабыль, вдозаболь. одноконно (конечно; въ В. Устюж. словарѣ 1757 г.). почесь (поцесь;=почти), другомъ или другоме, другомя (иначе). опако безъ толку, на вѣтеръ), растопашку. кабыть (какъ разъ, какъ слѣдуетъ), дивно (много, довольно), шибко (мнѣ шипко погленулось, шипко сколь нарядна и т. п., «шипко—учюнь жестоко» въ В. Устюж. словарѣ 1757 г.), порато (сильно весьма): порато добер. Не отмѣчено нарѣчіе «очень» въ прежнемъ звуковомъ видѣ, съ коренным *у*, какъ это представлено во многихъ говорахъ сѣвостока европ. Россіи: очунь. очун. Даже въ Москов. у. держится еще «очюнь» (с. Радомля). Въ В. Устюж. словарѣ 1757 г. отмѣчено: «порато—очунь, зѣло». «шипко—учюнь, жестоко». однако (вѣроятно, бытто.

будс или б,ди. По говорамъ, въ которыхъ форма 3 ед наст не имѣетъ *т*, различіе значенія *буде* передается необходимостью окончанія: будё= будетъ, достаточно; убудё=убудетъ, убавится; но—буде если, коль скоро, тогда какъ (Холмог у.. Различіе звукового вида зависѣло отъ того, что *буде*, перешедшее въ категорію союзовъ, отдѣлилось отъ категоріи формъ наст вр, пережившихъ *е*⟶ *о* передъ твердымъ согл

Коло (около), подлѣ, возлѣ—съ винит: подлѣ рѣчку, возлѣ дом, сос (напр въ Москв. у: сас пар сас трёх) *с* · съ винит: съ какую сторону.

Не отмѣченъ въ Сибири предлогъ *через* (через),

извѣстный нѣкоторымъ говорамъ на сѣверѣ европ. Россіи, напр, въ Череповец. у: перез это, перес самое и т п *но* или *ну*! (=да) Частица *-ка* при нарѣчіяхъ, мѣстоименіяхъ, глаголахъ: этта-ка. туто ка. тамо-ка, здисе-ка, мнѣ ка принеси-ка...

Синтаксисъ Удареніе. Лексика.

Въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи такъ же какъ и въ Сибири, въ частомъ употребленіи «парень», «паре» или «па» (напр. въ Каргополь., Шенкур. уу.).

Въ качествѣ дополненія употребляется форма родит. на *-а* для *скота*, затѣмъ въ названіяхъ грибовъ: загонить скота. гриба нашла. нашел борови ка. наступил на рыжика. Встрѣчаются въ качествѣ дополненія формы на *-а* и для другихъ именъ:—сѣw на ковра (Грязовец. у.), смотри в оба, да береги лоба (Кадник у.).

Предлогъ повторяется передъ составными членами дополненія и опредѣленія,—за сто за сорок вёрс, за прутиком за берёзовым (Грязовец. у), у деревеньских у старух. у старосты у торговця разобрали на самой на дорогѣ (Шенкур. у.).

Въ употребленіи на сѣввостокѣ европ. Россіи сочетанія именительнаго при инфинитивѣ. Преимущественно такія синтаксическія сочетанія употребляются в случаяхъ выраженія необходимости, повелѣнія. Въ нѣкоторыхъ говорахъ только въ этихъ случаяхъ и употребляется именительный при инфинитивѣ. Выраженіе повелѣнія, необходимости были первоначальными условіями, въ которыхъ развились эти конструкціи. Съ теченіемъ времени онѣ стали

употребляться и въ другихъ случаяхъ вм. сочетаній винительнаго съ инфинитивомъ —нужно косить трава. севодни топить баня, али нѣт? (Шенкур. у.), срубить берёза, надѣть шуба (Тотем. у.) надо земля подбаранивать, мнѣ надо коса (Грязовец. у.). куда дѣвать дѣвицья красота. законная жена брать. напоить корова (Бѣлозер. у.). надо взеть одна ёлка и берёза, обить стѣна (Соликам. у.). надо вся посуда переби рать. надо та шуба починить (Камышлов. у.). надо баня топить (Шадрин. у.). надо взять шуба (Слобод. у.).

Черты у д а р е н і я, отмѣченныя въ сибирскихъ говорахъ, унаслѣдованы отъ сѣввеликорусскихъ говоровъ европ. Россіи. Протяженіе конечнаго слога, измѣненіе вмѣстѣ съ тѣмъ въ движеніи тона въ сибирскихъ говорахъ такое же, какъ и во многихъ говорахъ на сѣввостокѣ европ. Россіи. Переносъ мѣста ударенія въ тѣхъ или иныхъ формахъ сибирскихъ говоровъ согласуется вполнѣ съ такимъ же явленіемъ сѣввеликорусскихъ говоровъ европ. Россіи. Ср. соотвѣтствующіе отдѣлы въ «Матеріалахъ для изученія великорусскихъ говоровъ» и въ «Трудахъ Моск. Діал. Комиссіи».

Л е к с и к а. Лексическій составъ предки сибиряковъ унаслѣдовали отъ сѣввеликорусскихъ говоровъ. Кое-что пріобрѣтено было и въ теченіе жизни въ Сибири. Нѣсколько примѣровъ—б а р а х л о (б о р о х л о; старье; «б а р а х о л к а»—толчокъ). б а т (небольшая лодка, выдолбленная изъ цѣлаго дерева), б о т а л о (погремушка на шеѣ лошади, коровы). в ы т ь (порція кушанья, пай; кормъ, аппетитъ; «в ы т и заберу»—корму возьму; «выти нѣту»=нѣтъ аппетита; «р а з в ы т и т ь»=разверстать (по душамъ

пашни, луга) г а л и т ь с я, и з г а л я т ь с я (издѣваться), г о л б е ц (подполье, примостъ у печки). г у б а (грибъ). г о н о ш и т ь.-с я (готовить ся, приготавливать ся: припасать). д о с е л ь н о й (древній; д о с е л ь н ы е л ю д и=предки). д о с п ѣ т ь (сдѣлать приготовить). д ѣ в а х а (дѣвушка). з а п а т р а т ь (замарать, загрязнить). з а п л о т (заборъ). з а р о д (стогъ, скирдъ). з ѣ п ь, з е п (карманъ). и м а т ь (ловить). к а з ё н к а (кладовка, чуланъ въ сѣняхъ). к а л т у с (болото, кочковатый сырой лугъ), к в и л и т ь (вводить въ слезы). к и с л и ц а (красная смородина). л а д о н ь (токъ), л и п о к (бабочка). л о н ч а к, л о н ш а к (годовалый жеребенокъ). л о п а т ь, л о п а т и н а, л о п о ш (одежда). м о р о к (тучи, облака, застилающія небо; «м о р о ч н о»=пасмурно). н а з ё м, н а з ь м у (навозъ,-а; «н а з ь м и т ь»=удобрять). н а с е р д к а, п о н а с е р д к ѣ (злоба, по-злобѣ). о б о л о к а т ь с я (одѣваться). о б у т к и (обувь). о п р у ж и т ь (опрокинуть, повалить). п а у т (оводъ; въ с. Гляденъ Енис.: =паукъ). п а х а т ь (мести; напр. въ Р. Устье). п е с т е р ь (корзина изъ сосновой дранки или изъ бересты). п о р н о й (сильный), п я т н а й т е въ глаза-те! (такъ ругаются). р е в ѣ т ь (кричать, звать: «ре ви ево»). р о т и т ь с я (клясться), с м о л о с т ь (коровье вымя). с о ч и т ь (отыскивать). с т и н ь (тѣнь). т е н и г у з (с) (подъемъ въ гору; на Камчаткѣ: т е н и г и с; въ юж. Забайкальѣ: т е н и б у с), у п о в о д (извѣстная часть рабочаго дня). у р о с (капризъ), у р о с л и в о й, у р о с и т ь (капризничать, упрямиться, въ анадыр. с. Марковѣ=посылать бѣду). у ш к а н (заяцъ), х р у ш к о й (крупный). ш а н ь г а (ватруш-

ка). шуга, шуга (ледъ, плавающій по поверхности рѣки осенью, весною). щепеткой (красивый, щегольской) ѣз (изгородь для ловли рыбы мордами, вершами; заѣздок въ Шиверѣ Балган. у.). а штоб тея звило! (такъ ругаются).

Съ сѣввостока принесены въ Сибирь нѣкоторыя словесныя формулы, употребляемыя при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Напр., при угощеніи гостей говорятъ: «поелозьте, гости. поелозьте!» На это гости отвѣчаютъ: «наелозились, душа мѣра, наелозились». Такъ угощаются въ В.-Устюж. у., Вологод. г. Такъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири (напр. въ Минусин. окр.).

Съ сѣвера европ. Россіи вынесли предки сибиряковъ старыя германскія, скандинавскія заимствованія: *бат* (извѣстно и на Камчаткѣ), *голбец*.

Съ сѣввостока европ. Россіи вынесены сдѣланныя тамъ финскія словарныя заимствованія.— баскòй (хорошій, красивый), бâско (хорошо, красиво, бус (мелкій дождь), бусит (идет мелкій дождь; повсюду и на Камчаткѣ; въ ю. Забайкальѣ: «бусит»=мелкій осенній дождь; «бус»=пыль). вéньгать (плакать, хныкать). виска (небольшой проливъ соединяющій двѣ рѣки или рѣку съ озеромъ; небольшая рѣчка). èдома, (ёдома, едомо)—(горы, возвышенная равнина). елань (лугъ, лужайка, чистое мѣсто въ лѣсу), кибас, кибáсья (грузъ для невода). кокора (коряга), кондôвой, кандòвой (отборный, крупный лѣсъ, орѣхъ и т. п.), кòртом (аренда), кóртомная плата, куржàк, закуржáвѣть (хлопья инея, изморозь; покрыться инеемъ), курья (заливъ рѣки; бывшій заливъ или про-

ливъ, затѣмъ высохшій). л а й д а (иловатая отмель), л ы в а (лужа, низменное влажное мѣсто среди лѣса, свободное отъ деревьевъ). н я ш а (тина, вязкій илъ), п а р к а (одежда вродѣ рубашки; на Оби, на Камчаткѣ; самоѣд. «порга»). р а̀ д а (болотистое низменное мѣсто, иногда покрытое зарослью) с и м а̀ (нитка) употребляемая при ловушкахъ). т у е с, т у е с о к, т у я с т у я с ь (цилиндрическій буракъ изъ бересты), т у н д р а, т р у н д а, т р у н д р а (торфяное болото, кислый перегной; на Камчаткѣ: лугъ степь), хабарда̀ (буйный человѣкъ). ха̀рьюс (одна изъ породъ рыбы) хиуз (рѣзкій вѣтеръ; на Анадырѣ: рѣзкій зимній вѣтеръ съ поземкой). х и у з н о, х и у з и т. ча̀га (наростъ на березѣ). Фамилія «Ш а с т и н» (въ Иркутскѣ) отъ «шаст» или «ша̀ста» (еловый мохъ) [1]).

Въ Сибири къ старымъ финскимъ заимствованіямъ присоединились новыя, отъ о с т я к о в ъ, въ Тобольской губ. —ан ка (остячка; ост. «анка», «анки» =мать; въ пѣсняхъ вообще женщина) в а р (=перегородка устья рѣки; ост. «вар»—то же значеніе).

---

[1]) А Л. Погодинъ Сѣверноруссκія словарныя заимствованія изъ финскаго языка («Варш. Университетскія Изв », 1904. IV). М. С Фасмеръ Финскія заимствованія въ рус. языкѣ («Ж. Стар. XV, в II). М. Веске. Славяно финскія культурныя отношенія по даннымъ языка («Изв Об-ва Археол. Ист и Этног. при Каз. Унив-тѣ» 1890 г). A Ahlqvist. Über die Kulturwörter der Obisch ugrischen Sprachen («Journal de la Soc. Finno-ougr.», VII). J Mikkola Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Helsingt. 1894 J. Kalima. Die russischen Lehnwörter im Syränischen. J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im russichen. Helsingf 1915.

е й и (=старшій братъ; дядя; ост. «jaja» «jai» въ томъ же значеніи). к а н (царь; татарское слово, прошедшее черезъ остяцко-сургутскую среду: въ сург. «кан», въ иртыш. —«хан», «хон»). к а р ы ш (не большая стерлядь; ост «карёш»). к у л' (чортъ; ост. «кул'»—чортъ, водяной). м а н и (младшій братъ; ост.-иртыш, конд. «ман'а»; въ сургут.— «мон'и»). н у р (палка; ост. «нур»—палка рукоятка) н ю г а (покрышка чума изъ оленьей кожи; ост «н'уга», «н'ука»—кожа, замша). о п и (старшая сестра; сѣв. ост. «опи», иртыш. «аба», «апа»—старшая сестра, тетка по отцу). с а и п (сѣть; ост. «соjеп», «сајеп». сев.-ост. «сојип»). т о р о м (Богъ; ост.-сургут. «торем», такъ и сѣвернѣе; такъ же у вогулъ; ост. иртыш.—«турум», «турем», «турм»—Богъ, икона, небо, свѣтъ, погода, міръ). т е к и (дядя по матери; ост.-ирт «т'ека»; такъ называютъ сыновья младшаго брата ихъ матери) и др. [1])

Позаимствовано было русскими въ Сибири кое-что изъ словаря и отъ другихъ иноязычныхъ группъ. На юго востокѣ много словъ они переняли отъ м о н г о л о въ и б у р я т ъ.— а д а л и (точно, все равно: «что ревеш, адали звѣрь!»; монг. бур. «adali»). а р а́ к а, а р а х и (вино: южн.-мон. «аракі», халх.-монг.

---

[1]) Русско-сибирскій словарный матеріалъ для Тоболь. г. см. въ «Жив. Старинѣ» IV, в. I; IX, в IV; въ «Ежегодникѣ Тоболь. губерн Музея», 1917 г.; въ «Описаніи Березовскаго края» Н А Абрамова («Зап Р Геогр. об-ва», кн XII, 1857 г.). Остяцкій матеріалъ въ «Jrtisi-osztják szójegyzék», Budap. 1902. Во II мъ выпускѣ будутъ предложены болѣе подробные списки словъ по областямъ и объясненія фонетической стороны заимствованныхъ словъ

«арке»; хори-бур. «архі»), а р х и д а́ ч и т ь (пьянствовать). а р г а̀ л (сухой навозъ; бур. «àргһал»). б у д а (просо; монг. бур. «буда» съ *а* долгимъ). б у р у н (2-годовалый теленокъ; бур. «бу́ру», халх.-монг. «бі́ру»). г а я р (бѣсъ; бур. «јагир», «јајар»—дурной, подлецъ: ругат. слово). г у р а н (дикій козелъ,—самецъ бур. «гуран»). г у т у л ы (сапоги; халх.-монг. «гутул», бур «готол», ирк.-бур. «годоһон»), г у х а́ і (свинья; бур. «гахаі» «гаха̀» съ долгимъ а̀). д ы м б е й (напрасно; монг., бур. «дємеі», «дємеі»). ј е м а н (козелъ; бур. «јаман», халх.-монг. «іман»), ј е м а н у х а (коза). з а т у р а н, з а т у р а н ч и к (чай съ молокомъ масломъ и поджаренной мукой; извѣстенъ и въ Иркут. г. и на Колымѣ; монг и бур. «зутаран», «зутан»). д з е р е н (степной дикій козелъ; монг. «дзерен», бур. «зерен» съ долгимъ *е* въ первомъ слогѣ). и н з а г а н (въ юж. Забайкальѣ), и н ж и г а н на Амурѣ (дикій козленокъ; бур. «інзагһан» халх.-монг «індзаг»). и р г е н (кладенный баранъ; хори-бур «ергі» халх.-монг. «ірген»), ишиген (домашній козленокъ; бур. «ішіген», халх.-монг. «ішіг». к а л ы г е й (заика; монг «келгеі», бур «хєлгеі». к а п т у р г а (табачный кисетъ; монг. и старо бур. «хабторһа», «хабтогһа». к у к а (дѣвочка: м нг, селенг.—бур «хухе[н]», халх.-монг. «куке[н]»; у въ томъ и другомъ діалектѣ—долгое). к у р а г а ш к и, к у р г а ш к и (маленькіе барашки; хори-бур. «хурʻигһан», халх.-монг. и селенг.-бур. «хуріг» «хуригһа». к у р м а (верхняя женская одежда; у семейскихъ одежду того же покроя носятъ и мужчины; халх.-монг. и ю. монг. «курме», «курем», «хурме», «хурем», хори-бур. «хурмо» «хурме»—съ у ближе къ среднему или переднему ряду) к у ц а н

(самецъ некладеный; монг. и бур. «хуса», халх.-монг. и у обуряченныхъ тунгусовъ «куца[н]» = баран производитель). кычим (потникъ подъ сѣдло; халх. монг. и селенг.-бур. «кеджім», хори бур. «хєжім»). мангир (дикій чеснокъ; монг, бур «мангір»,—г'ер»). отхон (младшій въ семьѣ ребенокъ; монг., бур. «отхон»). солонгой (хорекъ; монг., селен. бур. «солонго», хори бур., ирк. бур. «ħолонго»). сымыгун (мозгъ изъ костей; монг., бур. «сємегħе[н]») сундалой (на Амурѣ) сандалой (въ юж. Забайкальѣ) (ѣзда верхомъ вдвоемъ на одной лошади; монг, бур «сундалху», «сундалдаху»), тала, таласа (пріятель; бур. «ṫhала»). тарбаган (сурокъ; монг., бур. «тарбагħа[н]»). тарка, тарачка (пирожокъ съ творогомъ или съ вареньемъ; монг, бур «тараг», к»=кислое молоко). таташин (бараній супъ; монг, бур. «таташі»). тымен (верблюдъ; бур. «темен» съ долгимъ *е*, халх. монг. «темен»). тулун (кожаный мѣшокъ; монг, бур. «тулум»). ургек (охота), ургечить (охотиться; монг., бур «ургел»=облава на звѣрей, «ургеху», «ургеку»=гнать звѣрей. *е* во всѣхъ случаяхъ долгое) ургуй (трава, пострѣлъ; монг., бур. «ургħуі»=подснѣжникъ). хабур (весна; монг., бур. «хабур, -ор»). хайринчи! (=жаль!; бур. «хаіран»=жаль!, «хаіран+шіjі»=ахъ, какъ жаль!»). халагай (крапива; халх. монг. «хайлагħаі», бур. «халахаі»). халзанный (лысый; монг. «халдзан», бур. «халзан»). хамхул (катунъ-трава, перекати-поле; монг., бур. «ҳамхул», «камкул, с *у* долгим). харахой (червякъ, змѣя; монг., бур. «хорхоі», «хорхаі»), харгана (мелкій кустарникъ и трава; бур. «харгħана», съ ко

нечнымъ *а* краткимъ; «харгһанан», съ долгимъ *а* въ последнемъ слогѣ) х а ш е р и к (двухлѣтній теленокъ; монг., бур «хашіраг»). х ы р с ө н (баранья грудинка; монг. бур «кєрсен», селенг бур «хєрсен», хори бур «хєрһен»). х у и н (боль въ спинѣ, въ плечах; монг., бур. «хуин», «хуjан»). хуйтун (вѣтеръ; монг. забайк бур «хуітун»=холодъ, морозъ). х у с у р а н к а (корова стародойка; монг., селенг. бур. «хусурун»-ан», хори бур «х уһуран»). ш а р а (чайныя выварки; монг., бур. «шара», съ долгимъ *а* въ первомъ слогѣ). ш а р а л ь ж а (сорная трава; хори-бур. «шарал жа»,-жі», халх монг. «шараlджи»). шойда (контрабанда; селенг-бур «шоіда», «соіда», -да»). ш у л я (супъ; халх. монг. «шуле», бур. «шуло»). [1])

На сѣверѣ заимствованія шли отъ я к у т о в ъ и меньше отъ л а м у т о в ъ, ч у к ч е й, ю к а г и р о в ъ. Нѣсколько примѣровъ изъ русско колымскихъ говоровъ. Я к у т с к і я заимствованія: к и т ы к (шалашъ изъ вѣтвей). к и н ч и, к а ч и н ч и (мѣховые чулки). к а т а р ах (корова стародойка). к а р г ы н (олень чукотской породы) с а р ы (непромокаемая обувь изъ кожи). с о р а (родъ закисшаго молока). с е м а х ъ (прядь конскаго волоса для сѣти). сутуры (наколѣнники). у д а г а н к а (вѣдьма. «Ах ты, удаганка»). х а й л а х (ссыльно-поселенец). х а р ы н,

---

[1]) Словарныя данныя русскихъ говоровъ извлечены изъ слѣдующихъ изданій: изъ словаря при книгѣ Г. М. Ѳсокина: «На границѣ Монголіи». СПб. 1906; изъ «Сборника словъ, синонимовъ и выраженій, употребляемыхъ амурскими казаками» (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. т. 87). Монголо-бурятскія соотвѣтствія сообщены мнѣ Цибеномъ Ж. Жамцарано.

харэн, хайэн (жаль!). хаханай (окунь). хаяк (замороженное сливочное масло). хотогос (поплавок при сѣти). хотон, (коровник). чебучах (берестяное лукошко). черапча (густая волосяная сѣтка для глазъ, служащая защитой отъ блеска снѣга). шам хай (волосъ конской гривы) и др. См. также указанные союзы и частицы: хата, ду.

Ламутскія заимствованія: алачики (=женская домашняя обувь). чеканить (мочиться .

Чукотскія заимствованія: калиплики (вышитая обувь). чаут (аркан).

Юкагирскія заимствованія: чемынада, тидайо! (Ах, какъ славно). [1])

IV. Русскія діалектическія группы в Сибири.

IV-я глава составитъ содержаніе II-го выпуска. Въ приложеніи будетъ данъ библіографическій указатель матеріаловъ по діалектологіи Сибири.

---

[1]) В. Г. Богоразъ. Областной словарь Колымскаго русскаго нарѣчія.

ДОПОЛНЕНІЯ.

I.

Своевременно (въ Иркутскѣ) я не могъ воспользоваться тѣми данными, какія сообщаются въ предлагаемыхъ дополненіяхъ. Данныя эти относятся къ слѣдующимъ областямъ: къ юго-западной части Томской г., къ срединной ея части, къ Семипалатинску, къ говорамъ по Иртышу, къ Омску (изъ статьи Г. Н. Потанина: «Юго-западная часть Томской г. въ этнографическомъ отношеніи». Этногр. Сборникъ Р. Г. О. вып. VI); къ Алтаю (изъ «Замѣтокъ кочевого алтайца» свящ. В. Вербицкаго. «Вѣстникъ Р.Г.О.» 1858 г, № 11. «Изъ памятниковъ великор. нарѣчія». Изд. Ак. Н. 1855. Записи былинъ и примѣчанія къ нимъ о языкѣ Алтайской области); къ Тобольскому у. (Демьянская вол.; «изъ Матеріаловъ для изученія великор. говоровъ». Изв. отд. рус. яз. и словъ Ак. Н. IV, кн. 1); къ Тюменскому у. (Еланская вол., Плехановскій приходъ; изъ «Матеріаловъ». Изв. отд. рус. яз. и слов. Ак Н. I, кн 4); къ уѣздамъ Ишимскому, Курганскому. Тарскому, Туринскому и къ г. Омску (изъ «Матеріаловъ». Изв. отд. р. яз. и слов. I, кн. 3; отсутствуютъ опредѣленныя указанія на мѣстности, къ которымъ относится сообщенный матеріалъ). Къ прискорбію, я не могъ воспользоваться рукописнымъ матеріаломъ, находящимся въ распоряженіи Московской Діалектологической Комиссіи) (см. Сборникъ отд. рус. яз. и слов. Ак. Н. т. 87.) Дополненія расположены по страницамъ основного текста. Особо выдѣленъ матеріалъ, относящійся къ Камчаткѣ.

Стр. 8. Гласный *у* вм. предударнаго и заударнаго *о*: укунусь, угурцы, упеть (Тюмен. окр. Елан. в.), обруть (по Ишим., Кург., Тарск. уу.).

Стр. 10. Акаютъ, говорятъ «свысока» на Тарѣ; «среднее» аканье указано въ говорѣ казаковъ на Иртышѣ и на Алтаѣ, въ особенности въ говорѣ женщинъ. «Самый чистѣйшій городской (!) говоръ слышенъ по Иртышу между городами Омскомъ и Семипалатинскомъ» (Г. Н. Потанинъ).

Стр. 12. «*та*перь» (и «*то*перь»), «добро*за*»... и въ говорахъ на югѣ Томской г. и въ разныхъ краяхъ Тобольской г.

Стр. 14. *и* вм. *е* передъ мягкимъ согласнымъ представляютъ говоры и въ другихъ областяхъ Сибири. «Въ Омскѣ простой народъ очень часто употребляетъ *и* вм *е*. и говоритъ: либедка, рибята, сибя, потирять, чило, види и т. д» (Изв. Отд. I, кн. 3, 557). То же въ Ишимскомъ у.: либедь, дин, двирь, питля, пичка, мильница. Здѣсь *е* → *и* не только передъ удареніемъ, какъ въ Омскѣ, но и подъ удареніемъ подобно прочимъ сѣввеликорусскимъ говорамъ.

Стр. 17—18. *'о* вм. *е* находится въ тѣхъ же положеніяхъ, какъ и въ другихъ говорахъ: будёт морё, здоровьё, времё, имё, симё синёй (Тоб. у. Демьян. в.).

Жолаю, шопуха (Демьян. в.); шолуха, шолудивый, жаних (Тюмен. у. Еланская в.); жолѣзо и жалѣзо, жоних и жаних, жанат (по Ишим., Курган., Тар. уу.).

Стр. 19. *а* → *е*: петь, десеть, опеть, глядѣть, хозеин, пресь, дедя, ейцы; взела, петно, езык (Тоб. г.).

Стр. 21—22. *цо, ца* вм. **цъ*: цолуй (по Ишим., Кург., Тар. уу.), цалуй (Тюмен у. Плехан. пр.).

и вм. *ъ* передъ мягкимъ согласнымъ: сиять (д. Шигарка ок. Томска); писни пить (въ деревняхъ ок. озера Чаны); митить, мисяц, симя (Ишим. у.); мидь, здись, сить, систь, ись, виник, витир, нидиля (Тоб. у Демьян в.); здися (Тюмен. у д. Сидорова).

Стр. 23. *ле-*: полевка (Тоб. у. Демьян. в.); слев (Черныш. ст., на Алтаѣ).

и—е. барен, ресовать, венокур, белет, мундер, командер. Иное значеніе имѣютъ, какъ суффиксы, ека→ака въ сущ. и ела (еть) въ глаг.: бруснека, подоела (по Ишим., Курган., Тар. уу.).

Стр. 24 доржать, дёржит, задёржка (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 26. *яец* и яец, воен (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 26—28. Утрата неслогового і: туэс (Алтай). Глагольныя формы со стяженіемъ гласныхъ: бѣгаш, припадат, играм (Тоб. г.). Но—хозеева (Тоб у. Демьян. в.)

Стр. 31—32. Ковда, -ы, товда; колды (по Ишим., Кур., Тар. уу.). ковды, товды (Тюмен у. Плехан. пр.), колды, толды (Тюмен. у. д. Сидорова, Тоб. у. Демьян. в.).

чо (Тоб. у. Демьян. в.).

Восударь, восподь, воспожинки (по Ишим., Кург., Тар уу.), восударь, восподь (Тоб. у. Демьян. в.).

Стр. 33. клѣв (Чарыш. станица).

Стр. 35. *хв→ф*: фастать (Ишим., Кург., Тар. уу)

Стр 36. *к→х*: х попу, г желѣзу (Тюмен. у. Плеханов. пр.); х попу, х товарищу, х человѣку, х

царю, г болоту, г дереву, г замку (Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 36—37. *н'*,*г'*: Ванькя, дочкя, чайкю (Турин. у); Ванькя, чайкю, послушайкё, толькё, рѣдькя, солнышкё, дочкя, сверьхю (Тоб. у. Демьян. в.).

т'⇝*н'*, *к'*⇝*т'*: кѣсто (Тюмен. у. Плехан. пр.); Тіев, тяхта, тедровый; кихо, кетрадь; то же измѣненіе *т* и въ группѣ *тв'*: квердый (гдѣ то по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 38. *ны*: шкырд (скирдъ; ок. Семипалатинска, на Иртышѣ).

Стр. 39. wъz⇝z-: забыль (Алтай).

Стр. 41. крофь, любофь—съ мягким*ъ* *ф* въ концѣ (по Ишим., Кург., Тар. уу., Тоб. у. Демьян. в.) Эти говоры имѣютъ мягкими и другіе губные согласные въ концѣ слова: семь, голупь, пролупь.

треложить, *трелога* (гдѣ-то по Ишим., Кург., Тар. уу.) *трезлон*, *трезлонить* (Тар. у).

Стр. 44. *ры*: крык, скрыпка, грыб (Тюмен. у. Плехан. пр.); стрыкчи, скрыпка (Тоб. у. Демьян. в.); крык, грыбы, скрыпка, крынка, капрызный, товарыщ (по Ишим. Кург., Тар. уу.).

Стр. 46. «Вмѣсто «горностай» говорятъ по всей Сибири «горносталь» (Г. Н. Потанинъ).

Стр. 48. *л'*: мольчать (Тюмен у. Плехан. пр): мольчать, желтѣть (Алтай).

Стр. 49—50. Аффриката *ц* является твердой по говорамъ Ишим., Кург., Тар. уу..

ц⇝*с*. «Внутри Томской губ., въ д Шигаркѣ ок. Томска», въ Кулундинской степи: сана, свѣла, яиса, бойса. «Въ Ишимскомъ у. почти всегда говорятъ куриса, ейсы, молодесъ, сарь, серква». Тюмен.

у. Плехан. пр: еис; дд. Сидорова и Верхнесидорова: серькофь, куриса, молодес, сарь, купес, сѣловальник, сонсо.

Стр. 55—56. Молосной (Алтай, Тоб у. Демьян. в); гасник, гашник (ок. Семипалатинска, на Иртышѣ).

Стр. 57. *ш, ж.* шыть, шыло, жыр, кожы, жоско (Тюмен. у. Плехан. пр., Тоб. у. Демьян. в.). «Въ Ишим. и Курган. уѣздахъ говорятъ шыть, шыло, жыр, кожы, жарко, шуба, а въ Тарскомъ округѣ послѣ *ж* и *ш* произносятъ *и, я, ё, ю*: жир, шило, жяр, шяг; также говорятъ—можьно, тошьно».

Мягкіе *ш, ж* передъ *и* въ русскомъ говореньѣ якута (изъ Якутска). Слабѣе мягкость *ш, ж* передъ *е*. Тверды *ш, ж* передъ гласными задняго ряда. То же различіе въ образованіяхъ *ш, ж* въ зависимости отъ слѣдующаго гласнаго наблюдалъ и въ говорѣ селенгинскаго с. Троицкаго.

Стр. 62. *з—ж*: желье, желник (ок. Семипалатинска, на Иртышѣ, ок. Каряковской станицы; *зелье* въ Чернышевск. ст., на Алтаѣ). Отражается ли въ этомъ сочетаніи (желье) общее измѣненіе согласныхъ *з'(с')* по направленію къ *ж'* (*ш'*), — неизвѣстно.

Стр. 65. *ш*кырд (ок. Семипалат., на Иртышѣ).

Въ результатѣ ассимиляціи появилось *-шша* вм. *-шса* въ формѣ 2 л. ед. наст.: годишша, збирашша, бранишша (Омскъ, Курган. у.).

Стр. 74—75. *мн—вн*: гувно, вного (Тюмен. у. Плехан пр. по Ишим., Кург., Тар. уу.).

дд→нд: ондал (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр 78. «Двойные» согласные. Въ д. Смирновой, въ 2 хъ в. отъ с. Плехановскаго, Тюмен. у., «въ разговорѣ употребляется въ словахъ вмѣсто одной

согласной нѣсколько таковыхъ, напр., бpратец, хоppошо, ты заччѣм пошол? мнѣ надо куппить коppову».

т'б⟶*р'б*: сварьба (Тоб. у. Демьян. в.). Такъ и въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи. По говорамъ встрѣчается тамъ и *свал'ба*.

кш— въ сочетаніи *кукшин* (Тюмен. Тоб. уу.). Такъ и въ сѣввеликорусскихъ говорахъ европ. Россіи.

*t—ьsko. Согласный передъ замѣной суффикса *ьsko представленъ мягкимъ. Не ясно только образованіе губного согласнаго. Мягкимъ является и *с*. Подъ вліяніемъ мягкаго *с* произошло по говорамъ измѣненіе согласнаго *к*: *к*⟶*к'* царьскёй, рюськёй московскёй (Тоб. у. Демьян. в.), руськая (Алтай). Не ясна передача съ *скёй* безъ *ь* послѣ *с*: неточность ли это передачи или здѣсь отражается процессъ отвердѣнія *с'*.

Стр 80 въ ротѣ; урки по Ишим. Кург Тар. уу)

Стр. 81 Родит. ед м.: без сн*у*, с потолк*и* с полк**у** (Тоб у Демьян в; Тюмен. у. Плехан. пр; по Ишим. Кург., Тар уу.)

Стр. 82. С тово дни (Тюмен, Ишим. Кур., Тар. уу).

Дат.: к Спасову лни (Тюмен у Плехан. пр.)

Мѣстн. ед м.: на облучк**у** на бочк**у**, в пояск**у**, в туяск**у** в город**у**, во лбѣ, в углѣ в снѣгѣ, в ротѣ по Ишим. Кург., Тар. уу.

Стр. 83—84. Именит. мн. м. и ср. *jo, ja*: гвоздьё, кольё и колья, листьё, поясья (Тоб. у. Демьян в). деверья (по Ишим.. Кург., Тар. уу). *овjo, овja*: сватовьё, сыновья (Тоб. у. Демьян. в.). *а*: 1) осетра,

жука; 2) крестьяна, мѣщана (по Ишим., Кург., Тар уу). *ы, е*: образы луги, снѣги; бары (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 85—86. Дат., творит. мн. ходить ногам, брать рукам (Тюмен. у. Плехан пр.), пріѣхал с дровам, рѣжу ножницам (по Ишим., Кург., Тар уу.) он поѣхал к татарами; сват пошел к людями; дать сѣна лошадьми (Тюмен. у., д. Сидорова).

Послѣ согласнаго окончанія тв. *ми*: слезми (Тюмен у. Плехан. пр.; Тоб. у. Демьян в).

Стр. 87. бароня, барошня, государоня (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Родит. ед ж. р.: *е* удар. (и неудар.?): от сестрѣ, из рѣкѣ Такое же окончаніе имѣетъ существ. на *-а* муж. р.: от дядѣ (Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 88. Дат.—мѣстн. ед. ж. р. на *-е* въ прежнихъ основахъ на *-ъ* (изъ краткаго *ĭ*); на печѣ, в грядѣ, в горстѣ, на лошадѣ, на путѣ. Такое же окончаніе и въ формахъ: к дочерѣ, к матерѣ (Алтай. ок. Семипалат., Тюмен., Ишим., Кург., Тар. уу). *ы, и* к сестры, к тёти (гдѣ-то по Ишим., Кург., Тар. уу.)

Стр. 90. шестеро двери; но—семеро оконниц (Тюмен. у. Плехан. в.). два годы, три годы; три дни, два раз и два разы, три раз и три разы (по Ишим, Кур, Тар. уу.).

Стр 92. Мѣст. ед. м. и ср. *-ым, -им*: в большим саду, на высоким домѣ, в худым дѣлѣ (Тюмен. у. Плехан пр.). в зеленым саду, в добрым здоровьѣ. Такъ и въ формахъ мѣстоим.: в нашим домѣ, на этим мѣстѣ (по Ишим, Кург., Тар. уу.).

Твор. ед. *-ом*: с бѣлом лицом, с добром утром (гдѣ то по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 93—94. Именит. мн.: хороши мужики, злыё люди, бѣлыё коровы, злыи, бѣлыи (по Ишим., Кург., Тар. уу).

Твор. мн. 1) с милым дѣвушкам, с добрым людям .. 2) с большимя палками, с малымя, с добрымя .. (по Ишим. Кург., Тар. уу.).

Стр. 94—95. Сравн. ст 'ае, 'аја, 'а, а, 'ајо, ејо. скоряе, смѣляя (Тюмен у. Плехан. пр.); скоряя, бѣляя, быстряя; скоря, бѣля, быстря; шибча, крѣпча (Тоб. у. Демьян. в.). смѣляе, скоряе и смѣляя, скоряя смѣля, скоря, голубя; бѣляё, скорѣё, вольнѣё (по Ишим., Кур., Тар уу.). *ее*: сушее, меньшее, большее (Алтай).

Стр. 95. Род. *вреда*: он принес много вреды (по Ишим., Кург., Тар. уу)

Стр. 96—97. у менé, у тебé, у себé (гдѣ-то въ Тар. у).

Родит. и дат. ед. съ *о* для 2 л. и возврат.: у тобя, у собя; тобѣ собѣ (Тюмен. у Елан. в.).

Дат. мн.: нами вами; пріѣзжайте к нами (Тюменск. у., д. Сидорова; здѣсь и форма дат. сущ. на *-ми*).

Стр. 97—98. в ём, в им (Тоб. у. Демьян. в.). за им; у её (Тюмен. д Сидор).

Дат., твор. мн: имя, с имя (Тоб. у. Демьян. в.) и—с ними; всѣмя (Тюмен у. д. Сидор.).

Стр 100. тая; тоё; этую или этуё (по Ишим., Кург. Тар уу.).

в та поры; с *тах* [!] пор (Усть-Каменогорскъ). Присутствіе *х* въ *ехто*, какъ въ *хто*: хто ехто? (Тоб. у. Демьян в). Чаще встрѣчается въ говорахъ результатъ измѣнения *х* → *ф*: ефто.

Стр. 102. Род.—вин.: мово, твово, сово или —мојова, твојова, својова.

Дат. мојому, твојому.

Именит. мн. мое, твое, свое (Ишим., Кург , Тар. уу).

самих, самим (Тюмен. у. д. Сидорова); самѣх (с. Плехановское; по Ишим., Кург. Тар. уу.).

Стр. 103. обѣи, обѣх, обѣм (Тюмен. у. д. Сидор.); обои двери; обѣми дверями (с. Плехан).

в однѣм; однојо; однѣ, однѣх (по Ишим , Кург., Тар. уу.).

Стр. 105 – 106. Членныя формы: хлѣб-от, масло-то, каша-та, бабы-те, бабу ту, парня-то, парню-ту; с людьми-те он живет (Тоб. у. Демьян. в).

Стр. 107. Переходъ основъ инфинитива съ *ова* - въ формы наст. вр.: подоваю, ночеваю, требоваю, совѣтоваю (по Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 108. стерегёш, жгёт, текёт, запрягём (Тюмен. у. Плехан. пр., по Ишим., Кург., Тар. уу.). Могёш, могим (гдѣ-то по Ишим., Кург., Тар. уу.). жжот (Тоб. у. Демьян в.).

Въ Курган. у. и Омскѣ отмѣчены формы наст. вр. 2 л. ед. на *-шша*: годишша, збирашша, браниша.

Стр. 110. éсте (юго-зап. ч. Томской г.).

ѣдут (=ѣдятъ); дадут (наст. вр.) (Тоб. у. Демьян. в.).

Стр. 112. *систь* (въ Тоб. у .Демьян в.).

Стр. 115. *-е* [*-т'*] въ инфинитивной основѣ: то пѣлась печь (Алтай); вопѣть, [за] говорѣл, стрилѣть (Тоб. у. Демьян. в.).

-'о [*-т'*] въ инф. основѣ: смотрять, стемнять, вечерять, бѣлять (по Ишим , Кург., Тар. уу.); звонять (Тюмен. у. Плехан пр). Ср причастную форму прош. на *-ял*: видял (Тоб., Ишим., Кург., Тар. уу).

-ит': стрѣлить (=выстрѣлить; ок. Семипалат., на Иртышѣ); смотрить (Тоб. у. Демьян. в.).

Стр. 116 Инфинит. на *-жчи* (*-жчи* и *-хчи?*): стерегчи, запрячи [запрягчи?], легчи, берегчи, немогчи (Тюмен. у. Плехан. пр.); жегчи, берегчи, стрыкчи (Тоб. у. Демьян в.); рекчи, лягчи, жечи [жекчи?] (ок. Семипалат., на Иртышѣ). *-тчи:* смо*тчи*, смотчись -собраться съ силами (Пріалтайская обл. Журн. М. Н.Пр. 1901, окт. 401, въ статьѣ А И. Соболевскаго: «Изъ исторіи рус. яз.»).

Стр. 117. Инфин. на *-ти* и на *-ть*: па́сти пасть кла́сти, класть (Ишим., Кург., Тар. уу.).

Стр. 117—118. он уѣхатши, он пришотши, сломившись (вм. сломился); идучи с поля и др. (Тюмен у. Плеха́н. пр.)

Стр. 120—126. лани, ланись; осенясь; тыды (туда); за́быль (правда); ятно (ясно) (все съ Алтая); очунь (Тоб. у. Демьян. в.).

Стр. 128. паа (=парень; „въ присказкѣ". Тюмен. у. Плехан. пр.).

Стр 130. Именит. при инфинитивѣ: квашня мѣсить, баня топить, опара цѣдить (Тюмен у. с. Плеханов.). надо труба закрыть; чтоб тебѣ голова сломить; иголка надо, булавка надо (съ опущеніемъ инфинитива); не плюй в колодец—случится вода напиться (въ Чарыш ст., на Алтаѣ въ Усть-Каменогорскѣ) потерять тебѣ будет буйна голова; потерять то нам будет слава добрая (Алтай; изъ былинъ). Ср. и такія конструкціи въ пословицахъ: мал сокол, да на р у к а н о с и т ь; велик верблюд, да в о д а в озить (г. Омскъ).

Стр. 133—134 Тоб. у. Демьян в. „Особенность

мѣстнаго говора составляетъ усиленное растягиваніе гласныхъ въ концѣ словъ: вода-а́ моя́я пивоо, худоо, сидии, мыы откуда вы.. ы; мы пойд'ом, вы ловите...е; жарча..а и т. д Такое растягиваніе словъ бываетъ въ концѣ фразы, а также .въ отдѣльныхъ словахъ, выражающихъ отвѣтъ или приказаніе: иди сюда самаа, на-а лѣшак, парня-я. иди-ко мнѣ, пятнай тяя. Часто къ концу фразы прибавляютъ частицы: *жа, то, ти* и *те* растягивая ихъ. Говорятъ: нетутии, тамокаа, пошто-тоо, иди-каа, возьми-ка мыло-тоо. Иванушко-то обѣдал-лии».

Стр. 135—138 Мѣсто ударенія. поставка, за́куска; в рѣку; знакомство (Тоб. у. Демьян. в.). средство, средства; дѣвочка (Тюмен. у. Плехан. пр). отставка. закуска; внучата, яиц, спина, дѣньга ольха, па́хота, вста́ванье; коней на конях; сѣра́; в рѣку и в рѣку, свинью (Ишим., Кург., Тар. уу.).

прѣсной, грезной (Тюмен. у Плехан пр.).

о́пасно, тѣмно; другомя; мошно (Тюмен. у. Плехан. пр).

спитѐ, ѣдитѐ (Тоб. у. Демьян. в.). пьите́, шьитѐ, говоритѐ, махнитѐ, неситѐ, деретѐсь (Тюмен. у. Плехан. пр)

идут (Тюмен. у. Плехан. пр.).

Положить (Тоб., Ишим., Кург., Тар. уу.). осырѣть (Тюмен. у. Плехан. пр.). отдохнуть, работать и работа́ть (Ишим., Кург., Тар уу). броситься (Тюмен. у. Плехан. пр.).

позвал, погнал, собрал, послал (Тюмен., Тоб. Кург., Ишим, Тар. уу.). случилось; брамши, -сь, взямши, сь (Тюмен. у. Плехан. пр.).

II. Камчатка.

Дополнительныя данныя, относящіяся къ Камчаткѣ, извлечены изъ слѣдующихъ статей: П. Кузмищевъ. Собраніе особенныхъ или имѣющихъ другое значеніе словъ и нѣк. выраженій, употр. въ Камчаткѣ. «Москвитянинъ», 1842 г., II, № 3. Его же. Замѣчаніе о камчатскомъ нарѣчіи. «Москвитянинъ». 1842 г., VI, № 11. Сообщеніе датировано: «Петропавловская гавань Августа, 1832 года».

Стр. 28—29. «Смѣшеніе» *ы* и *и*: бил, уши (усы) выли (вилы), мышка (миска), лиза (лыжа) и др.

Стр. 31. толды.

Стр. 32. осудари братцы, осудари свѣты! (въ записи: о сударі...). Такъ восклицаютъ при удивленіи.

Стр. 34. Кошлак (молодой бобръ, недостигшій надлежащей величины).

Стр. 39. *wъz*→*z*: злобчик (=взлобчикъ—пригорокъ, подымающійся круто).

Стр. 47. Передъ согласнымъ вм. велярнаго *л* «въ выговорѣ слышится непріятное по непривычкѣ *лъ*: польтина, бутилька, хольстина, испольнить, пользти и т. п.».

Стр 51—52. *ц* вм. *ч*: цево, цело.

Стр. 55. молосное (скоромное).

Стр. 58—61. *ш—с*, *ж—з*. «измѣненіе буквъ съ какою-то шепелявостью въ выговорѣ и отъ того иногда весьма забавныя перемѣны». зивет, зирной присел, сыски, сирота (широта), сило (шило), рожа (роза), башня (басня), шахма или сакма (слѣдъ отъ саней по снѣгу); тянигуж (-ш; въ другихъ говорахъ—тянигус), шикша—сикса (empetrum nigrum).

с находится и вм *щ*: сепка, ясичек (ясиц'ок?). Вм. *шт* указано *чт* въ такихъ словахъ: чтука (штука), коч тует.

Стр. 66 - 67. сепка, ясичек.

Стр 68. *т'* (*д'*) ⟿ *ч* (*дж*): чемно, учёс, чепло, чануть и др. Но въ формѣ 1 ед. наст. со вторичной основой на мягкій *т* этотъ согласный не охваченъ процессомъ *т'* ⟿ *ч*: кипятю, вертю, свистю, хотю... То же и на Колымѣ и на Анадырѣ (ср стр 108)

Стр 69—70. Повидимому, процессъ отвердѣнія губного согласнаго передъ *ö* или передъ *о* средняго рода былъ пережитъ и камчатскими говорами, хотя указанія въ этомъ отношеніи не совсѣмъ ясны. При этомъ послѣ твердаго согласнаго отмѣченъ гласный *о*: «хребот» и «глаголъ плыветъ выговариваютъ плавот». Но для *о* въ послѣднемъ примѣрѣ ср. замѣчаніе на стр. 109.

Стр. 93. Сочетанія на *о* (*-ско*) въ названіяхъ городовъ, мѣстъ: Якутско, Иркутско; из Охотск*ови*, к Большерѣцк*ому*, в Иркутск*ом* Названія на *-ско* отмѣчены мною въ Иркутскомъ и Верхоленскомъ уу.

Стр 95 - 96 Родъ. Иноязычное вліяніе отражается на утратѣ чутья грамматическаго рода Ср напр. такія конструкціи: я пора пошел (=я теперь пошла, иду); мужъ говоритъ о женѣ: «он не хочет ; собака непослушной, лукавой

Стр. 98 - 99. имя (имъ).

Стр. 101—102. «а-кто»? Съ *а-* и нарѣчіе «агдѣ?».

Стр. 102 мойской (мой), твойской (твой).

Стр. 108. кипят*ю*, верт*ю*, свист*ю*..., а также — хот*ю*.

Стр. 115. стрѣлить (выстрѣлить).

Стр. 119. вѣсится (виситъ).

Стр. 124. ятно.

Стр. 125. другом (иначе, другимъ образомъ). Однако (я думаю, мнѣ кажется). во-мало (маловато), во-рано (рановато), во-тѣсно (тѣсновато) и др.

Стр. 126. Употребленіе предлога *со* передъ формой имени, начинающейся согласнымъ *с, з, ш, ж*: со сахаром, со золой, со жарким, со шапкой и т. п.

Частица *-ка:* мнѣ-ка, ему-ка тутот ка а гдѣ ка, нѣтут-ка.

Междометія: 1) авана! 2) акика! 3) учучу! 4) энене! 5) ко-ко-ко! Эти междометія произносятся при внезапномъ ощущеніи—1) холода, 2) жара, 3) мокра, воды, 4) при какой-нибудь легкой боли и 5) въ испугѣ.

Стр. 135—137. Удареніе. сопля (штанина). санка, пара. дикой, толстой. можно.

Изъ лексики: жаркой (оранжевый, цвѣтъ горящаго угля): жаркой платок. жупан (труба подъ землею для втеченія въ юрту воздуха снизу, когда ее топятъ). куклянка (зимняя верхняя одежда нераспашная, на подобіе рубашки; шьется изъ выдѣланныхъ оленьихъ съ шерстью шкуръ). кукуль (родъ мѣшка, надѣвающагося на голову и пришитаго къ куклянкѣ). култук (узкая часть залива на самомъ концѣ его; другой меньшій заливъ, выходящій изъ большого). куржевѣть (индевѣть). куржевина курья. медуница (пчела). накипень (вода, вытекающая зимою изъ ключа и плотно замерзающая по мѣрѣ выступленія). накипь (снѣгъ пристающій комками къ самымъ полозьямъ въ сырую погоду). норка (ноздря). парохія (приходъ церковный). ровдуга (выдѣланная оленья

кожа безъ шерсти; въ Охотскѣ—роглуга). тоюн (избранный въ острожкѣ староста, начальникъ селенія). урасить (блажить, сердиться), наурас (на бѣду, къ несчастью). ушкан (заяц). час: начас (ненадолго, на неопредѣленное время, ср. въ пословицѣ: взялъ (или пошелъ) на-часъ,—да и въ добрый часъ).

Дополненія къ III-ей главѣ.

Стр. 159 ни ядного, ни ядной копейки не дали—въ Олонец. г. Вытегор. у. (с Ежезеро).

Стр 160 друх, плух, торх лух, сапох, но и—друк, торк, сток.. въ с. Зашижемскомъ Орлов у. Вят. г. телѣх, рох, сапох въ с. Красногорскомъ Котельнич. у. Вят г. Въ Ракомской в Новгород. у. старики говорятъ „рох ..“; но обычно «рок»...

Стр. 163. У вогулъ согласный *х* в русскихъ заимствованныхъ словахъ передается посредствомъ *к* или аспирированнаго kh или *х*: кырстос, козяин (у чердынскихъ вогулъ)[1]), kirex, kirăq (kh)=грѣх, parkat=бархатъ, vasmix=восьмуха (у обскихъ вогулъ [2])

Стр 164 Говоря о *к* вм *х*: въ югозападномъ углу Островскаго у. на границѣ съ Витебской г., я упустилъ изъ виду литовско-русскія взаимоотношенія въ той области. Передача *х* посредствомъ *к*—это черта литовской рѣчи[3]). То же явленіе встрѣчается

---

[1]) Этногр. Обозрѣніе. 1900, № 2, стр. 53.

[2]) Ahlqvist. Ueber die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen (Journal de la Soc. Fin.-Ougr. VIII, 17, 19)

[3]) Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle 1876. 22

и въ бѣлорусскомъ говорѣ м. Видзъ Новоалександровскаго у, Ковенской г. [1]).

Стр. 171. *к'* ⇝ *т* напр. въ Кунгурскомъ у. по р. Сылвѣ; тинуть, тисель, стипѣть, Тіевъ[2]).

Стр 178. Говоря объ отсутствіи сильно-раскатистыхъ *р* и *р'* и *р'* ⇝ *р* въ великорусскихъ говорахъ европ. Россіи я руководствовался отсутствіемъ въ доступныхъ мнѣ діалектологическихъ матеріалахъ указаній на такое явленіе въ этихъ говорахъ. Въ дѣйствительности же оказалось что такіе плавные *р* и *р'* и *р'* ⇝ *р* существуютъ по говорамъ и на сѣв.-востокѣ европ. Россіи. Ихъ я наблюдалъ впервые лѣтомъ 1920 г. въ говорѣ крестьянъ Свіяжскаго у. Казан. г. Слышу ихъ часто въ рѣчи крестьянъ, пріѣзжающихъ въ Казань изъ сосѣднихъ деревень. Въ говорѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются и шепелявые *с'*, *з'*.

Стр 184. Въ отдѣлѣ о плавномъ *л* «среднемъ» добавить: Относительно Лужскаго у. Петроград. г. имѣется слѣдующее замѣчаніе: «*л* въ *лужи, была* и т д. произносится женщинами значительно мягче [3]). «Смягченное» («среднее»?) *л* вм. велярнаго *л* извѣстно по говорамъ Вологодскаго у. «Особенно между женщинами распространено смягченное *л*: миляя (милая), молёко и т. п.». То же явленіе представляютъ и говоры Кадниковскаго у. [4]). «Среднее» *л* (l̆ указано въ женскомъ говореньѣ Казанской

---

[1]) Е. Ѳ. Карскій. Изъ русской діалектологіи. «Изборникъ Кіевскій». К. 1904. 89—90

[2]) Рус. Фил. Вѣст. LVI, 225

[3]) Изв Отд р. яз и слов I, кн 2, 343 (Матеріалы).

[4]) Тамъ же, I, кн. 2, 346

.г [1]). «Среднее» l передъ гласными задняго ряда и въ концѣ слова мною отмѣчено въ говорѣ женщины изъ д. Высокой (Плахинской в.) Михайловскаго у Рязанской г.: wsxadila, plóxa, byl, dal и др. [2]).

Стр 188 Къ отдѣлу о *ч*, *ц*, *ч* ⇝ *ш* (мягкое) отмѣтимъ еще въ слѣдующихъ говорахъ: въ Екатеринб. у. Перм. г. (д. Крутиха Бѣлояр. в.): молши; ш'ас, ш'аво, пешь, ш'о (что); въ Ветлужскомъ у. Костром. г: на пеши, трясушяя, горюши слёзы; въ Макарьевскомъ у. Костром. г.: ушитель пешкя пошав (почалъ). Въ тѣхъ же говорахъ *ц* ⇝ *с*. А въ говорахъ Осинскаго у. Перм. г. *с* (мягкое) замѣняетъ собою прежнее *ч*: 1) серсо

---

[1]) Изв. Отд. р. яз. и слов. I, кн, 2, 336.

[2]) Нѣсколько чертъ говора этой женщины. 1) *ъ* ⇝ *е*, *и* въ сјис'т'; формальнаго происхожденія *и* въ гориļа' 2) аканье. 3) Твердость согласнаго передъ ä (э) вм. *е, *ь: w мэнэ, привэс тебэ па вэрбнаја, тэпэрэ, вэрст. Передъ *и* согласные мягки Въ связи съ измѣненіемъ неударенаго *е* находится гласный ä, образованный при высокомъ подъемѣ спинки языка, близкій къ *ы* Такой гласный произносился въ отрицаніи *не* ны'знаю и др. Возможно, что на появленіи этого гласнаго отразилось вліяніе отрицанія *ни*. 4) Неслоговое *у* или билабіальное ẅ : w угли, wc'o wсхадиļа, гадоw Передъ гласнымъ—губно-зуб. v. 5) Фрикативный согласный *г* Въ окончаніи формы род.-вин. *-го* (-gà) или -vo (vâ). 6) *к* ⇝ *к'* послѣ j и мягкихъ *н, т, с, з, р, л*, а также послѣ *ч'*, но не послѣ *ш*: чајку и т. д.; девач'к'а, печ'к'а, руч к а; но—старушка. 7) мягкіе *с, з* произносятся безъ шепелявенья. 8) Мягкіе *т, д* произносятся безъ фрикаціи. 9) Мѣстоим. w мэнэ; тэбэ; јон; у јејѐ dal јејѐ (ея). 10) Форма 3 л. наст вр. оканчивается на мягкій *т* или на тематическій гласный. 11) Протяженіе предударнаго слога и измѣненіе внутри слога движенія тона.

рукависы; 2) сюла (чула), сяшка (чашка) [1])

Стр. 190 сл. Въ отдѣлѣ о физіологіи *ш, ж* добавить: Передъ *и* согласные *ш, ж* мягки въ говорахъ Орлову. Вят. г. [2]) Мягки *ш, ж* не только передъ *и*, но и передъ прочими гласными по говорамъ Казанской губ. [3]).

Стр. 190. У псковскихъ эстонцевъ, такъ называемыхъ „сетукезовъ", живущихъ въ сѣв части губ., находится въ русскихъ заимствованіяхъ sn а также sk, kitasnik: tsäposka [4])

Стр. 194. Къ отдѣлу о мѣнѣ *ш—с, ж—з*: Псковская область. Шепеляво произносится твердый согл. *з* (и *с*?) въ говорѣ поселенцевъ Лужскаго у. Петрогр. г., вышедшихъ изъ Островскаго у. Пск. г. [5]). Екатеринб. у. Перм. г. (д. Крутиха Бѣлояр в.): шходить, шмута, жгорбитца [6]) Окающіе говоры Уральской области: шохрани, шкажат, шичас, шштепе (со степи) [7]). Сызранскій у. Симб. г. «Жителей прилегающихъ къ г. Сызрани деревень наши крестьяне [самарскихъ пригородныхъ слободъ] дразнятъ: шама Шамарка шъръфан ш оборкъј» [8]). О замѣнѣ твердыхъ *с, з* посредствомъ *ш ж* по говорамъ Симбирской губ. см. также въ «Опытѣ рус. діа-

---

[1]) Рус. Фил. Вѣст. 1905 г., LIV въ статьѣ А. И. Соболевскаго: «Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ».

[2]) Изв. Отд. р. яз. и слов. III, кн. 1, 30 (Матеріалы)

[3]) См. записи въ статьѣ Е. Ѳ. Будде: «Діалектол. замѣтки». Рус. Фил. Вѣст. 1902 г., № 3—4.

[4]) Изв. Рус. Геогр. Об-ва Т. XLI, 1905 Стр. 11

[5]) Изв. Отд. р. яз. и слов. I, кн. 2, 338.

[6]) Рус. Фил. Вѣст. 1905 г., т. LIV, 43

[7]) Рус. Вѣстникъ 1890 г., № 5, 90

[8]) Изв. Отд. р. яз. и слов. III, кн. 1, 48 (Матер.).

лектологіи» А. И. Соболевскаго: жнаю, штою (42). Вмѣсто начальнаго *ж* отмѣчено *з* въ говорахъ Астраханской губ: золтый, зырный [1]). Въ с. Рождественскомъ, что на Тиму, Ливенскаго у. Орлов. г. «изрѣдка *ж* и *ш* вмѣсто *з* и *с* и наоборотъ: *ж*наю, зарка, Зиздра, широта (сирота)». Въ другомъ селѣ того же уѣзда (Студ. Колодезь) вм. *з, с* произносятся шепелявые *з с*, переданные въ записи посредствомъ *зж*, *сш*: зжнаю, зжарка, сшоль, сширока [2]). О мѣнѣ *ш—с. ж—з* въ низовомъ говорѣ Донской области сообщено также въ «Матеріалахъ для изученія великор. говоровъ» (Изв. Отд. р. яз. и слов III кн. 2, 111)

Въ 1822 г. Зоріанъ Доленга-Ходаковскій (Адамъ Чарнецкій) въ своемъ „Донесеніи о первыхъ успѣхахъ путешествія по Россіи“ сообщалъ, между прочимъ, о говорахъ Тверской губ. слѣдующее: „Въ Тверскомъ же и Вельскомъ нарѣчіи произносится еще *с* за *ш ц* за *ч* и наоборотъ, гдѣ слѣдуетъ говорить *ш*, то произносятъ *с*, и *ч* вм *ц*. Сіи измѣненія около Твери слышны также и въ Торопцѣ“. Въ сообщенныхъ въ этомъ донесеніи діалектологическихъ записяхъ имѣются такіе примѣры: „Мы Новоторсцы Цвѣрской губерніи, насъ городъ Цвѣрь куды какъ хоросый и противъ насой рицы ниту въ свици луцсэ. Рыба чапля сапка (на головѣ) купивъ въ городзи бывсы, 5 рублей давсы“ Мѣста же, гдѣ записаны эти примѣры, не указаны [3]).

---

[1]) Изв. отд. р. яз. и слов. I, кн. 2, 347.

[2]) А И Соболевскій. Замѣтки о сѣверскихъ говорахъ Рус. Фил Вѣстн. 1905 г. т LIV, ст. 43, 45

[3]) С Буличъ. Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. I СПБ. 1904 Стр. 1134.

Стр. 195. Въ 1825 г. М. Макаровъ въ своихъ «Замѣткахъ о земляхъ рязанскихъ» предложилъ образчикъ рѣчи касимовца-мещеряка: „Гать собѣ подъ носъ, хвастуномъ мини не взбулгацисъ“...[1]) Ср. *с* въ послѣднемъ словѣ, въ формѣ 2 л. ед. наст. вр.

Финскія справки о *ш—с* дополнить слѣдующимъ указаніемъ. Въ русскомъ говореньѣ финновъ Выборгской и Куопіосской губ. смѣшиваются *с* и *ш ч* и *ц* [2]).

Стр. 197. Въ отдѣлѣ о шепелявыхъ мягкихъ *с, з* можно сослаться еще на говоры Л у ж с к а г о у Петрог. г. (Яблоницкая в.) [3]).

Стр. 200 Передвижка въ образованіи ряда согласныхъ *ш—с, ж—з* и наличность согласныхъ $с^{ш}$ $з^{ж}$ или $ш^{с}$, $ж^{з}$ обратила на себя вниманіе и руководителей „искусства выразительнаго чтенія“. Такъ одинъ изъ нихъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: „По большей части шепелявость проявляется или въ замѣнѣ однихъ звуковъ другими, или въ прибавленіи звука *с* къ другимъ звукамъ. Наиболѣе частые виды ея: звукъ *ж* замѣняется звуками *з* или *сж сз*. Напримѣръ вм. *жалко* нѣкоторые произносятъ *залко, салко, сжалко, сзалко*[?]. Звукъ *з* замѣняется звуками *с, ж, ш, сж, сш* (*зола—сола жола, шола, сжола*, [?] *сшола*). Звукъ *с* обращается въ *ш, сш, сж*; звукъ *ш* наоборотъ—въ *с шапка—сапка, сани—шани*). *ч* обращается въ *ц*, а сложный звукъ *щ*—въ *сц* (*чашка—цацка, щедрый—цедрый*). Эти виды шепелявости замѣтны съ большею рѣзкостью у

---

[1]) С. Буличъ. Тамъ же, стр. 1140.

[2]) В Чернышевъ. Какъ произошла мѣна *ч* и *ц* въ русскихъ говорахъ? Рус. Фил. Вѣст 1902 г, № 1—2, 1 7.

[3]) Изв. Отд р. яз. и слов. I, кн. 2, 338 (Матер.).

евреевъ и чухонъ“ [1]).—У «чухонъ» это—черта ихъ финской фонетики, а у евреевъ это—отраженіе польскаго «мазуренья».

Стр. 207. Вогульская группа. Въ говорахъ вогульской группы представлены сочетанія съ *ш* и *с* сам, шам («глаза»); сат, шоᵉт („сто“); сор шор («рог».) Въ этихъ сочетаніяхъ вогульскіе *с*, *ш* отражаютъ замѣну финоугорскаго *с‘*.

шоᵉб , саб· (*б*— спирантное) („кислый“). Въ этомъ примѣрѣ вогульскіе *ш*, *с* представляютъ собою замѣну финоугорскаго *ш*.

Та же двойственность *ш*, с, а также *с‘*, отражаются и въ русскихъ заимствованіяхъ, представляемыхъ вогульскими говорами. естоп («штоф·), jассех («ящик») пескен (←пушка; «ружье»), с‘емс‘ех (←жемчугъ; «серьга»); ишл‘ап («шляпа»), ишлеи («шлея»). *ш*, *с*, *с‘* находятся въ русскихъ заимствованіяхъ у вогулъ также вм. русскихъ *ч*, *ц*. асвес‘а («свѣча»), п‘ӱс‘кӣ («бочка»), сеп („цѣпъ“), с‘ос‘ («часъ»)

Слѣдуетъ имѣть въ виду физіологію вогульскаго s‘(c‘). Это не обычный палатализованный согласный *с‘*, но согласный близкій къ *ш*. Б. Мункачи такимъ образомъ описываетъ образованіе этого согласнаго: мѣсто касанія кончика языка одинаково у *с‘* и *ш*; но при образованіи *с‘* съ твердымъ небомъ соприкасается самая передняя часть кончика языка; при *ш* же зона касанія шире[2]).

---

[1]) Д Коровяковъ Искусство и этюды выразительнаго чтенія художественныхъ произведеній. Птгр. 1914. Стр. 21.

[2]) B. Munkácsi: A vogul nyelvjárások szòra-gozása Budapest. 1894. Стр. 4. Для вогульскихъ говоровъ, кромѣ

Такой же согласный *с'* отмѣченъ и въ сѣверно-остяцкихъ говорахъ [1]).

Имѣя въ виду состояніе вогульскихъ говоровъ относительно согласныхъ *ш—с'—с* въ прошломъ и настоящемъ, можно полагать ихъ воздѣйствіе на передвижку *ш—с* и на появленіе *с'ш* въ русскомъ языкѣ западной части Тобольской области.

Вообще, при обозрѣніи судьбы согласныхъ *с—с'—ш* необходимо учитывать передвижку въ образованіи этихъ согласныхъ, пережитую отдѣльными финскими группами[2]).

Стр 222. Отдѣлъ о судьбѣ согласнаго ┼j┼ гласный въ великорусскихъ говорахъ пополнить примѣромъ изъ Пермской г.: с молоннями (изъ пѣсни) [3]).

Стр. 224. Къ отдѣлу о сочетаніяхъ согласныхъ *бв*. Въ говорѣ г. Устюжны Нов. г. и окружія ея находится иной результатъ измѣненія *бв*: резуль-

---

указанной работы Мункачи, см. его же статью въ Ungarische Revue 1890 г Ahlqvist Ueber die Kulturwörter der obisch-ugr. Sprachen. Его же. Wogulische Sprachtexte («Mémoires de la Soc. Finn Ougr.» VII), 1894.

[1]) Въ изслѣдованіяхъ Pápay и Karjalainen. См. въ VI т. Finnisch-Ugrische Forschungen. Anzeiger 22.

[2]) Paasonen. Zur Geschichte des fin.-ugr. sch-lautes („Fin Ugr. Forschungen", XII). Wichmann. Zur Geschichteder finnisch-ugr. anlautenden s- und tsch-laute im tscheremissischen („Fin.-Ugr Forschgungen", VI). Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig 1910. Изслѣдованія Setälä указаны выше.

[3]) А И. Соболевскій. Изъ исторіи рус. языка. Ж. М. Н. Пр. 1901, окт. 402.

татъ такого же направленія ассимиляціи, какое было пережито нѣкогда всѣми славянами: *бв*⟶*б*: обарить (обварить) [1].

Стр 229. Отдѣлъ о формахъ родит. ед. м на *-у* дополнить: Форма на *-у*: сну, без-сну отмѣчена во многихъ сѣверовеликорусскихъ говорахъ: въ Вят., Вологод., Олонец, Арханг. гг. Широко распространена форма на ударенное *у* и въ—потолку, напр въ Кадников. у. (Заднесельская в.), въ Орлов. у. Вят г. (с. Зашижемское), въ Вытегор. у. и др. Въ тѣхъ же областяхъ форма на *-у* употребляется и при сочетаніяхъ съ «два», «три»: два году, три году, три разу.

Стр. 250. Звуковой видъ окончанія формы 2 л. ед. наст. вр. на *-шша*⟵*шс'а*, отмѣченный в Омскѣ и Курган у. Тоб. губ., представляютъ многіе говоры на сѣверѣ и востокѣ европ Россіи, напр, въ Вят. Новгород гг.

Стр 256. Замѣчаніе о причастныхъ формахъ для „видѣть“ дополнить слѣдующими примѣрами: вижен (Остров у. Пск г, Петрозавод у. Олонец. г., Устюжен. у Новг. г и—видѣт; Новгород. у. и—видла). видла, увидла (Новг. у. Гдовскій у. Петрогр. г, Петрозавод Вытегор. уу. Олонец. г. и—видьла; Остров. у. и—видила); видял (Вытегор. у.; ж. р. и мн.: видла, видли; Устюжен у. Новгор. г. и др.).

Стр. 259. По сѣверовеликорусскимъ говорамъ распространена передача будущаго времени посредствомъ сочетанія глаголовъ *иму, имеш.* или учну (почну, начну) учнеш... съ инфинитивомъ: иму дѣлать, имѣм дѣлать... (Кадниз. у Нижнеслобод. в). учну (почну), ревѣть.. (Устюжен. у. Новг. г.).

---

[1]) Изв. Отд р. яз и слов. I, кн 4, 988 (Матер.).

ОПЕЧАТКИ.

			Напечатано.	Слѣдуетъ.
Стран. 24	строка	3 св.	*ъ[ь]trt *ъ[ь]tlt	*tъ[ь]rt,*tъ[ь]lt.
« 65	«	10 сн.	«джеп»	«джеб»
« 100	«	12 св	мѣст.	Мѣстн.
« 100	«	2 сн.	*т ја*	*таја*
« 119	«	3 сн.	*дорзама*	*д'орзама*
« 119	«	6 сн	мѣстахъ	мѣстахъ).
« 122	«	1 св.	(мимо	(мимо;
« 122	«	2 св	ть	(ть)
« 122	«	4 св	впереди	(впереди
« 122	«	5 св	вблизи	(вблизи
« 123	«	12 сн.	в досконал	в досконал'
« 124	«	8 сн.	сильно	(сильно
« 124	«	3 сн.	Иркут.	(Иркут.
« 124	«	2 сн.	внятно	(внятно
« 125	«	14 св.	много	(много
« 125	«	3 сн.	сыт јо	сыт'јо
« 126	«	6 сн.	*ой*	*йо*
« 127	«	5 сн.	тада	тада)
« 127	«	5 сн.	заwтра	заwтр'а
« 127	«	4 сн.	тапер	тапер'.
« 128	«	2 св.	л к'а	л'к'а
« 128	«	4 св.	растут	растут,
« 128	«	4 сн.	полон	полон.
« 131	«	5 св.	нà пя тьи	нà пять и
« 136	«	13 сн.	дѣвочка	дѣвóчка
« 140	«	1 сн.	Шаньгѣ	по Шаньгѣ.
« 145	«	10 св.	добавить послѣ «села»:	«и его окружія»
« 145	«	13 св.	156	256
« 150	«	7 св.	е	ᶜе
« 151	«	1 св	великоруссовъ	великорусовъ.
« 151	«	1 сн.	сѣввеликоруссовъ.	сѣввели корусовъ:
« 152	«	1 сн.	lhnwörter	lehnwörter
« 156	«	7 сн.	Тстюж у.	Устюж. у.

			Напечатано.	Слѣдуетъ.
Стран.	160	строка 2 св	начальнъми	начальными
«	166	« 4 сн.	с͡аркът	ˢа͡ркът.
«	167	« 13 св	фороˣ ба	фороба
«	167	« 5—4 сн	*фф* для*chw	*ф* для*chw
«	169	« 13 св	могло	могла
«	170	« 9 сн.	взадъ	впередъ
«	171	« 6 сн.	губно-губное *в*	губно-зубное *в*
«	175	« 4 св.	бар бло	бор‘бло
«	177	« 12 сн.	Baran	Baron
«	180	« 2 св	соколчекъ	сокоичекъ
«	180	« 17 св.	nnei	innei
«	181	« 12 сн.	lur	l и r
«	182	« 5 сн.	То отражается	То же отражается
«	188	« 11 сн	по средством	посредствомъ
«	191	« 10 св.	соцсрѣкли	соустрѣкли
«	192	« 17 св.	польскій *з‘*	польскій *s* .
«	193	« 3 св	*ш*, вм. *с*,	*ш‘* вм *с*
«	197	« 6 св.	мягкихъ *с*,*с*,	мягкихъ *с*, *з*,
«	215	« 9 св.	мѣна *ш—с‘*	мѣна *ш—с*,
«	239	« 8 сн	(вм *е)	(вм.*е)
«	241	« 11 св	хитрѣя	хитрѣя,
«	241	« 11 св.	смѣлѐ	смѣля
«	253	« 15 сн.	сочетаніемъ *уж*	сочетаніемъ *ут*
«	255	« 2 сн.	шевелѣть, ся	шевелѣть,—ся
«	256	« 15 св	обманит	обманить
«	261	« 3 св	кова	экова
«	263	« 7 сн.	барахле	барахло
«	266	« 18 св	ан ка	ан ка
«	272	« 3 сн	т 87.	т. 87).
«	284	« 11—12 св	средняго рода	средняго ряда
«	288	« 18 сн.	*6	*ь

Во многихъ другихъ случаяхъ не вышелъ знакъ мягкости согласнаго: это видно по разстоянію между буквами большему, чѣмъ при обычномъ наборѣ. Не вышли также во многихъ случаяхъ запятыя, точки, тире, скобки.

Дополнительный списокъ опечатокъ.

			Напечатано.	Слѣдуетъ.
Стр. 189,	строка	15	св. *с'н—ц'н*	*с'н←ц'н*
» 192	»	16	сн. польскій з'	польскій ś
» »	»	13	св. Никольскимъ	Никольскомъ
» 198	»	5	св. r=h	r=h;
» 201	»	12	сн. *жс'с'*	*жс'з'*
» 209	»	14	сн. Маноголо-бурятская	Монголо-бурятская
» 215	»	15	св. *ш—с—с*	*ш—с—с'*
» 216	»	13	сн. *да'*	*д'а*
» 219	»	1	св. т,с'идаки	т'с'идаки
» »	»	8	св. къ *т'а*	къ *т'*, а
» »	»	1	сн. *е, і:*	*е:*
» 224	»	6	св. *бм←мм, бв←вв.*	*бм→мм, бв→вв.*